

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 2 (50)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2023**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент,
председатель член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор,
заместитель председателя член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО,
заместитель председателя первый проректор МГПУ, Россия, Москва
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент,
заместитель председателя проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
главный редактор
- Омельянчук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
заместитель главного редактора
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, США, Вирджиния, Александрия
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Гагкуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы
- Иванов А. А.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры новейшей истории России Института истории СПбГУ, Россия, Санкт-Петербург
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Самара

- Копелев Д. Н.* доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Мальшева О. Г.* доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Матвеев Г. Ф.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Михайловский Ф. А.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва
- Николаев А. Б.* доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Орлов С. В.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Пазин Р. В.* кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Россия, Москва
- Рокки Э. К.* магистр исторических наук (PhD), Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.* кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ, Россия, Москва
- Сорокин А. А.* кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ, Россия, Москва
- Токарева Е. А.* кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Черникова Т. В.* доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

- Андреев И. Л., Челнокова А. Ю.* «Государевы нетчики»
(к вопросу о месте бегства дворянства со службы в «диалоге»
власти и дворянства в XVII в.)6
- Черемных О. А.* Статья Г. В. Вернадского «Венгерский поход
1849 года».....25
- Кискидосова Т. А.* Общества попечения о начальном образовании
в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в.
(по материалам региональной прессы)35
- Иванов А. А., Ковалева Е. О.* Деятельность архимандрита Виталия
(Максименко) на Волыни: политический экстремизм или противодействие
стихийному радикализму?.....46
- Малышева О. Г., Гарькавый И. В.* Судьба российского политика:
Федор Александрович Головин (1867/68–1937).....65

Новейшая история России

- Шведова В. В.* Преступления милиционеров рабочей милиции
Выборгского района и городской милиции Спасского района
Петрограда (март – октябрь 1917 г.)78
- Токарева Е. А., Полтавец И. А.* К вопросу об исследовании судеб
бойцов Московского народного ополчения95
- Целыхова Е. К.* Утраченное зеркало эпохи: павильон «Охота
и звероводство» на ВДНХ108

Всеобщая история

- Петров М. Д.* Соперник Томаса Уэнтуорта: лорд Антрим
и его проект Новой ирландской армии.....127
- Нохрин И. М.* Образ США как фактор развития канадского
национализма в период восстаний 1830-х гг.140
- Рябов А. В., Огарков А. Н.* Причины Боксерского восстания:
по воспоминаниям участника осады Пекина В. В. Корсакова.....157
- Рабуш Т. В.* «Земледельческий Афганистан» Н. И. Вавилова
и его вклад в развитие отечественной афганистики173

- Авторы «Вестника МГПУ». Серия «Исторические науки»,
2023, № 2 (50)»184**

- Требования к оформлению статей.....188

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

- Andreev I. L., Chelnokova A. Yu.* «Sovereign netchiki» on the question of the place of flight of the nobility from service in the «dialogue» of power and nobility in the XVII century 6
- Cheremnykh O. A.* Article by G. V. Vernadsky «The Hungarian campaign of 1849» 25
- Kiskidosova T. A.* The societies for the care of primary education in the cities of the Yenisei province in the late XIX – early XX century (based on the materials of the regional press) 35
- Ivanov A. A., Kovaleva E. O.* Activities of archimandrite Vitaly (Maksimenko) in Volynia: political extremism or counteraction of spontaneous radicalism? 46
- Malysheva O. G., Garkavy I. V.* The fate of the Russian politician: Fedor Aleksandrovich Golovin (1867/68–1937)..... 65

Modern History of Russia

- Shvedova V. V.* Crimes of militiamen of the workers’ militia of the Vyborgsky district and the city militia of the Spassky district of Petrograd (March – October 1917) 78
- Tokareva E. A., Poltavets I. A.* To the question of the study of the fates of the fighters of the Moscow people’s militia 95
- Tselykhova E. K.* The lost mirror of the age: pavilion “Hunting and fur farming” on the Exhibition of achievements of national economy (VDNKh) .. 108

General History

- Petrov M. D.* Thomas Wentworth’s rival: Lord Antrim and his project of New Irish Army..... 127
- Nokhrin I. M.* The image of the USA as a factor in the development of canadian nationalism during the uprisings of the 1830s 140
- Ryabov A. V., Ogarkov A. N.* The causes of the Boxer rebellion: as recalled by V. V. Korsakov, a participant in the Beijing siege 157
- Rabush T. V.* “Agricultural Afghanistan” by N. I. Vavilov and his contribution to the development of Russian Afghan studies 173

Authors of the MCU of Historical Studies,

2023, № 2 (50) 184

Requirements for the Style of Articles..... 188

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.01

Андреев Игорь Львович

кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
andreev_hist@mail.ru

Челнокова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

«ГОСУДАРЕВЫ НЕТЧИКИ» (К ВОПРОСУ О МЕСТЕ БЕГСТВА ДВОРЯНСТВА СО СЛУЖБЫ В ДИАЛОГЕ ВЛАСТИ И ДВОРЯНСТВА В XVII В.)

Аннотация. Рассмотрение причин, побуждающих дворянство избегать службы или покидать ее до срока (так называемое нетство) представляется актуальным в связи с тем, что это явление в середине – второй половине XVII в. носило массовый характер и как проявление жизненных реалий находилось в постоянном развитии. По мере того как власти изыскивали способы заставить служилого человека своевременно являться на службу и служить, дворяне и дети боярские придумывали все новые и новые способы обойти законодательство и практику розыска беглых. Размах нетства находился в прямой связи с интенсивностью и тяжестью службы. Влияла на масштабы бегства также решимость властей бороться с подобными рода нарушениями. Однако материальная несостоятельность служилых людей побуждала правительство подходить с осторожностью к наказанию нетчиков и беглых ратных людей.

Вместе с тем, будучи неотъемлемой частью службы, нетство и борьба с ним выступают, с одной стороны, как проявление этой службы, а с другой стороны, как способ воздействия сторон друг на друга. Это свидетельствует о том, что

проблема нетства не исчерпывается военно-служебными аспектами, а может и должна рассматриваться в более широком контексте складывающегося на протяжении всего XVII в. диалога служилого сословия с властью. В исследовании этого диалога важным представляется изучение сословного самочувствия самого дворянства, а именно способности провинциальных служилых людей в рамках своих сословных институтов — служилых городов, через угрозу служебной порухи, адресованную власти, — последовательно и осознанно отстаивать свои интересы и требования.

Ключевые слова: государева служба, нетчики, нетство, поместное войско, служебная поруха, диалог власти и дворянства, сословный менталитет дворянства.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.01

Andreev Igor L.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
andreev_hist@mail.ru

Chelnokova Alla Yu.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
allajurevna@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8785-0670

«SOVEREIGN NETCHIKI» (ON THE QUESTION OF THE PLACE OF FLIGHT OF THE NOBILITY FROM SERVICE IN THE DIALOGUE OF POWER AND NOBILITY IN THE XVII CENTURY)

Abstract. Consideration of the reasons that encourage the nobility to avoid service or leave it before the deadline seems relevant due to the fact that the phenomenon of non-nobility in the middle – second half of the XVII century was massive and, as a manifestation of the realities of life, was in constant development. As the authorities searched for ways to force a serving man to appear on duty and serve in a timely manner, nobles and boyar children came up with more and more new ways to circumvent the legislation and the practice of searching for fugitives. The scope of the service was directly related to the intensity and severity of the service. The determination of the authorities to deal with such violations also influenced the scale of the flight. However, the financial insolvency of serving people pushed the government to various decisions, prompting it to approach with caution the punishment of netchiks and fugitive military men.

At the same time, being an integral part of the service, piracy and the fight against it act, on the one hand, as a manifestation of this service, and on the other hand, as a way for the parties to influence each other. This indicates that the problem of slavery is not limited to military service aspects, but can and should be considered in the broader context

of the dialogue of the service class with the authorities that has been developing throughout the XVII century. In the study of this dialogue, it is important to study the class well-being of the nobility itself, namely, the ability of provincial service people within their class institutions — service cities, through the threat of official ruin addressed to the authorities, to consistently and consciously defend their interests and demands.

Keywords: the sovereign's service, netchiki, netstvo, the local army, the official porukha, the dialogue of power and nobility, the class mentality of the nobility.

Введение. На протяжении всего XVII в. проблема явки дворян на службу и бегства с нее была для властей одной из самых острых. Неслучайно обязательство не покидать самовольно государеву службу фигурирует в крестоцеловальных записях служилых людей. Тем не менее эта мера мало помогала. «Болезнь» быстро прогрессировала с момента возникновения поместного войска. И это вполне объяснимо: нетство («нети», «неты», «нетчики») — прямое следствие поземельного характера службы, хотя, конечно, только этим нельзя объяснить пространный список причин бегства. Поставив службу в прямую зависимость от материального положения ратного человека, «поднимавшегося» на службу из своего поместья или вотчины, власть создала условия для всевозможных уклонений по причине отсутствия или недостатка средств. Система была обречена на появление невольных нетчиков, которые не приезжали в полки или покидали их до срока не потому, что не желали служить, а потому что не могли этого сделать. Для одоления подобного недуга следовало предложить иные принципы организации и обеспечения службы вкупе с изменением взглядов на саму службу.

Нельзя сказать, что в этом направлении первыми Романовыми ничего не было сделано. Однако коренные изменения пришлось на правление Петра I. Реформатор разорвал прямую связь между службой и землей. Владение землей как основание «подниматься» или «не подниматься» на службу ушло в прошлое. Связь «служилый человек по отечеству — верстанье — испомещение — государева служба» сменилась на более простую, лишенную «посредников»: «дворянин — служба». Иначе говоря, служба вытекала из сословной принадлежности: ее стали рассматривать как сословную повинность и одновременно как неотъемлемую часть дворянского статуса со всеми его наследственными правами, привилегиями и обязанностями.

Ликвидация «земельного посредничества» при Петре I чрезвычайно важная перемена, свидетельствующая о возросших материальных ресурсах государства, поскольку денежное жалованье приобретает в XVIII в. несравненно большее значение, нежели это было прежде. В XVII в. городское жалованье или даже жалованье «из чети» давались скорее «на подъем», в канун очередных военных кампаний. В феврале 1711 г., с утверждением нового порядка обязательной службы в полках кавалерии и инфантерии, было установлено штатное жалованье, заменявшее прежнее награждение служилых людей поместными землями. Три года спустя, с появлением Указа о единонаследии,

был упразднен поместный оклад. Денежное жалованье стало основной формой вознаграждения с привязкой к званию¹. Власть избавлялась от крайне обременительной для себя задачи наделения дворянства землей. Высвобождались огромные властные ресурсы, которые перенаправлялись на решение более важных задач государственного строительства и управления.

Разрушение в сознании дворянства связи между земельным имуществом и службой лишило служилого человека такого весомого «оправдательного» аргумента для нетства, как отсутствие у него поместья и всех производных статусов — беспоместного, малопоместного, пустопоместного и т. д. — помещика. Нетчик уже не мог сослаться на эти обстоятельства, или, по крайней мере, пространство для подобного рода заявлений существенно сужалось. Даже ссылка на бедность приобретала несколько иной подтекст: она оказывалась связанной с размерами жалованья, его невыплатой, задержкой и т. д. Конечно, служилые люди еще долгое время продолжали сослаться на отсутствие имений, этих истинно базовых источников дворянского благополучия. Но так проявлялась инерция сословного менталитета.

Само отсутствие на службе может быть рассмотрено не только в плане материального положения служилого человека. Оно еще и часть диалога, который складывался между властью и дворянством. Будучи неотъемлемой частью службы, нетство и борьба с ним выступают как проявление этой службы (состояние службы, ее организация, отношение к службе дворянства и т. д.) и одновременно как способ воздействия сторон друг на друга. Последнее требует некоторого разъяснения. Дело в том, что нетство можно рассматривать как демонстрацию сословного самочувствия дворянства. Следовательно, чрезвычайно важно попытаться выяснить те причины, которые побуждали дворянство избегать службы или покидать ее до срока. Более того, массовое нетство было средством давления дворянства на власть. При этом в не особенно богатом арсенале средств воздействия дворянства на правящие сословие нетство, следом за коллективными челобитными и дворянским «рокошем», можно причислить едва ли не к самым эффективным способам вразумления властей предрежащих. Стороны это неплохо понимали. Неслучайно дворяне в своих коллективных обращениях неизменно пугали Романовых угрозой служебной порухи, если те не пойдут навстречу их требованиям.

С другой стороны, понятно, что словесные угрозы лишь полдела. Важно выяснить, способны ли были провинциальные служилые люди осуществить их, причем не стихийно, как следствие случайно сложившихся неблагоприятных обстоятельств, а вполне осознанно, по взаимной договоренности, в рамках своих сословных институтов — служилых городов. В связи с этой задачей попытаемся хотя бы в самом общем виде охарактеризовать нетство в середине — второй половине XVII столетия.

¹ Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М., 1999. С. 37.

Ход и результаты исследования. Какой размах приобретало нетство в XVII в.² В литературе по этому поводу нет единой точки зрения. Обычно, следуя за источниками, исследователи говорят о существенном размахе этого явления, способного повлиять на исход целых кампаний. Так, Н. Ш. Коллманн писала: «По подсчетам Джона Киипа, к концу века лишь один из каждых пяти провинциальных детей боярских был активно занят на военной службе, остальные все время пребывали в своих поместьях»³. Цифра спорная и вместе с тем показательная, заставляющая говорить уже не о кризисе служилой системы, а ее полном крахе.

Встречаются и противоположные призывы — не преувеличивать размах нетства. Надо признать, что опираться на отписки воевод, подобно тем, что присылал боярин М. Б. Шеин в конце 1633 г. из-под Смоленска, для выводов о всеобщем бегстве действительно некорректно. Оказавшийся в тяжелом положении, Михаил Борисович был заинтересован в том, чтобы представлять свое положение в самых мрачных красках. Преувеличение в воеводских отписках, начиная с описания побед и подсчета «убитых мужиков» и кончая пережитыми трудностями, едва ли не родовое свойство этого типа источника.

Столь же неубедительны ссылки на публицистические произведения. Они скорее позволяют судить об общественных настроениях, отношении к таким явлениям, как уклонение дворян от службы. Мы имеем в виду прежде всего известные обвинения И. Т. Посошкова, давно уже ставшие расхожей иллюстрацией к теме нетства. Посошков посчитал нормы Соборного уложения о наказании нетчиков излишне мягкими. Критикуя их, он писал: «Тем прежним указом (о наказании. — *И. А., А. Ч.*) так дворяня избалованы: в Устрицком стану есть дворянин Федор Мокеев сын Пустошкин, уже состарелся, а на службе ни на какой и одну ногу не бывал... <...> И не сей токмо Пустошкин, но многое множество дворян веки свои проживают»⁴.

И. Т. Посошков повествует о проделках Пустошкина, с помощью которых тот избегал службы. «И какие посылки жестокие на него ни бывали, — писал публицист, — никто взять его не мог, оных дарами угобзит, а кого дарами угобзить не может, то притворит себе тяжкую болезнь или возложит на ся юродство и возгри по бороде попустит. И за таким его пронырством инии и з дороги отпускали, а егда из глаз у посыльщиков выедет, то и юродство свое отложит и, домой приехав, яко лев рыкает. И аще и никаковые службы великому государю кроме огурства (непослушания, упрямства. — *И. А., А. Ч.*) не показал, а соседи все его боятца»⁵.

² Число нетчиков в XVI в. уже достигало цифр, существенно влиявших на планы и возможности властей. Особенно ощутимо это стало видно на исходе Ливонской войны. См.: *Зимин А. А.* В канун грозных потрясений. М., 1986. С. 54; *Скрынников Р. Г.* Россия после опричнины. Л., 1975. С. 90.

³ *Коллманн Н. Ш.* Соединенные честью. М., 2001. С. 328.

⁴ *Посошков И. Т.* Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое. М., 2010. С. 105, 106. (Библиотека отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века).

⁵ Там же. С. 106.

Надо признать, что сколь ни живописны пассажи Посошкова, о подлинном размахе неявки на службу на их основе судить трудно. Очевидна необходимость обратиться к приказному делопроизводству с его бесчисленными списками «естий и нетов». На смотрах, к примеру, воеводы опрашивали окладчиков «по спискам про дворян и детей боярских, про всякого человека порознь», выясняя среди прочих вопросов о том, как он служил прежде — не бегал ли? являлся ли в полки к назначенному сроку? По-видимому, только комплексное изучение подобных источников позволит выяснить истинную ситуацию с явкой и пребыванием дворян на службе в полном объеме и на прочной документальной основе.

Тем не менее уже сейчас можно сделать некоторые предварительные выводы. Понятно, что размах нетства находился в прямой связи с интенсивностью и тяжестью службы. Влияла на масштабы бегства также решимость властей бороться с подобного рода нарушениями. Служилых людей не могли ввести в заблуждение словесные угрозы, звучавшие в царских указах. Для них было важно, насколько они подкреплялись реальными санкциями. Так, в относительно мирный 1650 г. каждый третий московский дворянин первой половины позволил себе не явиться или до срока съехать со службы. Из доклада в Боярской думе выясняется, что на 25 августа в «ести» числилось 659 человек, в «неты» попало 602. Еще 159 были в посылках, на воеводстве или получили отсрочку. Кроме того, 178 человек служили в рейтарах и 37 находились при дворе. Таким образом, число нетей составило почти 38 % от общего числа призванных к службе⁶.

Войны, естественно, влияли на нетство. Особенно в моменты кризисные, вызванные неудачами на полях сражений. Для Московского государства подобные периоды пришлись на Смоленскую войну 1632–1634 гг. и на конец 1650-х – начало 1660-х годов, когда Речь Посполитая, отразив шведское нашествие и преодолев внутренний кризис, сумела возобновить войну с Московией.

М. Б. Шеин столкнулся с проблемой бегства едва ли не в первые недели осады Смоленска. Уже в январе 1633 г. он писал, что «конные ратные люди с нами небольшие, а иные из них пеш и многие с твоей государевой службы съехали, и из тех нетчиков на твою государеву службу к нам... января по 4 число не бывал ни один человек»⁷. К апрелю число нетчиков достигло 1743 человек,

⁶ Акты Московского государства, изданные Имп. Академией наук / под ред. Н. А. Попова (далее — АМГ). Т. 2. Разрядный приказ. Московский стол. 1635–1659 гг. СПб., 1894. С. 273.

⁷ АМГ. Т. 1. Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. СПб., 1890. С. 438–439. Сколь правдив был «большой воевода» можно судить по числу нетей в полку Нагово. В конце 1632 г. у него было около 1500 дворян и детей боярских. Из этого числа в декабре ушло 57 человек (еще в Рославле); с декабря по 26 января 1633 года в нетях числилось 141 человек; с 26 января по 17 февраля ушло 42 человека; с 17 марта по 20 марта — еще 150 человек. При этом с декабря по 24 марта в полк было возвращено 108 человек. См.: Российский государственный архив древних актов (далее — РГАДА). Ф. 210. Книги Белгородского стола. № 42. Л. 497–673.

а к августу — уже 5066 человек⁸. Это при том, что в полках Шеина служилых людей сотенного строя было чуть больше 14 тысяч человек. Чтобы как-то повлиять на ситуацию, правительство призвало полковых воевод «смотреть служилых людей по списку почаству». Поскольку обычные меры по розыску и возвращению нетчиков силами городских воевод мало помогали, летом прибегли к посылке в уезды сыщиков. Последние столкнулись с «двойными нетами», т. е. с теми, кто ухитрился дважды покинуть места службы⁹. Деятельность сыщиков не прошла бесследно. По неполным данным, из 14 городов за май — июль 1633 г. в полки были возвращены 462 человека¹⁰. Однако этот поток не мог преодолеть поток встречный — бежало из-под Смоленска больше, чем возвращалось. Особенно возросло бегство с появлением под Смоленского короля Владислава IV. В сентябре 1633 г. Шеин писал: «И ныне, государь, дворяне и дети боярские и иноземцы и татаровя с твоей государевой службы бегут ежедень беспрестанно... Рать твоя, государь, разбежалась»¹¹.

В литературе давно отмечены причины, которые вызвали бедственное положение в полках Шеина. Здесь и тяготы войны, и губительные последствия набегов крымцев на южные уезды летом 1633 г.¹² В январе следующего года на Земском соборе это обстоятельство было официально признано причиной побегов: «Дворяне и дети боярские украинских городов, видя татарскую войну, слыша, что у многих поместья и вотчины повоены, матери, жены и дети в полон взяты, из-под Смоленска разъехали, и остались под Смоленском немногие люди»¹³. В действительности в неменьшей степени побег совершали и те служилые люди, чьи уезды не были разорены крымцами. Шеин по этому поводу жаловался, что среди дворян распространился слух, будто нетчиков не наказывают. Из Москвы поспешно отписали, что это неправда и сбежавших «за их воровство наказывают без всякой пощады»¹⁴. В сентябре 1633 г. указано было «у нетчиков, в которых городах нынешнего лета татарская война не бывала, имать из дачи из поместий их по четверные доли... и отдавать дворянам тех городов, которые без съезда». У дворян, взявших государево жалованье, но так и не явившихся в полки, приказано было отписывать все поместье¹⁵.

Правительство стремилось выглядеть грознее, чем оно было на самом деле. Поймать и наказать всех нетчиков власть не имела ни сил, ни времени.

⁸ *Сташевский Е. Д.* Смоленская война 1632–1634 гг. Организация и состояние русской армии. Киев, 1919. С. 154.

⁹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 50. Л. 15.

¹⁰ Там же. Л. 35–742.

¹¹ Там же. № 45. Л. 135–136.

¹² [*Новосельский А. А.*] Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. // *Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.* М., 1975. С. 322–333.

¹³ Цит. по: *Соловьев С. М.* Сочинения. Книга V. История России с древнейших времен. Т. 9–10. М., 1990. С. 159.

¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45. Л. 18.

¹⁵ АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 531–532.

Да и сама политика в отношении нетчиков была непоследовательной. Властям пришлось считаться с настроениями поместной армии и идти на всевозможные уступки и послабления. Когда в Можайске в конце 1633 г. для деблокады окруженных войск М. Б. Шеина стали срочно формировать армию Д. М. Черкасского и Д. М. Пожарского, то, несмотря на всю трагичность ситуации, нетчиков не стали сразу же отсылать в Можайск. По челобитьям обнищавших служилых людей отпускали в поместье с условием скорого возвращения на службу¹⁶.

Какой же масштаб приобрели неявка и бегство со службы в Смоленскую войну (речь идет об армии, осадившей Смоленск)? В конце декабря 1633 г. в Можайске был составлен список с указанием «смоленских нетов». Последних по 53 служилым городам вышло 5347 человек¹⁷. Едва ли эта цифра полная. Но она перекликается с августовской цифрой того же года. Во всяком случае нетство оттянуло из «таборов» Шеина с товарищами более трети дворян и детей боярских, что, несомненно, повлияло на исход противостояния. Заметим, что формирование деблокирующей армии также шло из рук вон плохо. Служилые люди не спешили в Можайск. В начале января 1634 г. с воеводами, помимо небольших формирований стрельцов, отрядов татар, числилось 357 дворян и детей боярских¹⁸. К 24 февраля ситуация несколько улучшилась: в списках значилось уже 10 180 человек¹⁹. Однако обстановка к этому времени кардинально изменилась: в феврале армия Шеина капитулировала перед королем Владиславом.

С аналогичными проблемами московское правительство столкнулось в конце 50-х – начале 60-х гг. XVII в. Чудново, Конотоп обернулись тяжелыми поражениями, вызвавшими ропот, недовольство и бегство служилых людей из полков. В итоге последовал ряд указов, призванных вернуть в полки нетчиков. Воеводам украинских городов было предписано разыскать всех живущих в их уездах помещиков и расспросить, «кто откуда, и по отпуску ль или собою с государевы службы съехались». Беглых велено было возвращать в полки за «крепкими поруками», если поруки не будет — кидать в тюрьму «до указа»²⁰. К нетчикам был обращен призыв возвращаться на службу. Им грозили великой опалой, разорением и даже казнью: «а которые с службы сбежав, в дома свои приедут, и их велено ловить и вешать». При этом отмечалось, что «без их (т. е. дворян. — *И. А., А. Ч.*) челобитья» в полки послано денежное жалованье и хлебные запасы²¹.

Призывы не дали должного эффекта. Так, в октябре 1659 г. стали разыскивать рязанцев и коломчан полка Ф. Куракина, которые самовольно отправились по домам. Стольник князь М. И. Волконский должен был собрать беглых

¹⁶ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 50. Л. 21; Д. 52. Л. 90–92, 94, 98, 99.

¹⁷ Российская национальная библиотека. Эрмитажное собр. № 461. Л. 193–202 об.

¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 45. Л. 270.

¹⁹ Там же. Столбы Белгородского стола. № 48. Л. 449–450, 469–471. При этом в нетчиках только одних московских дворян числилось 606 человек. По Е. Д. Сташевскому, к 15 февраля в Можайске было 10175 чел. См.: *Сташевский Е. Д.* Указ. соч. С. 169.

²⁰ Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗ). Т. 1. СПб., 1830. С. 487.

²¹ Там же. С. 488.

помещиков и вотчинников в приказной избе, вычитать им государев указ: за их проступки бояре приговорили учинить им жестокое наказание — бить кнутом. Но царь смиловался, «наказания им чинить не велел», а велел за их вину — бегство до Конотопского боя — писать на чин ниже и убавить из оклада по 100 четвертей земли. У тех, кто сбежал после боя, за побег также указано было отнять выборный и дворовый чин и по 50, а не 100 четвертей. Тех же, кто, взяв денежное жалованье, не поехали в полк или с дороги повернули и на службе не были, за такое воровство велено нещадно бить кнутом и далее «учинить по наказу»²².

Меры правительства Алексея Михайловича слабо влияли на ситуацию. Разброд в среде дворянства, уставшего от долгой войны и неудач, продолжался. Так, по итогам смотра, в январе 1661 г. в полку П. А. Долгорукого оставалось 1164 человека дворян и детей боярских из городов. В «неты» угодили 1175 человек, т. е. 50 %²³. В том же году в связи с большим количеством нетчиков в полках во все украинные, замосковные и новгородские города были направлены высельщики, собиравшие беглецов под угрозой смертной казни для укрывателей²⁴.

Окончание Русско-польской войны 1654–1667 гг. не привело к существенному послаблению в службе. Возраставшая угроза со стороны Крыма и Турции побуждали держать в постоянной готовности большие воинские формирования. Соответственной была и реакция ратных людей, выражавших свой протест в привычных им формах. В 1677–1678 гг. по московскому наряду в Белгородском полку недосчитались 5041 человек — 34 % от списка, в том числе служилых людей сотенной службы — 65 %²⁵. В 1679 г., уже по окончании Чигиринских походов, из 85 тысяч с лишним числившихся по спискам служилых людей в полках объявилось 69 тысяч²⁶.

О размахе нетства косвенно свидетельствуют изменения в организации сыска беглых ратных людей. По мере того как традиционные меры — высельщики, порука, ужесточение наказания и т. д. — перестали эффективно работать, власти все чаще стали прибегать во второй половине столетия к помощи сыщиков. Институт сыщиков (близкие к ним высельщики имели меньше прав), несомненно, имел свои преимущества: во-первых, сыщики выполняли лишь одну функцию и, в отличие от городских воевод, не разрывались между различными делами. Во-вторых, они были заинтересованы в скорейшем выполнении возложенных на них обязанностей, поскольку это было главным условием возвращения в Москву. В-третьих, они работали в тесном контакте

²² ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 490–491.

²³ АМГ. Т. 2. СПб., 1894. С. 332.

²⁴ Там же. С. 397–399.

²⁵ РГАДА. Ф. 210. Книги Белгородского стола. № 95. Л. 81–90.

²⁶ *Калинычев Ф. И.* Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М., 1954. С. 143.

с воеводами, причем не только с городовыми, но и с полковыми²⁷. Примечательно, что дворянство приветствовало институт сыщиков, возлагая на него немалые надежды. Можно даже говорить о тенденции превращения института сыщиков из временного в постоянный, т. е. из меры экстраординарной в ординарную. Отметим при этом, что подобная тенденция — свидетельство кризиса системы в целом. Прежние методы принуждения к службе себя не оправдывали. Подобное положение — исходный момент для постепенного вызревания мысли о необходимости менять всю систему организации службы²⁸.

Важно напомнить, что при определенных обстоятельствах дворяне могли продемонстрировать редкое единодушие и явиться на службу чуть ли не в полном составе уездных корпораций. Вызвано это было, впрочем, не внезапным «приступом патриотизма», а скорее, ожиданием щедрых вознаграждений, по каким-то причинам превышающих обычные. Один из таких примеров — знаменитый серпуховский поход Бориса Годунова, во время которого служилые люди, не без основания, ожидали обильных наград со стороны только что избранного на престол государя. Еще пример: сбор дворянского ополчения против «надворной пехоты» летом – осенью 1682 г. Дворянство проявило большую активность, попутно предъявив правительству царевны Софьи целый ряд важных требований²⁹. Таким образом, явка на службу, как и нетство, во многом зависели от заинтересованности служилых людей, способных при необходимости продемонстрировать ее властям.

Повторимся, что проблема масштабов нетства требует специального изучения. Тем не менее следует признать, что традиционная точка зрения о высоком проценте нетчиков в кризисные моменты ближе к истине, нежели противоположные утверждения о преувеличении этого явления. Власти должны были постоянно считаться с этой угрозой. Они не могли также полагаться на решение этой проблемы посредством одних только уговоров или наказаний. Явление было более сложным и глубинным.

²⁷ В 1655 г. стряпчий Ларион Тихмеев, посланный в Старицу для высылки нетчиков в полк И. А. Хованского, отписал в Разряд о завершении сыска. На отписку последовала помета думного дьяка Д. Башмакова: послать И. А. Хованскому грамоту, чтоб он писал сыщикам, сколько они к нему посылали людей «по их высылкам» и сколько приехало, «чтоб им про то ведать». У тех дворян, которые явились в полк, людей и крестьян их из тюрьмы освобождать, которые не приехали — держать далее. Отправлена была грамота и Лариону Тихмееву с указанием продолжать искать «неоплошно» беглых и с уведомлением о том, что пока все «неты» в полк не явятся, в Москву ему отпуска не будет. 11 июля И. А. Хованский из Торопца отпустил стряпчего сыщика Федора Жеребцова, поскольку тот выслал к нему всех нетчиков. См.: Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией (далее — РИБ). Т. 11. Записные книги Московского стола: I. 1663–1664 г.; II. 1678–1679 г. / под ред. А. И. Тимофеева. СПб., 1889. С. 282, 287.

²⁸ Впрочем, у властей с сыщиками были свои проблемы. Особенно беспокоили их злоупотребления и стремление превратить сыск в способ наживы. Неслучайно рефреном в актах присутствовало указание назначать «сыщиков добрых, а не коростовщиков». См.: РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 29.

²⁹ [Новосельский А. А.] Указ. соч. С. 322–333.

Источники приводят множество причин нетства. Диапазон здесь — от уже упомянутой бедности до заурядной лени. В интерпретации властей далеко не все причины могли служить оправданием «избывания службы». Законным оставалось физическое состояние служилого человека — недомогание, болезнь, старческая немощь. При этом необходимо было пройти ряд процедур, подтверждающих потерю служебной пригодности. Однако помимо физической немощи существовали обстоятельства, с которыми власти принуждены были считаться и даже признать самодостаточными для оправдания. Сама эта достаточность зависела от конкретной ситуации, которая подталкивала верхи то к известной снисходительности, то к суровому осуждению нетчиков. Соответственно, варьировались и меры наказания.

Существовали свои критерии оправдания нетства и у служилых людей. С одной стороны, дворяне вовсе не были склонны потакать беглецам. Солидарность с властями в этом случае объясняется чисто утилитарными соображениями: никто не рвался нести службу за других членов уездных корпораций. Взгляд на службу «вровень», «в ряд» определял отношение членов служилого города к нетчикам. Такой подход совпадал с дворянским представлением о справедливости³⁰. Тем более что при высокой конкуренции в борьбе за землю внутри уезда конфискация поместья нетчика открывала возможность исправному служилому человеку поправить свое материальное положение — следовало лишь своевременно ударить челом, изобличая «дезертира». И все это на законных основаниях, в рамках правительственных призывов.

Приведем несколько характерных случаев. В 1666 г. князю И. А. Хованскому пришлось разбирать челобитную торопчанина К. Непеицына (ее подал его родственник — П. Непеицын), который из-за болезни «лежит болен при смерти» и потому не может приехать в полк. Ему же «мстит по недружбе» торопчанин М. Т. Челищев. Тот будто бы объявил, что К. Непеицын не служит «за огурством» и просит отдать ему его поместье. В деле есть и челобитная истца, из которой следует, что «неслуг» Непеицын имеет четыре поместья — на Торопце, в Пскове, Нижнем Новгороде и Коломне. При этом родственники покрывают Непеицына. Челобитчик просит сыскать всем служилым городом, а затем дать очную ставку с ответчиком.

В 1625 г. выяснилось, что костромской выборный Г. А. Кафтырев всячески избегал службы, нанимая вместо себя «мальчика сна боярского неслужилого», о чем и били челом костромичи. На смотре в Туле Кафтырев оказался в «естях», после чего, переночевав, уехал домой. Г. Кафтырева прикрыв воевода Тулы И. Кафтырев, который объявил, что выборный человек не убежал, а отпущен «для болезни лечитца на время», а в его место оставлен племянник «со всею службою». На смотре этот племянник откликнулся именем Кафтырева, «а городом про Григорья сказали, что ево, Григорья отпустил воевода князь

³⁰ Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.

Иван Катырев для болезни, а служит ему самому мочно и всегда от службы отбываетца».

С другой стороны, каждый из членов корпорации сам мог оказаться в положении, когда ему необходимо было остаться дома или срочно покинуть место службы. Отсюда следует расширение перечня допустимых оснований «избывания службы»: хозяйственные неурядицы, пожары, бегство холопов и крестьян, болезни родных и т. д. В этом перечне присутствует и известное понимание соразмерности службы, когда ее тяжесть и продолжительность должны были поддерживаться соответствующими материальными вливаниями и поощрением со стороны властей. Если же власть не считается с этим, то возникает в сознании служилого человека законный повод для самовольного отъезда. Можно даже говорить о существовании в представлении сторон воображаемой служилой нормы, превышение которой должно так или иначе вознаграждаться. В эту норму входят такие понятия, как сроки (продолжительность), время, место, интенсивность и тяжесть службы, наконец, перенесенные опасности. Яркое проявление подобных взглядов — коллективные пожалования конца 1648 — начала 1649 гг., когда служилые люди выставили правительству «счет» за службы 1646–1647 гг., включая тяжелейшее «валовое дело». Похоже, что эти нормы складывались десятилетиями: к ним привыкали, от них отталкивались и крайне болезненно реагировали в случае увеличения. Изменение норм требовало смены целого поколения, обретения нового формата службы. Так, служба в полках иноземного строя, в сравнении с прежней сотенной сезонной службой, воспринималась дворянством как чрезмерная, сверхтяжелая. Отсюда упреки служилых людей из солдатских и рейтарских полков в адрес тех, кто исполнял сотенную службу: им легче, а вознаграждение выше. Впрочем, здесь легко угадывается продолжение длившейся десятилетиями конфронтации между провинциальными и столичными чинами. Но особенно показательно в этом плане петровское время. Регулярная армия, к тому же ведущая военные действия на чужой территории, постепенно отучила от привычного распуска полков на осенне-зимний период. Распуск вытеснялся отпуском. Неслучайно нормативная регламентация отпуска пришла на 1720-е — начало 1730-х гг., с окончанием войн Петра I³¹. Служебная норма со временем стала ассоциироваться с понятием «служебные заслуги» — основанием для чиновного продвижения в рамках абсолютизма.

Материальная несостоятельность служилых людей подталкивала правительство к разнообразным решениям. Выше уже шла речь о постепенном переходе к комплектованию рейтарских, драгунских и солдатских полков за счет казны. Понятно, что определяющим в этом была потребность достижения единообразия в вооружении и оснащении: принцип «конно, людно и оружно», порождавший разнорядность в вооружении и оснащении, был просто неуместен для полков иноземного строя.

³¹ Фаизова И. В. Указ. соч. С. 38–39.

Само же вооружение, полученное от казны, делало ссылку на невозможность «подняться» на службу из-за бедности уже не столь убедительной.

В целом материальная несостоятельность служилых людей довела над властью на протяжении всего XVII столетия, побуждая подходить с осторожностью к наказанию нетчиков и беглых ратных людей. Стилистика многих указов такова, что подобная ситуация если не оправдывалась, то принималась в расчет. Фраза «не служат за бедностью» приняла устойчивый характер и фигурирует во многих случаях. Встречаются и иные сочетания: в грамоте воеводам от 1661 г. о выдаче ратным людям хлеба читаем: «Ведомо нам, великому государю, учинилось, что у вас в полку у наших государевых ратных людей хлебными запасами скудно, и от хлебная скудости многие ратные всяких чинов люди с нашей государевы службы из ваших полков разбежались». Понятно, что после выдачи кормов ссылки на нужду уже теряли всякое основание. Но, чтобы такое случилось, властям нужно было приложить усилия для организации снабжения ратных людей³².

Другой случай: в 1679 г. воеводы донесли в Москву о повальном бегстве служилых людей. Дело было обычное, однако на этот раз беглецы, прежде чем оставить свои формирования, взяли кормовые деньги. Проступок был признан заслуживающим сурового наказания, поскольку «нетчики не пошли на службу дуростью своею, а беглецы збежали не от нужи (курсив наш. — И. А., А. Ч.)». «Нужа», таким образом, признавалась причиной, отчасти оправдывающей прежнее бегство. При разборах и смотрах была даже выработана стереотипная формула, которая использовалась окладчиками как основание для оправдания: не наказывать, потому что не служил «за бедностью, а не за воровством и не за ленью»³³.

Понятно, что, делая по необходимости подобную уступку ратным людям, власти должны были быть крайне осмотрительны и отличать истинно нуждавшихся от тех, кто прикрывался подобными объяснениями. Достигалось это по-разному. В 1641 г., объявляя для одной из служилых половин срок явки в Тулу к 1 мая, разрядные дьяки настоятельно советовали посылать запасы в город по зимнему пути: «А приехать на указной срок им мочно, для того, что им наша служба ныне сказана вовремя, не испустя пор, и запасы им на Тулу по зимнему пути отвезти мочно без больших проторей». Иначе говоря, служилых людей украинских городов предупреждали, что ссылки на нужду в дальнейшем не будут приняты к оправданию. Не запаслись вовремя — сами виноваты³⁴.

³² РИБ. Т. 10. Записные книги Московского стола. 1636–1663 г. СПб., 1886. С. 435; ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 560. Приведем еще один пример: Витебский воевода в октябре 1664 г. прислал именной список беглых солдат. На отписке — помета думного дьяка Д. Башмакова: «знатно, что они бежали от ево жесточи, и что не давал им корм и хлебных запасов; и он бы впредь от побега их удерживал, а на корм давал им хлебные запасы, чем им мочно быть сытим». См.: РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 57.

³³ *Сторожев В. Н.* Тверское дворянство XVII века. Вып. 4. Тверь, 1895. С. 78.

³⁴ РИБ. Т. 10. СПб., 1886. С. 151–152.

Власти всегда настороженно относились к теме бедности как оправданию неявки или плохой службы, поскольку подобное признание грозило взорвать изнутри всю систему службы. Так, в конце 1675 г., проводя в городах смотр и верстание новиков, правительство изложило свои претензии следующим образом: дворяне и дети боярские по наряду «на указные сроки, и после сроков ленью своею и огурством не приезжают; а иные, побыв на государеве службе в полку малое время, из полков бегают, и живут в домах своих в избылках, а люди они полные, и поместья и вотчины за ними жилия, и дачи немалыя, и с тех поместей и с вотчин полковая служба служить им мочно без съезда». В результате прозвучавшие на смотре ссылки на бедность не были приняты во внимание. Подчеркивалось, что, «избывая» безнаказанно службу, нетчики наносят урон еще и своим примером: «...И на таких смотря, и иные их братья в полки не приезжают и с государевы службы из полков бегают же»³⁵.

В июне 1661 г., обращаясь к московским и провинциальным дворянам и детям боярским в связи с несанкционированным отъездом со службы, разрядные дьяки отмечали: бежали провинившиеся тогда, когда «скудости им в полках никакия не было». Далее следует указ воеводам о высылке за беглыми «розсылыщиков и иных, каких пригоще многих людей, и приказал им накрепко, чтоб высылыщики служилых всяких чинов людей в уезде сыскивали с великим раденьем неоплошно безо всякаго мотчанья и без понаровки, а сыскав... тех всех выслать на нашу государеву службу при себе тотчас безсрочно». За укрывательство виновным грозила смертная казнь³⁶.

В относительно спокойные времена, когда служба уездных городов сводилась к охране границ, воеводы с разрешения Москвы входили в положение служилых людей и по их челобитью отпускали из полков или давали отсрочку. Существовала определенная процедура отпуска, включавшая, в частности, подтверждение слов челобитчика его «половчанами». Упомянутые выше обстоятельства — болезни родных, разорение, бегство крестьян и т. д. — могли стать в такое время достаточным основанием для отсрочки или преждевременного отъезда. Вместе с тем в Разряде к подобного рода решениям полковых воевод относились настороженно: нередко за этим стояло заурядное злоупотребление, формальный повод для получения взятки, «потакание» родственникам и знакомцам. Неслучайно в VII главе Соборного уложения предусматривались санкции против подобных действий полковых воевод³⁷.

³⁵ ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 1018–1019.

³⁶ Там же. С. 551–554.

³⁷ Уложение предусматривает наказание воеводам за несанкционированный отпуск, подозревая последних в корыстолюбии — взывании посулов и поминок (глава VII, ст. 10, 11). Предусмотрено также наказание сотенным головам, которые «для своей корысти» отпустят ратного человека. Норма предусматривает тюремное заключение и багоги, «чтобы на то смотря иным сотенным головам неповадно было так делати» (ст. 15–16 главы VII). См.: Соборное уложение 1649 года: текст, коммент. Л., 1987. С. 25. См. также: Книги разрядные, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Т. 2. СПб., 1855. С. 650–651.

Что касается дворянства, то, повторимся, оно охотно эксплуатировало тему бедности. На Земском соборе 1642 г. дворянские выборные объявили, что все они готовы служить, «где государь укажет», но только те, «кому в мочь»³⁸.

Нетство как явление жизни находилось в постоянном развитии. По мере того как власти изыскивали способы заставить служилого человека своевременно являться на службу и служить, дворяне и дети боярские придумывали все новые и новые способы обойти законодательство и практику розыска беглых. Актовый материал позволяет познакомиться с этими ухищрениями служилых людей. К примеру, высельщикам служилые люди объявляли, будто «они служат с иными городами; а иные будто написаны в московских чинах и в начальные, и во дворовые люди, и в рейтары, и выборных полков в солдаты, а их в тех строях и в чинах нети не бывало»³⁹. Отметим, что подобного рода уловки — следствие изменений, которые происходят в эти годы в организации службы. Здесь и результаты распада служилого города, деление внутри некогда единых служилых корпораций на тех, кто продолжал нести сотенную службу, и тех, кто оказывался в новых формированиях; последствия разрушения чиновных перегородок, открывавшего провинции путь в московский список и т. д. Все эти новации усложняли контроль за службой, поскольку предполагали учет служилых людей в разных ведомствах. Отныне воеводам приходилось выяснять, где кто служит и «в которых городех и что за кем в поместьях и в вотчинах»⁴⁰. При этом «из начальных людей, и из рейтара, и из солдат в полковую службу с городом никого не писать; а велеть им быть в тех же чинах, как кто служит». Распад некогда единой системы сотенной службы также негативно отражался и на возможностях служилого города соучаствовать в поиске «неслугов». Окладчики и члены уездных корпораций не всегда могли дать сведения о том или ином человеке, несущем службу вне сотенного строя⁴¹. Система контроля и учета службы с появлением новых видов формирований все явственнее давала сбой.

Основным способом борьбы с «царевыми неслугами» оставалось наказание. Уже в законодательстве XVI в. присутствуют достаточно тяжелые санкции за неявку на службу, включая конфискацию поместий и вотчин⁴². Широко использовалась и другая мера давления — содержание крестьян и холопов нетчика в тюрьме до тех пор, пока он не явится к месту службы⁴³. Нетство

³⁸ Акты, относящиеся к истории земских соборов / под ред. Ю. В. Готье. М., 1909. С. 49.

³⁹ ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 1020.

⁴⁰ Там же. С. 1022.

⁴¹ Там же.

⁴² *Веселовский С. Б.* Феодалное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л., 1947. С. 86.

⁴³ Книги разрядныя, по официальным оных спискам изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии. Т. 1. СПб., 1853. С. 103, 214; АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 195.

также каралось убавкой оклада и денежного жалованья, переводом служилого человека в более низкий разряд и т. д.

Седьмая глава «О службе всяких ратных людей Московского государства» Соборного уложения подытожила прежнюю практику борьбы с побегами. В статье 8 читаем: «А которые государева ратные всяких чинов люди будут на государеве службе в полках, и государеву службу им по розбору служить мощно, а они не дождавса отпуску з государевы службы збегут, и им за побег чинити указ, кто збежит в первые, и его бити кнутом, а будет тот же збежит в другие, и его бити кнутом же, да поместного окладу у него убавити пятьдесят четвертей, да денег с поместного его окладу со ста четвертей по рублю, а будет он збежит в третьие, и его бити кнутом же, да у него же отняти поместье и отдати в раздачу»⁴⁴. Соборное уложение предусматривало наказание и за бегство «з бою»: дезертиру грозила убавка вдвое не только поместного и денежного оклада, но и поместной дачи, т. е. реальных владений. Кроме того, его наказывали кнутом (ст. 19)⁴⁵.

Вместе с тем статья 17 подтвердила практику замены служилого человека своими неслужилыми родственниками, если по состоянию здоровья или возрасту первый не мог явиться на службу. В случае отсутствия неслужилых родственников помещику разрешалось выставить даточных людей, «смотря по их поместьям, и вотчинам, и по прожитком»⁴⁶.

Нельзя не признать, что настоящая статья таила в себе опасности, могущие при определенных условиях пошатнуть всю систему службы. Ведь под вопрос ставился основополагающий принцип личной службы⁴⁷. Число родственников и даточных людей в полках со временем стало приобретать угрожающие размеры, открывая возможность зажиточным помещикам откупаться от службы, по сути, на законных основаниях.

Наряду с физическим и материальным наказанием нетчиков использовалась и такая мера, как понижение в статусе. Этой угрозе особенно были подвержены московские чины. Нарушение дисциплины могло обернуться для них выбыванием из московского списка и записью по служилому городу: быть им «в великой опале, а дети их и свойственники написаны будут с городами»⁴⁸.

Приведем конкретные случаи наказания особо злостных нетчиков. В 1665 г. последовал специальный указ о Сергее Яцыне, которого «за ево воровство, что

⁴⁴ Соборное уложение 1649 года. С. 25.

⁴⁵ Там же. С. 26.

⁴⁶ Там же. С. 25–26.

⁴⁷ Еще более определенно об этом говорилось в статье 61 главы XVI «О поместных землях». Статья предусматривала отказ челобитчикам, претендующим на поместные земли отставленных бездетных служилых людей, за которыми владения сохранялись «по свой живот, а на государеву службу с тех их поместий имати у них даточных людей». См.: Там же. С. 82.

⁴⁸ ПСЗ. Т. 2. СПб., 1830. С. 282.

он государевы службы не служит и от службы избегает, поместья (так в документе. — *И. А., А. Ч.*) ево и вотчины отписать на себя великого государя и отдать в роздачу челобитчиков беспоместным, которые бывают на ево государеве службе по наряду с приезда и до отпуска, а ево выслать на свою государеву службу в Канев тотчас, для того, что ему дано государево жалованье...». Подобные же меры велено применять к другим нетчикам, «а у которых поместей и вотчин нет, и у тех [отбирать] дворы их и всякие заводы, чтоб им неповадно было впредь так воровать и с ево государевы службы бегать»⁴⁹.

Разборы служилых людей также сопровождался неизменным вопросом, адресованным окладчикам и всему служилому городу: не является ли тот или иной человек злостным нетчиком? Положительный ответ грозил виновному наказанием, а также сложностями при очередном разборе. К примеру, в 1649 г. те, кто, по словам окладчиков, «на службе с города» бывают, но приезжают после указного срока, а уезжают до отпуска, убавили при раздаче жалованья: давали не по 14, а по 10 рублей⁵⁰. При этом повышалось значение института окладчиков, которые должны были правдиво сообщать «про свою братию... которые служат старо, и на службах бывают, и которые ленью и воровством не служат и служеб бегают, и до отпуска не доживают, а служить им мочно, поместье и вотчины за ними есть, и которые не служат за бедностью»⁵¹.

Разумеется, появление указов с разными нормами наказания за одни и те же проступки — косвенное свидетельство того, что нередко они исполнялись слабо и непоследовательно. Неслучайно для борьбы с «воровскими казаками» Степана Разина второй Романов, наряду с обычными угрозами, посчитал необходимым обратиться к сословной «сознательности» дворянства. Ратных людей призывали защитить православную веру и церковь, исполнить крестное целование «и свою породу... и за свои дома служить со всяким усердием и со всею службою ехали к Москве тотчас безсрочно, не мешкая в домех своих безо всякия лености».

Власть нуждалась в мобилизации всего арсенала средств воздействия на ратного человека. Вообще же угроза жестоких наказаний звучала в указах столь часто, что в декларативности этих мер не приходится сомневаться. В противном случае власть могла бы оказаться просто без армии — слишком уж часто следовали призывы «ловить и вешать» беглецов-нетчиков⁵². Умеренное наказание и назидание — вот, пожалуй, тот идеал, к которому стремились Романовы в дополнение к настойчивым призывам заглаживать свою вину посредством все той же службы. После Смоленской войны нетчикам советовали: «...У которых поместье отнято, и вы заходите и добра, будет хотите поместей,

⁴⁹ РИБ. Т. 11. СПб., 1889. С. 247.

⁵⁰ Там же. Т. 10. СПб., 1886. С. 437.

⁵¹ Там же. С. 435.

⁵² «А которые с службы сбежав, в дома свои приедут, и их велено ловить и вешать». См.: ПСЗ. Т. 1. СПб., 1830. С. 487–488.

и вы служите». Примечательно, что в этом указе влиятельный разрядный дьяк В. Прокофьев сделал в мае 1635 г. помету: «Записать сей государев указ во всех столах, а челобитная вклеить в столп з государевым указом»⁵³.

Заключение. Сбор, учет, поощрение одних и наказание за неявку и несанкционированный отъезд других — все это давно стало неотъемлемой частью службы, настоящей рутинной для Разряда, но рутинной, которая оборачивалась постоянной головной болью. В исчислении недостатков поместной армии нетство заняло видное место, побуждая задуматься о реформировании всей военной организации. И хотя переход к регулярной армии вызван в первую очередь военной революцией конца XVI–XVII вв., бегство и неявка на службу также внесли свою лепту в осознание необходимости коренных изменений в организации вооруженных сил.

Однако нетство было проблемой не только чисто военно-служебной. Во взаимоотношениях с властью это, во-первых, показательный маркер сословного самочувствия дворянства. Во-вторых, масштабность этого явления, его непосредственного и быстрого влияния на такую чувствительную сферу, как война, делали его эффективным способом давления на власть. Несомненно, этот фактор требует дальнейшего изучения при анализе сословной политики и даже при обращении к проблемам политической истории. Другой вопрос: насколько осознанно служилые люди прибегали к этому инструменту давления на власть. Мы не располагаем прямыми источниками, подтверждающими случаи сговора служилых людей о бегстве и неявке в полки. Однако случаи солидарных действий членов служилых корпораций общеизвестны. Наиболее ярко они проявлялись в коллективных дворянских челобитных, многие из которых появились на свет во время полковых съездов. Нельзя сбрасывать со счетов «невербальный сговор» членов служилых уездных корпораций. Эта проблема, требующая разработки особых методов работы с источниками, пока остается нетронутой.

Наконец, отчетливо прослеживается связь между нетством и ответными действиями правительства. Причем речь идет не только о наказании, но и о разного рода уступках и послаблениях, вплоть до важных продворянских законодательных актов. Все это дает основание рассматривать нетство и как один из способов давления на правительство наряду с коллективными челобитными⁵⁴. Давления в рамках диалога служилого сословия с властью, который проходит красной нитью через все XVII столетие.

Литература

1. Андреев И. Л. Дворянство и служба в XVII веке // Отечественная история. 1998. № 2. С. 164–175.
2. Веселовский С. Б. Феодальное землевладение в северо-восточной Руси. Т. 1. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1947. 496 с.

⁵³ АМГ. Т. 1. СПб., 1890. С. 166.

⁵⁴ Лантева Т. А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М., 2010. С. 422–479.

3. Зимин А. А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 331 с.
4. Калинычев Ф. И. Правовые вопросы военной организации русского государства второй половины XVII века. М.: Госюриздат, 1954. 172 с.
5. Коллманн Н. Ш. Соединенные честью / [пер. с англ. А. Б. Каменский]. М.: Древлехранилище, 2001. 459 с.
6. Лаптева Т. А. Провинциальное дворянство в России в XVII веке. М.: Древлехранилище, 2010. 593 с.
7. [Новосельский А. А.] Коллективные дворянские челобитные о сыске беглых крестьян и холопов во второй половине XVII в. / [сверка документов и подгот. их к печати вып. С. М. Троицким] // Дворянство и крепостной строй России XVI–XVIII вв.: сб. статей, посвященный памяти Алексея Андреевича Новосельского. М.: Наука, 1975. С. 303–343.
8. Скрынников Р. Г. Россия после oprичнины. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1975. 223 с.
9. Фаизова И. В. «Манифест о вольности» и служба дворянства в XVIII столетии. М.: Наука, 1999. 221 с.

References

1. Andreev I. L. Dvorianstvo i sluzhba v XVII veke [Nobility and service in the XVIIth century] // Otechestvennaia istoriia. 1998. № 2. P. 164–175. (In Russ.).
2. Veselovskii S. B. Feodal'noe zemlevladienie v severo-vostochnoi Rusi [Feudal tenure in North-Eastern Rus']. Vol. 1. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1947. 496 p. (In Russ.).
3. Zimin A. A. V kanun groznykh potriasanii [On the eve of terrible upheavals]. Moscow: Mysl', 1986. 331 p. (In Russ.).
4. Kalinychev F. I. Pravovye voprosy voennoi organizatsii russkogo gosudarstva vtoroi poloviny XVII veka [Legal issues of the military organization of the Russian state in the second half of the XVII century]. Moscow: Gosiurizdat, 1954. 172 p. (In Russ.).
5. Kollmann N. Sh. Soedinennye chest'iu [United by honor] / [per. s angl. A. B. Kamenskii]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2001. 459 p. (In Russ.).
6. Lapteva T. A. Provintsial'noe dvorianstvo v Rossii v XVII veke [Provincial nobility in Russia in the XVIIth century]. Moscow: Drevlekhranilishche, 2010. 593 p. (In Russ.).
7. [Novosel'skii A. A.] Kollektivnye dvorianskii chelobitnye o syske beglykh krest'ian i kholopov vo vtoroi polovine XVII v. [Collective petitions of the nobility about the search for runaway peasants and serfs in the second half of the XVIIth century] / [sverka dokumentov i podgot. ikh k pečati vyp. S. M. Troitskim] // Dvorianstvo i krepostnoi stroi Rossii XVI–XVIII vv.: sb. statei, posviashchennyi pamiati Alekseia Andreevicha Novosel'skogo. Moscow: Nauka, 1975. P. 303–343. (In Russ.).
8. Skrynnikov R. G. Rossiia posle oprichniny [Russia after the oprichnina]. Leningrad: Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. 223 p. (In Russ.).
9. Faizova I. V. «Manifest o vol'nosti» i sluzhba dvorianstva v XVIII stoletii [“Manifesto of Liberty” and the service of the nobility in the XVIII century]. Moscow: Nauka, 1999. 221 p. (In Russ.).

УДК 94 (470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.02

Черемных Олег Александрович

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный областной педагогический университет

Москва, Россия

rggu-voskafedra@mail.ru

СТАТЬЯ Г. В. ВЕРНАДСКОГО «ВЕНГЕРСКИЙ ПОХОД 1849 ГОДА»

Аннотация. В работе анализируется статья Г. В. Вернадского «Венгерский поход 1849 года», которая ранее исследователями не рассматривалась. Г. В. Вернадский заинтересовался данной проблематикой в условиях начавшейся Первой мировой войны. В статье известный историк рассматривает причины оказания Россией помощи Австрии в 1849 г.; клубок противоречий в Австрийской империи политического, социального, межнационального характера; ход военного похода И. Ф. Паскевича; трагедию А. Гёргея и других руководителей венгерского движения; симпатии к венграм, которые постепенно складываются у русских офицеров; неблагодарность Австрии по отношению к России в 1853 г. Г. В. Вернадский делает акцент на предательстве со стороны Австрии по отношению к России, что является весьма актуальным.

Ключевые слова: Г. В. Вернадский, И. Ф. Паскевич, Венгерский поход, А. Гёргей, Николай I, предательство Австрии, Ф. И. Тютчев.

UDC 94 (470)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.02

Cheremnykh Oleg A.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

Moscow State Regional Pedagogical University

Moscow, Russia

rggu-voskafedra@mail.ru

ARTICLE BY G. V. VERNADSKY «THE HUNGARIAN CAMPAIGN OF 1849»

Abstract. This paper analyzes the article by G. V. Vernadsky The Hungarian Campaign of 1849, which was not previously considered by researchers. G. V. Vernadsky became interested in this problem in the conditions of the outbreak of the First World War. In the article, the famous historian examines the reasons for Russia's assistance to Austria in 1849; the tangle of contradictions in the Austrian Empire of a political, social, and interethnic nature; the course of I. F. Paskevich's military campaign; the tragedy of A. Gersei and other

leaders of the Hungarian movement; sympathy for Hungarians, which gradually develops among Russian officers; Austria's ingratitude towards Russia in 1853. G. V. Vernadsky focuses on the betrayal on the part of Austria towards Russia, which is very relevant.

Keywords: G. V. Vernadsky, I. F. Paskevich, The Hungarian Campaign, A. Gergei, Nicholas I, betrayal of Austria, F. I. Tyutchev.

Введение. Во втором номере журнала «Русская мысль» за 1915 г. была напечатана статья Г. В. Вернадского «Венгерский поход 1849 года»¹. Начинающий историк в этот период попал в полосу кризиса. После успешного окончания в 1910 г. историко-филологического факультета Московского университета Г. В. Вернадский готовился к магистерским экзаменам и начал сбор материала для диссертации по истории колонизации Сибири под руководством профессора М. К. Любавского. Он начинает работу в Московском архиве Министерства юстиции и собирается в сибирскую экспедицию для поиска дополнительных документов и «непосредственного знакомства с первобытными племенами»².

Но «инцидент Кассо» 1911 г. (назван по фамилии главноуправляющего, а с февраля 1911 г. — министра народного просвещения Л. А. Кассо) внес существенные коррективы. В январе 1911 г. Совет министров издал распоряжение о временном запрещении любых собраний в высших учебных заведениях³. Началось преследование революционно настроенных студентов. Ректор Московского университета А. А. Мануйлов и ряд ведущих профессоров подали в отставку. Среди них был и отец Г. В. Вернадского Владимир Иванович, уехавший в Петербург. Новым ректором был назначен М. К. Любавский. Г. В. Вернадский писал: «При создавшихся условиях для меня, конечно, не мог ло быть и речи о том, чтобы возобновить связь с Московским ун<иверсите>том...»⁴.

Осенью 1913 г. Г. В. Вернадский переехал в Петербург, где его новым научным руководителем стал С. Ф. Платонов; соответственно, изменилась тема магистерской диссертации. Г. В. Вернадский начал исследование масонства в эпоху Екатерины II.

Еще одним кризисным фактором для Г. В. Вернадского стала Первая мировая война. То, что противниками России были Германия и Австро-Венгрия, подтолкнуло его к написанию в 1915 г. двух статей не по теме диссертации: «Из истории прусской реакции 1830–1840-х гг.» и «Венгерский поход 1849 года». Последняя и стала предметом нашего исследования.

¹ Вернадский Г. Венгерский поход 1849 года // Русская мысль. М.; Пг., 1915. Кн. 2. С. 78–88.

² Архив РАН. Ф. 518. Оп. 7. Д. 123. Л. 93 об. – 94.

³ О временном недопущении публичных и частных студенческих собраний в стенах высших учебных заведений (11-го января 1911 года, № 765) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1911. Ч. 32. С. 41–43.

⁴ Вернадский Г. Из воспоминаний. Годы учения. С. Ф. Платонов // Новый журнал = The New Review. Нью-Йорк, 1970. № 100. С. 208.

Ход и результаты исследования. Соглашаясь с общепринятой точкой зрения, что Венгерское восстание 1848–1849 гг. является «одной из волн общеевропейской революции», Г. В. Вернадский вместе с тем считает, что это событие «может быть понято, лишь если вникнуть в частные австро-венгерские отношения “бурного года”»⁵. Трудность изучения проблемы, по мнению Г. В. Вернадского, заключается в том, что здесь переплелись между собой политические, социальные и национальные проблемы Австрийской империи, каждая из которых была предельно обострена в 1848 г.

Ученый указывает на сложившиеся противоречия, с одной стороны, «между старым и новым порядком, феодальными притязаниями знати и крестьянскими мечтами о свободе», а с другой — «между немцами, венграми, итальянцами, чехами, хорватами, поляками, русинами, словаками, румынами»⁶. Учитывая накал страстей, австрийская монархия стремилась опереться на национально-освободительное движение Хорватии и сыграть на недоверии простых людей к «панской революции в Галиции и Северной Венгрии»⁷.

На противоположной позиции стояли радикальные немецкие круги, которые стремились завязать прочные связи с венгерским движением. Они, по мнению Г. В. Вернадского, ставили победу демократической революции в Вене в зависимость от событий в Венгрии. Но сама Венгрия в этот период была раздираема межнациональными противоречиями. Г. В. Вернадский указывает на жестокое и высокомерное отношение венгров к «славянам (словакам, угро-руссам, сербо-хорватам), румынам, трансильванским немцам»⁸, что приводило большие массы населения к равнодушному или даже враждебному отношению к политическим реформам в Венгрии. Среди причин поражения венгерской революции современными исследователями указывается «не только роль русского похода и агрессия австрийского двора, но и противостояние угнетаемых мадьярами народов»⁹.

Г. В. Вернадский приводит слова Гая, вождя Иллирийской партии, брошенные им венгерскому сейму, когда парламентарии предложили сделать венгерский язык обязательным для Хорватии: «Вы, мадьяры, — только остров в океане славянства. Берегитесь, чтобы волны его не поднялись и не поглотили вас»¹⁰. Причем Г. В. Вернадский отмечает, что отрицательно настроенными к немадьярским народностям Венгрии были как консервативно-аристократические круги венгерского общества, так и либерально-аристократические. Отсюда тезис, что венгерское правительство боролось «не против австрийского господства, как такового, а лишь против незаконных притязаний Австрии»¹¹.

⁵ *Вернадский Г.* Венгерский поход 1949 года. С. 78.

⁶ Там же. С. 79.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ *Сова О. Н.* Европейские революции 1848–1849 гг.: исторический и историографический аспекты // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2018. № 18. С. 204.

¹⁰ *Вернадский Г.* Венгерский поход 1949 года. С. 79.

¹¹ Там же.

После принятия венгерским сеймом в марте 1848 г. ряда революционных требований, наиболее важными из которых были отмена крепостного права, присоединение Трансильвании к Венгрии, свобода печати и вероисповеданий, суд присяжных, австрийский император Фердинанд утвердил их и присягнул новой венгерской конституции. Образуется национальное министерство под руководством Лайоша Баттиани, выделяется отдельное венгерское войско, заключается венгерский государственный заем, формируется венгерский дипломатический корпус. Г. В. Вернадский приводит слова Л. Баттиани, отражающие сложившуюся ситуацию: «Венгрия согласована с Австрийской монархией, но не подчинена ей»¹².

Казалось бы, установлено равновесие между имперской властью и венгерским движением, но оно было хрупким. Достаточно было какого-либо события, чтобы изменить расстановку сил. Таким событием, по мнению Г. В. Вернадского, явилось подавление чешского восстания и обратное завоевание Ломбардии. Император Фердинанд отказался в этой ситуации «утвердить законы о венгерском национальном войске и займе и сделал некоторые оговорки по поводу других своих уступок»¹³. Все усугублялось начавшимся в сентябре 1848 г. хорватским восстанием против венгров, которое по согласованию с австрийским правительством возглавил хорватский бан Йосип Елачич. Император Фердинанд назначил в Венгрию своим представителем австрийского генерала Франца Филиппа фон Ламберга, после убийства которого в Пеште революционно настроенной толпой Венгрия была объявлена на военном положении, венгерский сейм распущен.

Венгерский сейм, по мнению Г. В. Вернадского, «еще прежде начал готовиться к борьбе, избрав комитет национальной обороны под председательством Кошута». Подробнее ознакомиться с личностью Лайоша Кошута Г. В. Вернадский рекомендует в книге Роберта Уильяма Сетон-Уотсона¹⁴.

Деятели венгерской революции встали на позицию защиты конституции, ведь она была утверждена императором Фердинандом, отречение которого они признали «вынужденным и потому недействительным»¹⁵. Только весной 1849 г. партия Кошута объявила Габсбургскую династию низложенной по отношению к Венгрии, что, по мнению Г. В. Вернадского, вызвало «раскол в венгерском обществе, часть которого искала не полного отделения от Австрии, а лишь последовательной автономии»¹⁶.

Венгерское войско шло на помощь революционной Вене, осажденной только что произведенным в фельдмаршалы Альфредом Виндишгрецом. Однако в октябре 1848 г. Й. Елачич отбросил венгров и Вена сдалась А. Виндишгрецу,

¹² *Вернадский Г.* Венгерский поход 1949 года. С. 80.

¹³ Там же.

¹⁴ *Seton-Watson R. W.* Racial problems in Hungary. London: Archibald Constable & Co., 1908. 540 p.

¹⁵ *Вернадский Г.* Венгерский поход 1949 года. С. 80.

¹⁶ Там же. С. 81.

которому Г. В. Вернадский дал весьма нелицеприятную характеристику: «озлобленный аристократ, говоривший, что человек начинается только с барона»¹⁷.

А. Виндишгрецу, получившему приказ усмирять Венгрию, казалось бы, благоприятствовал успех. Несколько сражений — и Западная Венгрия с Будапештом вплоть до Тиссы была им захвачена. Он был уверен, что усмирение Венгрии окончено. Однако, по мнению Г. В. Вернадского, оно даже не начиналось. Он так объясняет стратегию венгров: «сами отходили в глубь своей страны, чтобы собрать больше сил», а когда австрийцы «разбились на отдельные отряды по разным городам Венгрии», венгры «получили решительный перевес», и скоро самим «австрийцам пришлось думать о защите Вены». Отстранение А. Виндишгреца не помогло, и «новый военачальник действовал со столь же малым успехом»¹⁸.

У австрийского правительства был вариант «вызвать из Италии победоносного Радецкого с его армией», но, как считает Г. В. Вернадский, Австрии бы пришлось «отказаться от итальянских владений». И вот здесь, попав в безвыходное положение, Франц-Иосиф «обратился за помощью к императору Николаю I»¹⁹.

Г. В. Вернадский объясняет причину, по которой правящие круги России пошли навстречу Австрии. Их не интересовала «сложность и запутанность австро-венгерских отношений», они «создали себе простую и ясную схему происходивших событий», которую, по мнению Г. В. Вернадского, лучше всего выразил Ф. И. Тютчев в своих политических статьях и стихотворениях. «В Европе существуют только две действительные силы — революция и Россия, — приводит Г. В. Вернадский его слова. — Эти две силы теперь противопоставлены одна другой, и, быть может, завтра они вступят в борьбу». Эта борьба, по Ф. И. Тютчеву, — нападение «революционных волн на крепкий утес русского самодержавия»²⁰.

Г. В. Вернадский считает, что Николай I, так же как и Ф. И. Тютчев, «ощущал европейскую революцию, прежде всего, как враждебную русским устоям волну». Свою мысль он подтверждает рассказом о том, как, получив в феврале 1848 г. известие о революции во Франции, Николай I вышел к танцующим на балу наследника и громко сказал: «Седлайте коней, господа, во Франции объявлена республика»²¹.

Дополняющим фактором для Николая I была «боязнь революционной заразы русской Польши от Венгрии», поэтому главным условием отправки русских войск в Венгрию стала «немедленная очистка австрийским правительством Галиции от всех польских эмигрантов и мятежников»²².

¹⁷ *Вернадский Г.* Венгерский поход 1949 года. С. 81.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 81–82.

²¹ Там же. С. 82.

²² Там же. С. 83.

По мнению Г. В. Вернадского, Николай I «хотел вести дело по-рыцарски». Это выразилось в том, что все расходы венгерского похода Российская империя брала на себя. Не дожидаясь окончательного приказа, фельдмаршал И. Ф. Паскевич послал на защиту столицы Австрии шесть полков во главе с генералом Ф. С. Панютиным. За ними последовала основная армия. «Не щади каналов, — приводит Г. В. Вернадский письменное напутствие Николая I И. Ф. Паскевичу. — Ежели и Вена потеряна, дело ты исправишь, уничтожа гнездо бунта»²³.

Г. В. Вернадский отмечает, что поход И. Ф. Паскевича «не был предусмотрен венгерской стратегией». Дело в том, что главные силы венгров были расположены в гористой местности на северо-западе Венгрии. Это было удобно для защиты от австрийских войск. Но этот регион был фактически отрезан от остальной Венгрии. После появления мощной русской армии командующий основными венгерскими силами Артур Гёргей «легко мог быть заперт и принужден к сдаче»²⁴. Русские войска «значительно превосходили венгров по уровню боевой подготовки»²⁵.

По мнению Г. В. Вернадского, вначале все шло по этому сценарию. И. Ф. Паскевич перешел Дуклинский перевал, отбросил венгерский отряд у Кашау, двинулся через Мишкольц в Дьёндьёш и Хатван, пытаясь запереть венгерскую армию. А. Гёргей столкнулся с русской армией возле Вайцена, на Дунае, но повернул к востоку и пересек в Мишкольце бывший путь И. Ф. Паскевича, удачно избежав сражения. Несмотря на попытки задержать ее, венгерская армия успела уйти за Тиссу. А. Гёргей двинулся в Южную Венгрию, к Араду, куда должна была подойти другая венгерская армия, «отступавшая с запада перед силами Панютина и австрийского генерала Гайнау»²⁶.

Анализируя военные действия, Г. В. Вернадский приходит к выводу, что эта «кампания была беспроигрышна для Паскевича». Во-первых, ввиду огромного численного перевеса русских войск: сто тысяч против сорока тысяч. Во-вторых, план А. Гёргея объединиться с южной венгерской армией и по отдельности разгромить И. Ф. Паскевича и Ю. Я. Гайнау провалился. Ю. Я. Гайнау «с помощью дивизии Панютина удалось настигнуть и совершенно разбить южную армию»²⁷.

Именно в этот момент, как считает Г. В. Вернадский, «Гёргею сделалась ясной полная безнадежность положения». Сопrotивление армии И. Ф. Паскевича только увеличило бы тяжесть разгрома. Через два с половиной месяца после начала кампании, 11 августа 1849 г., состоялся военный совет у Вилагоша, на котором, по предложению А. Гёргея, «было решено сдаться Паскевичу со всей армией»²⁸.

²³ Вернадский Г. Венгерский поход 1849 года. С. 83.

²⁴ Там же.

²⁵ Андрияйнен С. В. «Войска без знамен»: История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I // Научный диалог. 2021. № 8. С. 265.

²⁶ Вернадский Г. Венгерский поход 1849 года. С. 83.

²⁷ Там же. С. 83–84.

²⁸ Там же. С. 84.

Г. В. Вернадский опирается на воспоминания офицера русской армии М. Д. Лихутина о происходящем на этом совете. Это был трогательный момент, ведь венграм пришлось поставить крест на своих подвигах, трудах, надеждах на будущее; забыть о самостоятельности и величии своего отечества; расстаться с любимым полководцем и боевыми товарищами; не будучи разбитыми австрийцами, сдаться им. «В зале, где собрались военные у Гёргея, слышались одни рыдания; офицеры плакали, как дети; Гёргея благодарили, обнимали, целовали и прощались с ним»²⁹.

Г. В. Вернадский обращает внимание на то, что А. Гёргей в своих последующих действиях апеллирует только к российским властям и руководству русской армией. Он отправляет командиру русского передового отряда генералу Ф. В. Ридигеру письмо с надеждой, что Николай I не оставит Венгрию без защиты от «слепой мстительной злобы австрийцев». Понимая, что репрессий не избежать, А. Гёргей выражает надежду на то, чтобы он «один пал жертвою». Он заявлял, что его армия сдается только войскам «Его Величества Русского Императора», что он скорее подвергнет свою армию истреблению в битве против сильнейшего противника, чем сложит «оружие перед австрийскими войсками»³⁰.

13 августа 1849 г. армия А. Гёргея сдалась в плен генералу Ф. В. Ридигеру. Комендантам крепостей, продолжавших держаться против австрийцев, А. Гёргей написал письма с советом сдаться. «Венгрия у ног Вашего Величества»³¹, — приводит Г. В. Вернадский сообщение И. Ф. Паскевича Николаю I.

Г. В. Вернадский обращает внимание на то, что А. Гёргей «был помилован по личной просьбе русского Цесаревича Александра Николаевича». Современный исследователь на основании мемуаров участников событий отмечает, что «мысль о том, что австрийцам следовало бы предоставить венграм амнистию, получила широкое распространение среди российских офицеров»³².

Но попытка И. Ф. Паскевича спасти других руководителей восстания не увенчалась успехом. Командующий австрийцами Ю. Я. Гайнау намеренно дистанцировался от И. Ф. Паскевича. По решению австрийских властей «повешено было девять венгерских генералов (и раньше еще один)», «расстреляно четверо. Бывший министр-президент Баггиани, приговоренный тоже к повешению, перерезал себе жилы в тюрьме накануне казни и еле живой был расстрелян». Л. Кошут и ряд других видных участников еще раньше бежали в Турцию. Австрия настаивала на их выдаче. Г. В. Вернадский отмечает, что «султан наотрез отказался, заявив, что не может нарушить священный долг гостеприимства»³³.

²⁹ Лихутин М. Д. Записки о походе в Венгрию в 1849 г. М., 1875. С. 234.

³⁰ Вернадский Г. Венгерский поход 1849 года. С. 84.

³¹ Там же.

³² Стыкалин А. С. Капитуляция венгерской революционной армии в августе 1849 г. в отражении русской военной мемуаристики // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания: Вестник по материалам XXV Международной научно-практической конференции. Будапешт, 2020. № 34. С. 222.

³³ Вернадский Г. Венгерский поход 1849 года. С. 84–85.

«Расправа австрийцев с вождями венгерского движения произведена была, — пишет Г. В. Вернадский, — уже после ухода русских из Венгрии». Он отмечает, что сразу после сдачи венгров, «русские мирно отдыхали вместе с недавними своими противниками». Историк обращается к воспоминаниям М. Д. Лихутина, дневнику барона Николаи и другим источникам. Каждый день играла русская военная музыка. Спокойно разъезжали русские и венгерские кавалеристы. В многочисленных трактирах сидели офицеры обеих армий, гремели хоры венгерской музыки. У многих сдавшихся венгров не было денег. «Их угощали русские офицеры, из которых некоторые считали как бы своею обязанностью высказывать им внимание и симпатию»³⁴.

Если обратиться к другим национальностям, например к галицким русинам, то «практически все офицеры — авторы воспоминаний о Венгерском походе отмечали» их исключительную доброжелательность³⁵.

Отношения с австрийцами, как считает Г. В. Вернадский, наоборот, ухудшались день ото дня. Австрийцев раздражало сочувствие русских венграм. У русских формировалась антипатия к австрийцам из-за «доставки провианта, вопросов командования, заносчивости австрийских офицеров»³⁶.

Страсти накалялись. Г. В. Вернадский приводит пример, когда в одном из трактиров русские офицеры выбросили в окно нескольких австрийских офицеров за то, что один из них сказал, что русским выгодно нарочно затягивать войну, как «выгодно наемщикам тянуть порученную им работу»³⁷.

Еще один случай, заинтересовавший Г. В. Вернадского, связан с инцидентом в Кошицах. Поручик Азовского пехотного полка Д. Ф. Крокович провозгласил тост в честь Николая I и фельдмаршала И. Ф. Паскевича. Находившиеся в зале австрийские офицеры намеренно этот тост проигнорировали. В ответ на это Д. Ф. Крокович провозгласил тост: «За благоденствие Венгрии и за гибель Австрии». Один из австрийских офицеров немедленно сообщил об этом русскому генералу Ф. В. Ридигеру. Тот, вызвав к себе Д. Ф. Кроковича, назвал его бунтовщиком и угрожал ему судом и расстрелом. Крокович возразил, что он верный подданный Николая I. По мнению Ф. В. Ридигера, верный подданный не может пить за венгров и за гибель союзников государя. И вот ответ Д. Ф. Кроковича: «Пил, потому что венгерцы нам покорились и теперь наши друзья». Все окончилось тем, что венгры из благодарности все время угощали Д. Ф. Кроковича, пока он не уехал. Русские войска, делает вывод Г. В. Вернадский, «покидали Венгрию с досадным чувством обиды на тех, кому помогали, и симпатии к тем, кого преследовали»³⁸.

Данные факты, по мнению Г. В. Вернадского, вызывали тревогу Николая I. Узнав о сдаче А. Гёргея и «сопровождавших ее обстоятельствах», 7 августа

³⁴ Вернадский Г. Венгерский поход 1949 года. С. 85.

³⁵ Шевченко К. В. Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 г. // Русин. 2021. № 64. С. 257.

³⁶ Вернадский Г. Венгерский поход 1949 года. С. 85.

³⁷ Там же. С. 86.

³⁸ Там же. С. 86–87.

1849 г. Николай I потребовал от И. Ф. Паскевича, чтобы у русских не было никаких близких сношений с венграми, так как «легко от этого сближения и наша молодежь заразиться может. Они бунтовщики, и нам подло и низко с ними сближаться»³⁹.

Г. В. Вернадский отмечает, что вмешательство России в австро-венгерский конфликт «произвело огромное впечатление в Западной Европе», в первую очередь на правительственный и либерально-революционный лагерь в Германии. Представители одного лагеря следили за ходом событий с надеждой, другого — со страхом⁴⁰.

Г. В. Вернадский ссылается на дневник прусского писателя Фарнгагена фон Энзе, в котором описаны ожидания немецких либералов. Вначале были опасения, потом радость от неудач И. Ф. Паскевича. И вдруг, как удар грома, «весть о сдаче Гёргея при Вилагоше». Теперь с гибелью венгерского движения погибнет и дело немецкой революции. Монархии Европы, опиравшиеся на дворянские привилегии, делает вывод Г. В. Вернадский, одержали победу над «новыми либеральными и демократическими течениями»⁴¹.

Заключение. «Отвечало ли достигнутое истинным интересам русского народа?» — задается вопросом Г. В. Вернадский. Если брать в расчет то, как венгерский поход был «дипломатически обставлен» Австрией, то он, по мнению ученого, являлся несомненной ошибкой. Г. В. Вернадский приводит ответ австрийского политика Феликса Шварценберга на слова о том, что теперь Австрия — должник России: «Австрия удивит мир своей неблагодарностью»⁴².

И эту неблагодарность, пишет Г. В. Вернадский, Россия почувствовала уже через четыре года. В ходе начавшейся Крымской войны Россия могла бы возместить недостатки вооружения количеством солдат, но главные силы ей приходилось держать на австрийской границе. Забыв о помощи в катастрофе 1849 г., Австрия угрожала России войной⁴³.

В 1855 г. австрийский эрцгерцог приехал на похороны Николая I. Г. В. Вернадский приводит гневное стихотворение Ф. И. Тютчева, в котором поэт хотел бы услышать «всеобщий клич» — «прочь австрийского Иуду», — род которого отныне должен именоваться «Искариот»⁴⁴.

Как считает Г. В. Вернадский, к австрийской неблагодарности позже добавилась венгерская отплата за поход И. Ф. Паскевича. На Берлинском конгрессе 1878 г. под дипломатическим нажимом европейских держав «Россия потеряла плоды своих военных действий против Турции»⁴⁵. И одну из ключевых ролей

³⁹ *Вернадский Г.* Венгерский поход 1849 года. С. 86.

⁴⁰ Там же. С. 87.

⁴¹ Там же.

⁴² Там же.

⁴³ Там же. С. 88.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Там же.

в этом сыграл австро-венгерский дипломат Юлий Андраши, который за участие в восстании 1848–1849 гг. был приговорен к смертной казни, но своевременно бежал.

Литература

1. Андрияйнен С. В. «Войска без знамен»: История 5 пехотного корпуса русской армии в царствование Николая I // Научный диалог. 2021. № 8. С. 249–271.
2. Сова О. Н. Европейские революции 1848–1849 гг.: исторический и историографический аспекты // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2018. № 18. С. 197–206.
3. Стыкалин А. С. Капитуляция венгерской революционной армии в августе 1849 г. в отражении русской военной мемуаристики // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания: Вестник по материалам XXV Международной научно-практической конференции. Будапешт, 2020. № 34. С. 215–226.
4. Шевченко К. В. Русины Австрийской империи в дневниках и воспоминаниях русских офицеров — участников Венгерского похода 1849 г. // Русин. 2021. № 64. С. 255–262.

References

1. Andriainen S. V. «Voiska bez znamen»: Istoriia 5 pekhotnogo korpusa russkoï armii v tsarstvovanie Nikolaia I [“Troops without banners”: The history of the 5th Infantry Corps of the Russian Army in the reign of Nicholas I] // Nauchnyi dialog. 2021. № 8. P. 249–271. (In Russ.).
2. Sova O. N. Evropeiskie revoliutsii 1848–1849 gg.: istoricheskii i istoriograficheskii aspekty [The European Revolutions of 1848–1849: historical and historiographical aspects] // Chteniia pamiati Evgeniia Petrovicha Sychevskogo. 2018. № 18. P. 197–206. (In Russ.).
3. Stykalin A. S. Kapituliatsiia vengerskoi revoliutsionnoi armii v avguste 1849 g. v otrazhenii russkoi voennoi memuaristiki [The surrender of the Hungarian Revolutionary Army in August 1849 in the reflection of Russian military memoiristics] // Sovremenyi russkii iazyk: funktsionirovanie i problemy prepodavaniia: Vestnik po materialam XXV Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii. Budapesht, 2020. № 34. P. 215–226. (In Russ.).
4. Shevchenko K. V. Rusiny Avstriiskoi imperii v dnevnikakh i vospominaniakh russkikh ofitserov — uchastnikov Vengerskogo pokhoda 1849 g. [Rusyns of the Austrian Empire in the diaries and memoirs of Russian officers participating in the Hungarian campaign of 1849] // Rusin. 2021. № 64. P. 255–262. (In Russ.).

УДК 94(47)08(571.5)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.03

Кискидосова Татьяна Александровна

кандидат исторических наук

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории

Абакан, Россия

tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

**ОБЩЕСТВА ПОПЕЧЕНИЯ О НАЧАЛЬНОМ ОБРАЗОВАНИИ
В ГОРОДАХ ЕНИСЕЙСКОЙ ГУБЕРНИИ
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX В.
(ПО МАТЕРИАЛАМ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПРЕССЫ)**

Аннотация. Статья посвящена истории создания и деятельности обществ попечения о начальном образовании в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. Проблема организации и поддержки этих объединений широко обсуждалась в общественных кругах и на страницах периодической печати. Региональная пресса отразила основные направления деятельности обществ попечения о начальном образовании. Открытие начальных школ и их материальная поддержка были их приоритетными задачами. Местные газеты отразили популярность общественных объединений во всех городах Енисейской губернии в рассматриваемый период. Общества попечения о начальном образовании являлись ярким примером стремления местного населения к развитию просвещения в регионе.

Ключевые слова: общества попечения о начальном образовании, Енисейская губерния, город, начальная школа, ученики, газеты.

UDC 94(47)08(571.5)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.03

Kiskidosova Tatiana A.

Candidate of Historical Sciences

Khakass Research Institute of Language, Literature and History

Abakan, Russia

tak_74@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1031-835X

**THE SOCIETIES FOR THE CARE OF PRIMARY EDUCATION
IN THE CITIES OF THE YENISEI PROVINCE
IN THE LATE XIX – EARLY XX CENTURY
(BASED ON THE MATERIALS OF THE REGIONAL PRESS)**

Abstract: The article is devoted to the history of the creation and activity of primary education care societies in the cities of the Yenisei province in the late XIX – early XX century. The problem of organizing and supporting Societies has been widely discussed

in public circles and on the pages of the periodical press. The regional press reflected the main activities of the Primary Education Care Societies. The opening of primary schools and their financial support were the priority tasks of the Societies. Local newspapers reflected the popularity of public associations in all cities of the Yenisei province during the period under review. The primary education care societies were a vivid example of the desire of the local population to develop education in the region.

Keywords: primary education care societies, Yenisei province, city, primary school, students, newspapers.

Введение. Во второй половине XIX в. в Сибири начались подвижки к стимулированию начального образования. Существенную помощь в организации народного просвещения оказывала общественность. Государством поощрялась благотворительность: с этой целью была разработана система морального поощрения. Значительный вклад в развитие народного образования вносили частные меценаты и благотворительные общественные организации, в частности общества попечения о начальном образовании. При отсутствии земств именно эти общественные объединения взяли на себя многие функции по распространению просвещения. Не стала исключением и Енисейская губерния, где при помощи обществ попечения об образовании начали открываться начальные школы. Однако в данном регионе процесс появления начальных школ происходил медленнее, чем в других сибирских губерниях.

Особый интерес тема истории, создания и деятельности обществ вызвала в 1980-е гг., когда стали популярными темы истории благотворительности и меценатства в России в дореволюционный период. В исторической литературе деятельность обществ попечения о начальном образовании рассматривается неотрывно от истории народного образования. Исследованию культурно-просветительских организаций в Сибири посвящены работы А. Е. Плотникова, Е. А. Дегальцевой, Д. И. Попова, Т. П. Карташовой и М. П. Войтеховской¹. Некоторые вопросы деятельности обществ попечения о начальном образовании в Енисейской губернии исследованы красноярскими учеными². При рассмотрении истории обществ попечения об образовании в регионе исследователи

¹ Плотников А. Е. Культурно-просветительские организации в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // История культуры советского общества. Омск, 1990. С. 70–71; Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск, 2002; Попов Д. И. Культурно-просветительные общества Сибири в конце XIX – начале XX в. Омск, 2006; Карташова Т. П. Первое в Сибири общество попечения о начальном образовании в г. Томске (1882–1906): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013; Войтеховская М. П. Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 158–167.

² Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции). Енисейск, 1961; Федорова В. И. Школа – учитель – общество: из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск, 2015.

недостаточно использовали региональную прессу в качестве источника. В данной статье мы попытаемся восполнить этот пробел в историографии, рассмотрев создание и деятельность обществ попечения о начальном образовании в городах Енисейской губернии в конце XIX – начале XX в. на материалах региональной прессы.

Ход и результаты исследования. Значительная часть денежных расходов, направленных на поддержку народного образования, приходилась на долю общественности. Недостаток средств в городском бюджете, выделяемых на развитие просвещения, побудил общественность учреждать попечительские советы и общества попечения об образовании. Помощь образовательным учреждениям оказывали пожертвования частных лиц. В свою очередь, местные власти поощряли благотворительную деятельность, направленную на открытие школ, материальную помощь малоимущим ученикам, поддержку учителей и т. д.

Общества попечения или содействия начальному образованию стали возникать во многих сибирских городах в 1880-е гг. Инициаторами основания этих объединений были представители городской власти, общественные деятели и предприниматели, стремившиеся оказать финансовую поддержку начальным школам и их ученикам. Ежегодно члены обществ платили взносы, жертвовали средства, оказывали материальную поддержку, присутствовали на собраниях, представляли отчет о деятельности. Благодаря активной поддержке обществ открывались новые учебные заведения.

6 апреля 1881 г. на заседании Красноярской городской думы было принято решение учредить при городском управлении особую училищную комиссию, в состав которой вошли Н. А. Шепетковский, И. Г. Гадалов и др. Первой своей задачей комиссия поставила найти возможность и средства для увеличения количества учащихся в городе. Постепенно под ее давлением городское управление стало увеличивать ассигнования на школы³.

Председатель школьной комиссии при Красноярской городской думе Н. А. Шепетковский проявил активность в развитии начального образования в городе. Он предложил по примеру Томска создать общество друзей начального образования, которое могло бы оказывать финансовую поддержку школам. С 1883 г. в Красноярске стало действовать общество попечения о начальном образовании. К 1890 г. расходы всех начальных училищ увеличились до 4120 руб.⁴

До появления общества городские власти сделали для развития начального образования очень мало, открыв всего три училища, которые находились в бедственном состоянии. Учитывая просчеты местных властей, Красноярское общество попечения о начальном образовании ставило перед собой следующие

³ Восточное обозрение. 1896. 7 февраля. № 16.

⁴ Там же. 1890. 4 марта. № 10.

задачи: оказывать материальную поддержку городскому общественному управлению в улучшении и распространении начального образования; помогать бедным и способным ученикам начальных школ; содействовать лицам, которые с разрешения начальства открывали частные начальные школы. К концу 1880-х гг. в городе было учреждено четвертое начальное училище, появилась центральная школьная библиотека и предполагалось открытие городской бесплатной библиотеки на средства золотопромышленников⁵. В 1889 г. открылось пятое начальное училище, в 1894 г. — шестое. Члены общества способствовали открытию в Красноярске школы для девочек и двух начальных школ смешанного типа. Благодаря деятельности общества улучшилась материальная база начальных школ, обстановка учебных заведений стала соответствовать требованиям школьной гигиены. Одновременно оказывалась помощь в приобретении новых парт и учебных пособий, пополнении библиотечного фонда. Но, несмотря на заметное улучшение организации школьного дела, современники уверяли, что «запросы на начальное образование все же не были удовлетворены»⁶.

В 1890 г. общество состояло из 23 почетных и 177 действительных членов, многие из них были влиятельными и обеспеченными лицами в городе. Они жертвовали средства на содержание школ, библиотек и т. д. Ежегодно общество выделяло учителям начальных школ дополнительные средства (по 40 руб. каждому), независимо от того, что городская дума в 1888 г. увеличила их годовое жалованье с 300 до 420 руб. В составе общества было мало преподавателей, а на ежегодных заседаниях они вообще не присутствовали. И хотя начальное образование сделало значительные успехи, в 1880-е гг. в городе не хватало начальных школ. Для того чтобы охватить всех детей начальным образованием, в Красноярске требовалось открытие еще десяти училищ⁷.

Вслед за Красноярским обществом попечения о начальном образовании в других приенисейских городах также появились подобные объединения. Идея их создания нашла поддержку у горожан. В Енисейске основателем общества стал, несмотря на свою малообразованность, городской голова Н. Н. Дементьев. 16 мая 1883 г. он предложил городской думе по случаю праздника священного коронования императора учредить в Енисейске общество попечения о начальном образовании. Ежегодный членский взнос в обществе составлял три рубля. Почетные члены, кроме членских взносов, должны были вносить одновременно по 50 руб. Н. Н. Дементьев слыл достаточно щедрым человеком, он пожертвовал одну тысячу рублей на нужды общества. «Николай Николаевич Дементьев не жалеет средств на дорогое дело, — писал журналист «Сибирской газеты», — понимая великую задачу народного образования

⁵ Сибирская газета. 1888. 10 января. № 3.

⁶ Восточное обозрение. 1896. 7 февраля. № 16.

⁷ Там же. 1890. 27 мая. № 21.

в слабо развитой Сибири»⁸. Вся последующая поддержка начальных школ распределялась между членами данного объединения. Первым председателем общества стал один из активных деятелей развития образования, енисейский предприниматель А. И. Кытманов⁹.

Устав общества о попечении начального образования в Енисейске был утвержден 9 июля 1884 г. Его основной целью было оказание содействия городскому общественному управлению в улучшении и распространении начального образования. Деятельность совета общества осуществлялась по двум направлениям: первое заключалось в изыскании средств и увеличении начальных школ и учащихся, второе — в улучшении быта учеников и средств обучения¹⁰. С самого основания общество насчитывало 200 членов, однако на заседаниях обычно присутствовало не более 17 человек. В кассе было до двух тысяч рублей¹¹.

Членами Енисейского общества стали в основном образованные люди, которые, по предположению енисейского корреспондента, «смогли бы к своей деятельности отнестись с любовью и сделать все возможное для улучшения положения начальных школ». Председатель общества А. И. Кытманов начал свою деятельность с того, что посетил училища и встречался с учителями, чтобы из личных бесед узнать о нуждах и недостатках начальных школ. В ходе встреч председатель выявил, что в одну из школ требовался помощник учителя. Прием мальчиков в эту школу прекратился из-за того, что один учитель мог охватить только определенное количество учеников. Члены совета общества посчитали, что «учитель был хоть и болезненным, но усердным и способным». Наличие помощника в школе с жалованием от 15 до 20 руб. в месяц позволило бы открыть младшее отделение для обучения грамоте. Однако при выборе помощника мнения разделились: одни члены предлагали взять опытную учительницу с педагогическим образованием, другие — выпускницу гимназии, преимущественно бедную. Однако утверждение кандидатки не зависело от мнения совета общества, выбор оставался за руководством школы¹².

На первом заседании общества в связи с крайней бедностью школьных библиотек собравшиеся решили приобрести учебные пособия для начальных училищ. Присутствовавшие на заседании распорядители общественной библиотеки предложили открыть при ней специальный отдел детских книг, доступный для учителей. В этом случае они могли бы брать книги для учеников¹³.

Енисейская городская дума постановила выдавать обществу процент с капитала покойного купца Аверьяна Козьмича Матонина. На эти средства

⁸ Сибирская газета. 1884. 16 декабря. № 51.

⁹ Сибирский вестник. 1887. 22 марта. № 35.

¹⁰ Там же. 1885. 12 декабря. № 31.

¹¹ Сибирь. 1886. 8 июня. № 23.

¹² Восточное обозрение. 1885. 21 февраля. № 8.

¹³ Там же.

нуждавшиеся учащиеся бесплатно получили учебники и письменные принадлежности. Другая часть средств от капитала А. К. Матонина пошла на поддержку приходского училища. Ежемесячно училищу выделялось 20 руб., а его учащиеся обрели возможность получить бесплатное начальное образование¹⁴.

Члены общества жаловались на нехватку средств и просили поддержки у местных властей. Часть средств шла на покупку теплой одежды и обуви бедным ученикам. В 1886 г. они получили 12 шуб, 11 шапок, пять шарфов, 23 пимы, 14 сапог и четыре рубашки¹⁵. Для этих нужд выделили 100 руб. из процентов капитала, пожертвованного Матониным. Однако собранных теплых вещей воспитанникам не хватало. Совет общества решил открыть прием пожертвованных вещей, «хоть и старых, но имеющих ценность». На обеспечении теплой одеждой и обувью бедных учеников настаивали учителя начальных школ, отмечавшие плохую посещаемость в морозные дни. Однако некоторые члены общества указывали на то, что подобная помощь ранее оказывалась и, как показал опыт, «дети, получившие шубу и обувь, обыкновенно прекращали обучение в школе»¹⁶.

На одном из заседаний общества обсуждался вопрос об открытии женского приходского училища. Однако по причине недостатка средств его отложили на неопределенный срок. Журналист «Восточного обозрения» выразил надежду на то, что «общество попечения о начальном образовании будет настойчиво стремиться к осуществлению в скором времени этого благого дела. Открытие училища было бы возможно за счет пожертвованного купцом Матониным капитала в 6 тыс. руб. на благотворительные и учебные заведения»¹⁷. Уже на следующем собрании совет общества возбудил ходатайство об открытии женского приходского училища. На устройство училища городская дума ассигновала ежегодно по 500 руб.¹⁸ Все хлопоты по учреждению училища взяло на себя общество. 2 августа 1885 г. женское приходское училище открылось в доме Е. А. Грязнова. Активная деятельность попечителей завоевала симпатии местных жителей¹⁹.

В 1887 г. капитал общества составил 1817 руб., из них 1525 руб. израсходовали на содержание третьего начального училища и на пособие бедным ученикам. В связи с тем что поднялась плата за приготовительный класс (его уже не могли посещать дети из бедных семей), возникла необходимость открытия в городе второго женского училища. Однако общество не располагало для этого достаточными средствами, поэтому попечители решили обратиться

¹⁴ Сибирь. 1886. 8 июня. № 23.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Восточное обозрение. 1885. 21 февраля. № 8.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же. 28 марта. № 13.

¹⁹ *Кытманов А. И.* Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск, 2016. С. 599.

за помощью к крупным золотопромышленникам и бывшим енисейцам, переехавшим в Санкт-Петербург (А. А. Кобычеву, К. М. Полежаеву, В. И. Базилевскому, А. С. Баландину)²⁰.

К 1888 г. касса енисейского общества опустела и не пополнялась. Начальные школы испытывали материальные трудности без ставшей привычной поддержки попечителей. В течение двух месяцев учителя не получали жалованье, а ученики из бедных семей остались без теплой одежды и обуви. Совет общества предпринял усилия, чтобы привлечь жителей Енисейска к поддержке начального образования. Однако в этот раз просьбы не нашли отклик среди горожан и не привели к ожидаемым результатам. Енисейцы, ссылавшиеся на отсутствие денег, считали, что учение — это роскошь. Они открыто выражали свое мнение: «Мы не учились, да в люди вышли». На проведенном любительском спектакле в поддержку начальных школ удалось собрать всего 170 руб. Совет общества, отчаявшись получить финансовую поддержку, обратился к министру внутренних дел о дозволении «выставлять в публичных местах кружки для сбора на начальное образование»²¹.

К концу XIX в. горожане Енисейска очень нуждались в женском училище и детском саде. Однако в этот период материальное положение общества было далеко не блестящим. Несмотря на то что семья Баландиных пожертвовала 28 тыс. руб. на новое каменное здание для школы и устройство бесплатной народной библиотеки, другие предприниматели не захотели выделить крупные суммы на развитие начального образования. В 1899 г. обществу удалось субсидировать три приходских училища, женскую воскресную школу и женское училище. Всего в отчетном году на учебные заведения общество потратило всего 1006 руб. 47 коп. Предприниматели не спешили жертвовать деньги обществу. Местный корреспондент столь удручающее положение связывал с тем, что «добрые порывы охлаждены неожиданными конфликтами». В то же время он возлагал надежды на то, что в «сибирских городках нередко добрые начинания встречаются, благодаря, особым условиям провинциальной жизни»²².

В Минусинске с инициативой создания общества о попечении начального образования на заседании городской думы выступил городской голова И. П. Лыткин. 16 апреля 1885 г. он составил проект устава общества. Житель Минусинска утверждал: «Наш город всегда с горячим сочувствием относится к делу народного образования». В состав совета общества должны были войти 12 человек, хотя изъявили желание не менее 60 человек²³. Для того чтобы стать членом общества требовалось внести взнос — не менее одного рубля. Совет общества избирался сроком на три года²⁴. Однако получение разрешения на открытие Минусинского

²⁰ Восточное обозрение. 1887. 30 апреля. № 17.

²¹ Там же. 1888. 20 ноября. № 46.

²² Енисей. 1900. 30 июля. № 89.

²³ Сибирская газета. 1888. 10 января. № 3.

²⁴ Там же. 7 февраля. № 11.

общества затянулось на несколько лет. Еще в октябре 1885 г. было отправлено ходатайство енисейскому губернатору об открытии общества. И только в декабре 1887 г. от енисейского губернатора в Минусинск пришла копия с утверждением министра внутренних дел²⁵. Таким образом, в течение первых трех лет своего существования Минусинское общество действовало без регистрации, т. е. полулегально. В основном оно занималось сбором средств, раздачей учебников и теплой одежды для бедных учеников. Лишь «с 1889 г. наступил поворот в его деятельности»²⁶. С этого момента общество развернуло активную деятельность, в его планы уже входили открытие мужской прогимназии, оказание материальной поддержки городским училищам и женской прогимназии, содействие беднейшим и способным ученикам, поощрение деятельных учителей и основателей частных начальных школ в Минусинском округе²⁷. Общество участвовало в открытии двух начальных школ в деревнях-пригородах — Малой Минусе и Самодуровке. Плата за обучение в школах составляла от одного до двух рублей в месяц, а для бедных предусматривалось бесплатное обучение. Однако местные жители, узнав об обязанности дополнительно поддерживать школы, выразили недовольство и с большой неохотой отдавали детей на обучение²⁸.

В Канске общество попечения о начальном образовании возникло в 1890-е гг., гораздо позднее, чем в других приенисейских городах. Некоторое время оно бездействовало и смогло начать активную работу только в 1897 г. С самого своего возникновения общество было ограничено в средствах. Тем не менее в первый год деятельности оно израсходовало на 15 учеников 75 руб., на учебники и учебные пособия бедным ученикам — 100 руб., на одежду и обувь — 100 руб. Общество, признавая нехватку начальных школ в городе, поставило вопрос об открытии дополнительного училища²⁹.

Несмотря на поддержку обществ попечения, многие городские начальные училища в основном содержались за счет городского бюджета. В Ачинске, например, треть доходов из городского бюджета тратилась на народное образование. Кроме того, на содержании города были помещения училища и общественные библиотеки. Городской голова Ачинска поставил вопрос о сокращении расходов на содержание народного образования при дефиците бюджета, составившем в 1888 г. пять тысяч рублей. И все-таки в этом же 1888 г. открылось еще одно приходское училище в беднейшей части Ачинска, за рекой Тепляткой³⁰.

Сибирская пресса освещала работу обществ по организации культурно-досуговой жизни учеников. Практически во всех городах попечители начального

²⁵ Сибирская газета. 1888. 7 февраля. № 11.

²⁶ Восточное обозрение. 1891. 10 ноября. № 46.

²⁷ Енисейские губернские ведомости. 1885. 18 мая. № 20.

²⁸ Восточное обозрение. 1891. 3 марта. № 10.

²⁹ Там же. 1897. 28 февраля. № 26.

³⁰ Там же. 1888. 31 января. № 4.

образования организовывали и проводили за свой счет праздники, спектакли, концерты и т. д. Ежегодно устраивались елки в начальных школах, «живые картинки» и маскарады, раздавали кошелки с подарками. Обычно ученикам дарили книги и сладости. В Красноярске благотворительные елки часто посещал сам губернатор со своей семьей³¹. Общества также являлись инициаторами проведения народных чтений в воскресные дни, их посещали взрослые и дети³².

В 1916 г. совет Красноярского общества попечения подал в городскую училищную комиссию ходатайство об организации в городе Дома просвещения или разумного кинематографа. Эта идея обсуждалась еще в 1913 г. на заседаниях городской думы. Под разумным кинематографом понималась борьба с уличным кинопоказом, который оказывал развращающее влияние как на взрослых, так и на подрастающее поколение. По мнению комиссии, «разумный кинематограф должен был служить целям преподавания истории, географии, литературы, естествознания и сопровождаться соответствующими лекциями»³³.

Открытие обществ попечения о начальном образовании в городах имело большое значение для развития начальных школ. Благодаря их деятельности улучшалась организация школьного образования, открывались новые образовательные учреждения, совершенствовались условия обучения, оказывалась материальная поддержка учащимся из малообеспеченных семей. Члены обществ изыскивали средства для снабжения школ учебными пособиями, необходимым оборудованием, канцелярскими товарами, а фондов библиотек — книгами. В результате активной деятельности обществ все большее количество учащихся получало начальное образование. Общественная инициатива не ограничивалась только помощью начальным школам. Одновременно с обществами попечения о начальном образовании в городах появились подобные объединения для поддержки учеников средних и высших учебных заведений, а также учащихся профессиональных учебных заведений. Частные предприниматели оказывали финансовую поддержку способным ученикам и студентам.

Заключение. Таким образом, исходя из материалов местной периодической печати, можно сделать вывод, что проблема начального образования являлась одной из важнейших и обсуждаемых тем в обществе. В пореформенное время в связи с возрастающей потребностью населения в образовании и осознанием значения просвещения в условиях перемен, усилиями общественных организаций был дан толчок развитию начального образования. Первоочередными задачами в этой сфере стали учреждение новых учебных заведений

³¹ Енисейский листок. 1894. 9 января. № 4.

³² Восточное обозрение. 1896. 7 февраля.

³³ Сибирская школа. 1916. № 8. С. 84. № 16.

и материальная поддержка начальных школ. Благодаря инициативе местных властей, а также содействию обществ попечения о начальном образовании и частных лиц открывались городские начальные училища. На страницах сибирских газет освещались трудности и нужды, которые испытывали учебные заведения региона. Преодолению их способствовала активная деятельность благотворительных обществ и отдельных меценатов.

Литература

1. Войтеховская М. П. Общества содействия распространению образования в Западно-Сибирском учебном округе // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 7 (102). С. 158–167.
2. Дегальцева Е. А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861–1917 гг.). Бийск: АлтГТУ, 2002. 288 с.
3. Жолудев Д. Г. Краткая история школ Красноярского края (до Великой Октябрьской социалистической революции) / М-во просвещения РСФСР. Енисейский гос. пед. ин-т. Енисейск: [Б. и.], 1961. 155 с.
4. Карташова Т. П. Первое в Сибири общество попечения о начальном образовании в г. Томске (1882–1906): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2013. 26 с.
5. Кытманов А. И. Краткая летопись Енисейского уезда и Туруханского края Енисейской губернии. 1594–1893 год. Красноярск: СФУ, 2016. 888 с.
6. Плотников А. Е. Культурно-просветительские организации в Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // История культуры советского общества: тезисы докладов / Всесоюз. науч. конф. «Нац. и социал.-культ. процессы в СССР»; [редкол.: А. В. Ремизов, В. Г. Рыженко (отв. редакторы) и др.]. Омск: ОмГУ, 1990. С. 70–71.
7. Попов Д. И. Культурно-просветительные общества Сибири в конце XIX – начале XX в. Омск: ОмГУ, 2006. 512 с.
8. Федорова В. И. Школа – учитель – общество: из истории народного образования Енисейской губернии XIX – начала XX вв. Красноярск: Красноярский гос. пед. ун-т им. В. П. Астафьева, 2015. 241 с.

References

1. Voitekhovskaia M. P. Obshchestva sodeistviia rasprostraneniuiu obrazovaniia v Zapadno-Sibirskom uchebno-m okruge [The societies for promoting education in the West Siberian educational county] // Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: History. Political Sciece. Economics. Information Technologies. 2011. № 7 (102). P. 158–167. (In Russ.).
2. Degal'tseva E. A. Obshchestvennyye nepoliticheskie organizatsii Zapadnoi Sibiri (1861–1917 gg.) [The public non-political organizations of Western Siberia (1861–1917)]. Biisk: AltGTU, 2002. 288 p. (In Russ.).
3. Zholudev D. G. Kratkaia istoriia shkol Krasnoiarskogo kraia (do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii) [A brief history of schools in the Krasnoyarsk Territory (before the Great October Socialist Revolution)] / M-vo prosveshcheniia RSFSR. Eniseiskii gos. ped. in-t. Eniseisk: [B. i.], 1961. 155 p. (In Russ.).

4. Kartashova T. P. Pervoe v Sibiri obshchestvo popecheniia o nachal'nom obrazovanii v g. Tomske (1882–1906) [The first Siberian Society for the care of primary education in Tomsk (1882–1906)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Tomsk, 2013. 26 p. (In Russ.).

5. Kytmanov A. I. Kratkaia letopis' Eniseiskogo uezda i Turukhanskogo kraia Eniseiskoi gubernii. 1594–1893 god. [A brief chronicle of the Yenisei Uyezd and Turukhansky Krai of the Yenisei province. 1594–1893]. Krasnoiarsk: SFU, 2016. 888 p. (In Russ.).

6. Plotnikov A. E. Kul'turno-prosvetitel'skie organizatsii v Sibiri (konets XIX – nachalo XX vv.) [Cultural and educational organizations in Siberia (late XIX – early XX centuries)] // Istoriiia kul'tury sovetskogo obshchestva: tezisy dokladov / Vsesoiuz. nauch. konf. «Nats. i sotsial.-kul't. protsessy v SSSR»; [redkol.: A. V. Remizov, V. G. Ryzhenko (otv. redaktory) i dr.]. Omsk: OmGU, 1990. P. 70–71. (In Russ.).

7. Popov D. I. Kul'turno-prosvetitel'nye obshchestva Sibiri v kontse XIX – nachale XX v. [Cultural and educational societies of Siberia in the late XIX – early XX century]. Omsk: OmGU, 2006. 512 p. (In Russ.).

8. Fedorova V. I. Shkola – uchitel' – obshchestvo: iz istorii narodnogo obrazovaniia Eniseiskoi gubernii XIX – nachala XX vv. [School – teacher – society: from the history of public education of the Yenisei province of the XIX – early XX centuries]. Krasnoiarsk: Krasnoiarskii gos. ped. un-t im. V. P. Astaf'eva, 2015. 241 p. (In Russ.).

УДК 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04

Иванов Андрей Александрович

доктор исторических наук, профессор
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

Ковалева Елизавета Олеговна

магистр истории, исследователь-лаборант
Санкт-Петербургский государственный университет
Санкт-Петербург, Россия
elizavetakowaliowa@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АРХИМАНДРИТА ВИТАЛИЯ (МАКСИМЕНКО) НА ВОЛЫНИ: ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЭКСТРЕМИЗМ ИЛИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СТИХИЙНОМУ РАДИКАЛИЗМУ?

Аннотация. В статье проводится анализ политической деятельности архимандрита Почаевской лавры Виталия (Максименко) на Волыни в дореволюционный период. Основываясь на обширном источниковом материале (в том числе впервые вводимом в научный оборот), авторы статьи предлагают ответ на вопрос: приводило ли активное участие представителей православной церкви в черносотенном движении Правобережной Украины к его радикализации или, напротив, способствовало тому, чтобы поставить его в определенные рамки? По мнению авторов, устоявшийся в историографии взгляд, согласно которому Почаевский отдел Союза русского народа радикализировал волынское крестьянство, нуждается в существенной корректировке. Несмотря на перегибы и ошибки, деятельность на Волыни архимандрита Виталия приносила больше пользы, чем вреда. Монархический союз, находившийся под контролем православного духовенства, не способствовал росту социального и национального радикализма, свойственного невежественным крестьянским массам Волыни, а, напротив, удерживал эти деструктивные настроения в законных рамках. Архимандрит Виталий предложил местному крестьянству легальный путь борьбы за его социальные и экономические интересы, отменявший стихийный радикализм, насилие и кровь и воспитывал его в духе христианской этики. Отсутствие в этот период на Волыни еврейских погромов, серьезных столкновений на этнорелигиозной почве и крупных аграрных беспорядков являются, на взгляд авторов статьи, наглядным свидетельством успешной религиозной, социальной, экономической и политической деятельности Виталия (Максименко) в регионе.

Ключевые слова: Виталий (Максименко), Антоний (Храповицкий), Почаевская лавра, Союз русского народа, Волынь, крестьянство, политический радикализм, национализм, антисемитизм.

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00071 «Между национальным и социальным

радикализмом: крестьянство Правобережной Украины в 1905–1922 гг.» (<https://rscf.ru/project/23-28-00071/>).

UDC 94(47).083

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.04

Ivanov Andrey A.

Doctor of Historical Sciences, Professor
St. Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
andrey.a.ivanov@spbu.ru; ORCID: 0000-0001-6438-5200

Kovaleva Elizaveta O.

Master of History, Laboratory Researcher
St. Petersburg State University
Saint Petersburg, Russia
elizavetakowaliowa@yandex.ru

ACTIVITIES OF ARCHIMANDRITE VITALY (MAKSIMENKO) IN VOLYNIA: POLITICAL EXTREMISM OR COUNTERACTION OF SPONTANEOUS RADICALISM?

Abstract. The paper analyzes the political activities of the archimandrite of the Pochaev lavolta Vitaly (Maksimenko) in Volynia in the pre-revolutionary period. Based on the abundant corpus of sources (including for the first time ever introduced into scientific discourse), the authors offer their answer to the question: whether active participation of representatives of the Orthodox Church in the Black Hundred movement in Right-Bank Ukraine resulted in its radicalization or on the contrary facilitated to keep it within bounds. In the authors' opinion, the view long-held in historiography that Pochaev department of the Union of Russian people radicalized Volynia peasantry is subject to significant correction. In spite of "excesses" and errors, the activity of archimandrite Vitaly in Volynia brought more good than harm. The monarchial union under control of Orthodox clergy did not promote a growth of social and national radicalism intrinsic to ignorant peasant masses in Volynia, but on the contrary kept those destructive moods within the pale of laws. Archimandrite Vitaly offered to local peasantry a legal path of struggle for their social and economic interests sweeping aside the spontaneous radicalism, violence and blood and instilling in Christian ethics. The fact that in those times in Volynia there were no anti-semitic outrages, serious ethnic and religious brawls and major agrarian disorders, in the authors' opinion, is a clear evidence of successful religious, social, economic and political activities of Vitaly (Maksimenko) in this region.

Keywords: Vitaly (Maksimenko), Anthony (Khrapovitsky), Pochaev Lavra, Union of the Russian People, Volhynia, peasantry, political radicalism, nationalism, anti-Semitism.

Acknowledgements: the study is supported by Russian Science Foundation, project № 23-28-00071 "Between National and Social Radicalism: the Peasantry of Right-Bank Ukraine in 1905–1922" (<https://rscf.ru/project/23-28-00071/>).

Введение. Почаевский отдел Союза русского народа (СРН), позже преобразованный в самостоятельный Почаевский СРН, являлся одной из самых многочисленных правомонархических (черносотенных) организаций Российской империи. Благодаря активным и решительным действиям местного православного духовенства, в первую очередь архиепископа Волынского и Житомирского Антония (Храповицкого) и архимандрита Почаевской лавры Виталия (Максименко), количество сельских подотделов Почаевского СРН перевалило за тысячу, общая численность «союзников» составляла более 100 тыс. чел¹, а деятельность отдела вышла за рамки Волыни, охватив также территорию Подольской, Киевской и Бессарабской губерний². Почаевский союз развернул весьма активную и широкую деятельность — издательскую, культурную, миссионерскую, социальную, экономическую, — став центром притяжения волынского крестьянства. По оценке волынского губернатора, Почаевский союз под руководством архимандрита Виталия распространял среди крестьянского населения Правобережной Украины «здоровые взгляды и понятия»³. Высоко оценивал вклад Почаевского СРН в дело борьбы с революцией и министр внутренних дел Н. А. Маклаков⁴.

Однако либеральная и революционная печать оценивала деятельность архимандрита Виталия и возглавляемого им СРН совершенно иначе. Появление сильного монархического союза, организовавшего местное аморфное крестьянство, вызывало у противников самодержавия естественное негодование. Либеральная пресса писала исключительно о негативных проявлениях в деятельности Почаевского СРН, акцентируя внимание на антисемитизме, религиозной нетерпимости, «фанатизме» и других проявлениях «человеконенавистничества». Кадетская «Речь» называла архимандрита Виталия и его соратников волками в овечьей шкуре, людьми, сделавшими «из Христа ширму и под смиренными одеждами» прячущими «красную рубаху палача», а «Почаевские известия» — «разбойничьей печатью»⁵. Цитируя полемически заостренные и, действительно, порой провокационные тексты почаевских листов, в которых говорилось о необходимости перевешать «безбожников-демократов», делался тенденциозный вывод, что почаевские монахи призывали «к погромам и убийствам»⁶. Точно так же оценивали деятельность Виталия (Максименко) и Почаевской лавры социалисты. В письме, полученном редакцией «Почаевского

¹ Омелянчук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев, 2000. С. 36–38.

² Суляк С. Г. За веру, царя, Отечество и землю крестьянам. (О деятельности отделов Союза русского народа в Хотинском уезде Бессарабской губернии) // Русин. 2018. Т. 54. № 4. С. 171–172.

³ Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев, 2007. С. 52.

⁴ Там же.

⁵ Под знаменем Христа // Речь. 1906. № 173. 24 сентября (7 октября). С. 2.

⁶ Там же.

листка» от местного отделения партии социалистов-революционеров звучали обвинения в «разжигании национальной ненависти», борьбе с «освободительным движением», а сами почаевцы назывались «бандой дармоедствующих монахов», «клерикальным сбродом», выпускающим «хулиганское издание»⁷.

Эти оценки были подхвачены советской историографией и часто приводились не только для характеристики черносотенства, но и для обличения православного духовенства, которое якобы занималось в Почаеве исключительно деструктивной деятельностью. Так, известный советский антирелигиозный деятель и автор серии работ по истории Русской церкви Б. П. Кандидов, отмечая, что организованный лаврой Почаевский СРН «был мощной реакционной организацией, создавшей разносторонние формы деятельности и охватившей своим влиянием весь юго-западный край» и дотянувшейся своей пропагандой до «отдаленнейших уголков царской России», утверждал, что «под флагом христианского участия к тяжелой доле трудящихся здесь была развита бешеная реакционная агитация, под флагом церкви широко разливался яд национальной розни и челоковеконенавистничества, развивалось погромное движение, и шла упорная борьба с аграрным движением»⁸. Кандидов обвинял архимандрита Виталия и почаевское духовенство в поддержке «черносотенного террора», в превращении лавры в «оплот империализма и шовинистических течений», в разжигании религиозной нетерпимости и сеянии национальной розни, в антисемитизме и организации еврейских погромов, контрреволюционности⁹. Но если с последним пунктом данного высказывания можно полностью согласиться: Почаевский СРН, вне всякого сомнения, ставил одной из своих важнейших целей борьбу с революцией и левым радикализмом, — то остальные обвинения, ставшие расхожими штампами, нуждаются в более подробном рассмотрении.

Антисемитизм. «Почаевская лавра еще задолго до организации Почаевского СРН в антисемитском хоре православной церкви играла первую скрипку, — писал Кандидов. — В лаврских изданиях 1905 г. велась ожесточенная травля евреев. Все еврейство было объявлено народом кровопийц и эксплуататоров, паразитирующих за счет коренного трудящегося населения. Вместе с тем лаврская печать систематически помещала заметки, утверждавшие, что еврейство является источником революционного движения. В жестокой волне погромов, протиравшейся в царской России в эти годы, конечно, лаврская печать играла немалую роль. <...> После организации Почаево-лаврского “Союза русского народа” антисемитская агитация лавры становится еще более разнузданной. “Почаевские известия” являлись, в сущности, ничем иным, как погромными прокламациями»¹⁰.

⁷ На суд православного народа // Прибавление к «Почаевскому листку». 1906. № 30. С. 343–344.

⁸ Кандидов Б. Крестом и нагайкой. Почаевская лавра и черносотенное движение. М., 1928. С. 3.

⁹ Там же. С. 9, 11–13, 24.

¹⁰ Там же. С. 24.

Эти хлесткие обвинения, брошенные советским публицистом, нуждаются в комментариях. Во-первых, вопрос об ответственности черносотенных партий и союзов за кровавую волну погромов 1905 г. далеко не так однозначен и подвергся в современной историографии существенному пересмотру¹¹. Во-вторых, церковные деятели, входившие в состав правомонархических союзов, в большинстве своем выступали с осуждением погромов, терактов и «зоологического» антисемитизма¹². Отмечая, что погромы были небеспричинными, вызванными тем, что евреи сами «вывели народ из терпения»¹³, издаваемый архимандритом Виталием «Почаевский листок» вместе с тем призывал волынских крестьян никогда в подобных беззакониях не участвовать: «...Храни нас Бог так дешево свое царство продавать: за то, чтобы сорвать злобу или обиду или просто спяну пошуметь»¹⁴. В почаевских изданиях проводилась мысль, что лучший способ борьбы с влиянием «сынов Израилевых» на Волыни — это объединение крестьян в СРН, дружная жизнь и взаимопомощь, так как если простой русский народ объединится и каждый будет крепко стоять друг за друга, то евреи сами уйдут, ибо им нечего будет искать там, где существует сплоченная православная община¹⁵.

При этом антисемитизм действительно присутствовал в риторике и лично архимандрита Виталия, и выпускаемых им изданий — «Почаевского листка» и «Почаевских известий». Допускавшиеся на страницах почаевских изданий высказывания по еврейскому вопросу часто были весьма резкими и по сегодняшним меркам недопустимыми. Особенно эта линия проявлялась в период нахождения в Почаеве иеромонаха Илиодора, широко известного своими несдержанными и провокационными речами¹⁶. Архимандрит Виталий был значительно уравновешеннее, но и он допускал непарламентские высказывания. Евреи, как правило, представлялись на страницах почаевских изданий эксплуататорами, держащими в своих руках местную торговлю, спаивающими простой народ, соблазняющими малограмотных крестьян антигосударственными и антирелигиозными идеями. Отмечалось, что, несмотря на ограничения, евреи живут намного лучше простого, забитого крестьянского люда, но при этом мечтают стать полными хозяевами в стране, «быть президентами

¹¹ См.: *Иванов А. А.* Черносотенная контрреволюция: политическое насилие, погромы, террор и ответственность за них русских монархических партий // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 115–141; *Омельяничук И. В.* Еврейский вопрос в идеологии и политической практике русских монархистов начала XX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 232–261.

¹² Слово о Иоанна Кронштадтского. Мысли мои по поводу насилий христиан с евреями в г. Кишиневе. С прибавлением слова епископа Антония о кишиневских событиях. Одесса, 1903.

¹³ «Они начали выжимать из народа все соки, а народ отвечал на это ненавистью и погромами», — отмечалось в одном из почаевских изданий (Евреи в России // Прибавление в «Почаевском листку». 1906. № 32. С. 357–358. С. 357).

¹⁴ Еврейский поход // Прибавление к «Почаевскому листку». 1906. № 26. С. 202.

¹⁵ Доброжелатели народа русского // Прибавление к «Почаевскому листку». 1909. № 17. С. 125–128.

¹⁶ См.: *Седова Я. А.* Илиодор. Мистический друг Распутина. М., 2022. Т. 1. С. 87–128.

и министрами»¹⁷. С «жидами» рекомендовалось не иметь никакого дела, избегать с ними общения, не верить их посулам, не выбирать их ни в какие учреждения.

Архимандрит Виталий выступал за борьбу с местным еврейством, игравшим на Правобережной Украине заметную роль, в особенности в розничной торговле, был решительным противником еврейского равноправия, но подчеркивал, что борьба эта должна была вестись исключительно законными и мирными средствами: бойкотом, созданием собственных лавок и потребительских обществ, организацией собственного банка¹⁸ и т. д. Никакой пропаганды погромов в почаевских изданиях не было. Как, впрочем, не было и никаких еврейских погромов, пока ситуацию в этом беспокойном в этнорелигиозном отношении крае контролировало православное духовенство. Отмечали это и сами крестьяне Волынской губернии. Так, после обвинений властями о. Илиодора в том, что он ведет агитацию против помещиков и евреев, и последовавших проверок почаевских изданий жители села Крапивны составили прошение на имя архиепископа Антония, в котором отмечали, что, читая листки, они «научились не разбою и бунтам, а жить в согласии между собою и крепко стоять за народ — русский, за веру — православную и за царя самодержавного»¹⁹.

Как вспоминал хорошо знавший Волынь В. В. Шульгин, архимандрит Виталий «не перешел роковой грани и не позволил массам, за ним следовавшим, из защитников святого дела перейти в черный стан агрессоров»²⁰. Правый политик отмечал, что о. Виталий умел «направить волынских крестьян и в еврейском вопросе»: «Он призывал к борьбе с еврейством и не мог не призывать, так как революцию 1905 года вело еврейство “объединенным фронтом” — без различия классов и партий. Но, помня и свой пастырский долг и все остальное, что надо помнить, архимандрит Виталий призывал к противодействию еврейству путем экономической борьбы, а также национальной организованности. Характерен для него был лозунг, который оглушительно повторяли толпы народа, шедшие за ним. Этот лозунг был не “бей жидов”, а — “Русь идет!”. Ни одного еврейского погрома, несмотря на все его горячие речи, призывавшие к борьбе с революцией, навести у архимандрита Виталия не было, как не было и ни одной помещицней “иллюминации”, как вообще не было ни одного насилия»²¹. «Насколько я знаю, — добавлял Шульгин, — на Волыни об еврейских погромах слышно не было. Быть может, были отдельные хулиганские выступления, вырвавшиеся из-под умиряющей руки архимандрита Виталия»²².

¹⁷ Воззвание Волынского крестьянского братства // Прибавление к «Почаевскому листку». 1906. № 33. С. 364.

¹⁸ См.: Ковалева Е. О. Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка // Русин. 2022. № 67. С. 206–225.

¹⁹ Призыв членов Союза Русского Народа и всех иных монархических организаций к защите иеромонаха Отца Илиодора // Русское знамя. 1907. № 81. С. 8.

²⁰ Шульгин В. В. Годы. Дни. 1920. М., 1990. С. 100.

²¹ Там же. С. 507.

²² Там же. С. 100.

Представляется, что антисемитская риторика на страницах почаевских изданий вовсе не была целенаправленной кампанией архимандрита Виталия по разжиганию «погромных чувств», а лишь отражала имевшиеся на Волыни настроения. Антисемитизм был присущ волынскому крестьянству и без воздействия на него церковных листков. В любой момент накопившиеся этнорелигиозные и экономические противоречия между православным населением и иудеями могли вылиться в кровавые эксцессы (что также отмечалось на страницах «Почаевского листка»), однако проповеди Антония (Храповицкого), Виталия (Максименко) и других волынских пастырей удерживали крестьян от самосудов и насилия.

Если либеральная и социалистическая пресса, не считая претензий волынского крестьянства к местной еврейской общине, заслуживавших внимания, агитировала за равноправие, то правое духовенство Волыни опасалось, что замалчивание проблем, а тем более введение равноправия без урегулирования имевшихся противоречий, может привести к мощному социальному взрыву. Таким образом, соглашаясь с претензиями, которые крестьяне выдвигали по адресу волынского еврейства, архимандрит Виталий предостерегал их от греховных методов противостояния и указывал на легальные способы борьбы. Он так разъяснял свою позицию, обращаясь к пастве: «...Я считал, что должно писать вам правду и только правду. Мне говорили: не пиши всё мужикам, они глупы, как дети, довольно для них будет сладенькой водицы, какие-нибудь новости, поучения, стихи. А я этого не мог сделать, я считаю, что серый мужик и барина мудрее, все понимает еще лучше его; если всей правды мужику хоть раз не скажешь, сейчас же догадается и, уж, извини, верить тебе больше не будет. И я дорожил этим доверием и писал правду, хотя она и не сладка кой для кого была»²³. И этим подходом к волынским крестьянам он добился нужного результата: ему верили, видели, что он понимает проблему, внимали его советам. Таким образом, на наш взгляд, правильнее говорить о том, что архимандрит Виталий не разжигал антисемитизм и уж тем более «погромные настроения», а направлял их в приемлемое русло.

Польский вопрос. Много писалось на страницах почаевских изданий и о польском вопросе, не менее актуальном и болезненном для Волыни, чем еврейский. При этом акцент делался не столько на национальном факторе, сколько на религиозном. Отражая на протяжении веков экспансию католической церкви, Почаевская лавра, являвшаяся главным оплотом православия в регионе, вела активную пропаганду против «латинства». Волынским крестьянам разъяснялись отличия православного и католического вероучений, рассказывалось об искажениях, внесенных в христианство римскими папами. Кроме того, разоблачалась католическая пропаганда, велась борьба

²³ *Виталий, архим.* Православному народу // Прибавление к «Почаевскому листку». 1909. № 37. С. 1.

против перехода из православия в унию и католицизм. Православных призывали не верить ксендзам, не ходить в костелы, не вступать в браки с католиками. При этом в отношении к полякам как к национальности, как правило, радикальных высказываний не допускалось. Напротив, подчеркивалось родство между русским и польским народами, вражда же между ними объяснялась «дьявольскими кознями» и деятельностью католического Рима. «В старину, с незапамятных времен, теперешние наши недоброжелатели — поляки, или иначе поляне, составляли с нами, русскими, одно славянское племя, был у нас с ними один общий славянский язык, были у нас одни нравы и обычаи. Мало того, еще раньше, чем мы, русские, приняли от православных греков свою православную Христову веру во времена Киевского князя св. Владимира, от тех же православных греков, именно через святых Кирилла и Мефодия, приняли святую православную веру и единокровные нам поляки, так что в былое время у нас с поляками было и общее славянское богослужение. Словом, жили мы с ними одною жизнью и одною верою и никаких раздоров, подобно настоящим, тогда между нами не было», — отмечалось в одной из статей «Почаевского листка»²⁴. Далее говорилось, что «жили бы мы с ними в братском единении и любви до сих пор», если бы не принятая поляками искаженная римскими папами вера, ибо как только поляки сделались «римскими папистами», начался их непрекращающийся конфликт с православными.

Поскольку большинство волынских помещиков были поляками, они воспринимали антикатолическую риторику почаевских изданий как сеющую социальную вражду и настраивающую православных крестьян против панов-католиков. То, что почаевские монахи во главе с архимандритом Виталием оказались на стороне «хлопов», расценивалось ими чуть ли не как непотворство революционным настроениям. Почаевские издания, действительно, нападали на польских помещиков, обвиняли их в нещадной эксплуатации православного крестьянства и презрении к нему, писали, что члены СРН не «панские подлизники», и призывали крестьян бороться с польским владычеством, отмечая при этом, что борьба должна вестись незапрещенными законами способами. Хотя приводившиеся исторические примеры такой борьбы должны были вызывать у землевладельцев-поляков серьезные опасения. Как отмечалось в одной из статей «Почаевского листка», СРН — «не панское... дело и не выдумка, а старое мужицкое испробованное средство. Этот Союз впервые на Волыни наши прадеды казаки завели. Паны тогда выдумали свою конституцию и тою конституцию думали навеки загубить народ, лишили его права, продавали хлопов, как скот, меняли на собак. Вот тогда-то наши деды против панской конституции и завели свой русский мужицкий союз и тем союзом сбросили конституцию со своих плечей»²⁵.

²⁴ Откуда происходит недоброжелательство поляков к русским // Почаевский листок. 1909. № 16. С. 2.

²⁵ О клевете и насмешках над Союзом // Почаевский листок. 1909. № 70. С. 2.

Аграрный вопрос. Одной из своих задач архимандрит Виталий видел удержание волынского крестьянства от выступлений против помещиков, включая польских. Советский историк не зря ставил ему в вину «упорную борьбу с аграрным движением»²⁶. «Почаевский листок» регулярно писал о крестьянской нужде в земле и необходимости разрешения аграрного вопроса, но всегда подчеркивал, что решение его возможно исключительно законными способами. Выступая против «злобы, беззакония, междоусобия», редактируемое архимандритом Виталием издание писало: «Не наше дело решать спор о земле, но наш долг напомнить о законе Божиим, без которого не смогут решить спора все мудрецы мира. Говорят: “земля Божия”, но будем помнить, что и закон также Его, что закон этот свят, и нарушить его никому безнаказанно нельзя»²⁷. Напоминая, что заповедь запрещает желать чужого, «Почаевский листок» наставлял волынского мужика: «Ты знаешь и соглашаешься с тем, что воры, грабители и прелюбодеи — люди негодные и погибшие, помышляй же и о том, что также неуютны Богу насильно отнимающие или с обидой отбирающие землю у ближних. Тебе говорят: “Земля Божия”. Ну, а дом, или скот, или родные — что же, наши? Все это и мы сами опять-таки не Божии?»²⁸. Почаевское издание доходчиво разъясняло мужикам: если враги царя завладеют Россией, то волыньские крестьяне не получают никакой земли. Предав за посулы получить землю православного царя, народ уподобится Иуде, и конец его будет таким же: «...Знайте же, Иуда хотя бы подержал в руках свои сребреники, а вы не увидели бы земли как своих ушей. Когда враги с вашею помощью и завладели бы Россией и сбросили бы царя, то они не только не дали бы вам захваченной земли, а отняли бы у вас и ту, которую имеете...»²⁹.

В связи с этим В. В. Шульгин вспоминал: «...Архимандриту Виталию удалось сделать большое дело... Быть может, ему единственному удалось тогда перебросить мост между высшим, культурным классом, то есть “помещиками”, и черным народом, “хлеборобами”... В его лице духовенство стало между землевладельцами и крестьянами. Оно подало правую руку одним, левую — другим и повело за собой обоих, объединяя их, как “русских и православных”... При этом архимандрит Виталий умел держаться на границе демагогии. Он утверждал, что крестьяне получают землю, но не грабежом, не революцией, не всякими безобразиями, а только волей государя и “по справедливости”, т. е. чтобы “никого не обижать”»³⁰.

Виталий (Максименко) вспоминал, что в СРН местное крестьянство записывало «поголовно всех до младенцев», так как было убеждено, что кто не будет записан, «тот не получит земли»³¹. Газета «Волынская неделя» не без иронии

²⁶ Кандидов Б. Указ. соч. С. 3.

²⁷ Земля и правда // Почаевский листок. 1906. № 18. С. 2.

²⁸ Там же. С. 3–4.

²⁹ О клевете и насмешках над Союзом. С. 2.

³⁰ Шульгин В. В. Указ. соч. С. 507.

³¹ Виталий (Максименко). Мотивы моей жизни. Jordanville; New York, 1955. С. 180.

отмечала, что с появлением о. Илиодора и о. Виталия раздался клич к православному населению с приглашением присоединения к СРН и обещаниями «рая на земле»: «земля для полевых работ, выделка шпилек, булавок, иголок в зимнее время — все к услугам мужика за “союзнический” полтинник»³².

Очевидно, что острота аграрного вопроса была для крестьян важнее политических предпочтений. Волынский губернатор отмечал, что, несмотря на крайне не правые взгляды и искренний монархизм, волынские крестьяне в любой момент «могут примкнуть в этом вопросе к оппозиции»³³. Когда же разочарованные крестьяне спрашивали, почему СРН до сих пор не добыл для них землю, «Почаевский листок» им назидательно отвечал: «А кто ж такой Союз? Это вы сами — народ. Отчего не стараетесь, а на других сворачиваете? Вот, какой у вас кислый Союз, какое старание, такой и успех. Не Союз не дал вам земли, а поганые нестарательные союзники»³⁴. Помочь же в получении земли крестьянам Почаевский СРН собирался следующим способом: «...Нельзя насильно у одних отнять, а другим отдать. Такой путь и Бог проклял, сказав в десятой заповеди: не пожелай поля ближнего своего. Против такого грабежа и царь, ибо он объявил: “всякая собственность неприкосновенна”. <...> ...Этим проклятым путем можно только добиться разорения родины и гибели русского народа. Союз думает помочь земельной тесноте мирным и законным путем, как и указал царь. <...> Поэтому нужно по царскому зову объединиться вокруг царского престола, укрепить его самодержавие, чтобы все слушались царя и исполняли его волю. Если бы все слушались царя, давно бы он уже свое желание исполнил и запомог народу, давая деньги на покупку земли или покупая в казну землю и раздавая нуждающимся»³⁵.

Давая крестьянам надежду на разрешение земельного вопроса через посредничество законной власти, архимандрит Виталий не забывал напоминать последней о ее обязательствах перед народом. На страницах своих изданий он критиковал чиновников за неисполнение ими законов³⁶, неоднократно критически высказывался об аграрной политике П. А. Столыпина³⁷, а в 1906 г. направил министру внутренних дел телеграмму, в которой пугал возможными народными выступлениями, если правительство и далее будет расширять льготы для евреев: «Дайте распоряжение не о расширении прав евреев, а о том, чтобы они убралась из сел и деревень в черту оседлости... Народ терпит. Он верит, что живет еще не в еврейском, а в своем Православном Царстве, что на Родине верные царские слуги не дадут его в обиду пришельцам. Но, ведь, этому терпению есть конец, и оно может перейти в отчаяние»³⁸.

³² Пимен. Отец Виталий в Москве // Волынская неделя. 1911. № 4. С. 4–5.

³³ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1327. Оп. 2. Д. 195. Л. 65.

³⁴ О клевете и насмешках над Союзом. С. 2.

³⁵ Там же.

³⁶ Нарушение законов // Волынская земля. 1913. № 84. С. 3.

³⁷ В Сибирь на вольные земли // Почаевские известия. 1909. № 743. С. 2.

³⁸ Вошь почаевцев // Вече. 1906. № 76. С. 3–4.

Столыпин неоднократно направлял обер-прокурору Св. синода П. П. Извольскому жалобы на о. Виталия, отмечая, что в его публикациях содержатся выражения, «возбуждающие в читателях враждебное отношение к правительству»³⁹, «призывы к насилию», которые могут «отразиться на отношениях крестьян к землевладельцам во время предстоящих весенних полевых работ»⁴⁰. Он также указывал, что инок, возбуждая население своей агитацией, препятствует мероприятиям по умиротворению Юго-Западного края⁴¹. Следовательно, взгляд властей, проводивших куда более умеренную политику, нежели того желал СРН, видел в охранительной деятельности архимандрита Виталия и «революционные» черты.

Воспитание и организация народных масс. Необходимо также отметить, что, возглавляя народное монархическое движение, духовенство ставило целью поставить его под свой контроль, чтобы влиять на волынских крестьян в церковном духе. Когда отделы СРН стали возникать на Волыни, архиепископ Антоний (Храповицкий) не стал пускать этот процесс на самотек, а решил сам возглавить его. Владыка в феврале 1908 г. призвал волынское духовенство становиться во главе местных отделов СРН, чтобы укрепить их связь с Церковью и оказывать на них нравственное воздействие. «Надо самим приходским пастырям взять в руки пробудившуюся народную жизнь, пока ее не забрали другие, — отмечал владыка. — <...> Небольшая была беда, что пока священник был ненавистен людям порочным и безбожным, коим была ненавистна и Церковь, и вера православная, и добродетель. Но плохо будет, если он ненавистным окажется ревнителям веры и благочестия, патриотам и защитникам самодержавия и Церкви. Стоит только раз разрознить в уме народном Церковь и духовное сословие, как скрепить их вновь окажется надолго невозможным. <...> Спешите, отцы, возглавить собою движение народное, чтобы не быть отброшенным от него, и чтобы без вас самого народа хитрые враги не отбросили от Церкви»⁴². Об этом же писал и о. Виталий, считавший, что духовенство пропустило первый этап становления СРН, в результате чего «народным движением воспользовались и во главе Союза стали часто люди сомнительной нравственности, иногда даже и явные противники Церкви и духовенства», чем принесли много зла «не только лично своим пастырям, но и Русскому союзу». В рапорте на имя правящего архиерея он предлагал неотложно устранить сомнительных людей из руководящих органов СРН, внушать священникам «на будущее время относиться внимательнее к народным движениям» и вменить пастырям в обязанность «стать каждому в своем приходе во главе союзного дела»⁴³.

³⁹ РГИА. Ф. 797. Оп. 78. Отд. III. Стол 5. Д. 98. Л. 5.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. Л. 6.

⁴² Антоний (Храповицкий). Вниманию настоятелей приходов Волынской епархии // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 8. С. 156.

⁴³ Рапорт архимандрита Виталия на имя его высокопреосвященства // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 41. С. 473–474.

В почаяевских изданиях рефреном повторялось, что вступать в ряды СРН необходимо для того, чтобы у простого народа была сплоченная и сильная организация, через которую он мог бы решить многие свои проблемы и отстаивать права. Указывалось, что надо брать пример с более сильных соседей — евреев, имеющих кагал, и поляков, у которых есть коло. «Жида отговаривают от Союза потому, что они умный народ: они хотят, чтобы мужики по-прежнему были рассыпаны и бессильны, и их можно было бы обирать. Панам-полякам тоже страшен Союз, что нельзя будет хлопа на привязи удержать», — просвещал крестьян «Почаяевский листок»⁴⁴. «...Соединиться нам нужно, в этом спасение для бедного народа, в этом — его сила», — говорилось в одной из статей. «...Пойдем за революционерами, демократами и евреями, попадемся им в плен. Пойдем за царем — добудем себе счастье и укрепим Россию. <...> Так вся Волынь встала бы за одно: за веру православную, самодержавного царя и русский народ»⁴⁵. Если один мужик бесправен, и его никто слушать не будет, наставлял «Почаяевский листок», то «союзом» можно прийти и к губернатору, и к архиерею, и к министру, и даже к царю⁴⁶.

Взявшись за руководство Почаяевским отделом СРН, архимандрит Виталий не только превратил его в заметную политическую организацию, но и немало сделал для того, чтобы эта народная сила не вышла за очерченные законом рамки. Он сумел повести за собой народные массы, показывая им пути решения наболевших вопросов: создал крестьянский банк, наладил работу потребительских лавок, содействовал открытию библиотек, мастерских, пожарных дружин; способствовал переселению на свободные земли в азиатскую часть страны, организовал юридическую помощь, публиковал советы по ведению хозяйства, боролся с народным пьянством. Волынскому крестьянству указывалось, что помимо таких противников, как евреи, поляки и немецкие колонисты, не меньшими его врагами являются всевозможные пороки — разврат, пьянство, хулиганство, жестокость, нецензурная брань и прочие «грехи деревни»⁴⁷. Почаяевские издания содержали призывы против злобы, зависти, напоминали о необходимой для христиан любви к ближним, взаимопомощи, соблюдении заповедей, исполнению долга. Архимандрит Виталий также способствовал формированию национального чувства и патриотизма, прививал гражданское и политическое сознание, просвещал крестьян, знакомя их со страницами русской истории и родного края, приобщал к азам культуры, следил за нравственным обликом «союзников», стараясь воспитывать их в духе православия. Как отмечал благочинный, «поднятие религиозно-патриотического духа

⁴⁴ О клевете и насмешках над Союзом. С. 2.

⁴⁵ Как можно по селам открывать Союзы русского народа // Прибавление к «Почаяевскому листку». 1906. № 34. С. 375–376.

⁴⁶ Нужен ли теперь Союз, и какая в нем сила? // Прибавление к «Почаяевскому листку». 1909. № 823. С. 2.

⁴⁷ А. III. О чем нужно позаботиться Союзу русского народа. (Письмо в редакцию «Почаяевского листка») // Прибавление к «Почаяевскому листку». 1906. № 51. С. 505–508.

в крестьянах всецело принадлежит отеческой заботливости и неусыпным трудам почаевского инока-патриота о. архимандрита Виталия. Его “Почаевские листки” и “Известия” можно встретить почти во всяком крестьянском доме и ими зачитываются сельские грамотеи. Часто устраиваемые собрания Союза русского народа, торжественные путешествия с союзными знаменами и портретом государя императора приводят поселян в восторг, ободряют и укрепляют их твердо стоять за самодержавного царя и веру православную»⁴⁸.

Неизвестный волынский священник, возглавивший местный отдел СРН, организованный его приходом, чтобы не «отстать от своего стада, дабы оно иногда и не заблудилось», признавал: «По иерейской совести скажу теперь, что на деле много помогает нам пастырям этот союз в борьбе со злом, особенно с пьянством и воровством, да и наши еврейчики теперь много переменились к лучшему и стали повежливее»⁴⁹. Другой пастырь — священник одного из волынских сел Иоанн Черняшевский — сообщал архиепископу Антонию, что, хотя он и не является полным сторонником СРН, но все-таки признает, что открытие в селе подотдела союза принесло пользу. «Не будучи согласен с программой СРН во всех пунктах, я, тем не менее, цель союза нахожу весьма высокой и признаю громадное влияние его на народ. За сравнительно короткое время существования союза в моем приходе, благодаря дружной, сплоченной работе союзников, произошло много перемен в нравственном отношении прихожан к лучшему. Так, в воскресенье и праздничные дни церковь всегда полна народа, а по окончании божественной литургии, народ собирается не в еврейской корчме, как это было раньше, где не было слышно полезных и душеспасительных разговоров, а только сплетни и ругательства, а собираются в школе, где читаются получаемые “Почаевские известия”, “Свет” и другие хорошие газеты, где ведутся прекрасные беседы, без шума и крика, о том, как улучшить нравственный и материальный быт нашего простого люда»⁵⁰.

Священник также отмечал, что наличие подотдела СРН позволило ему войти в более тесное общение с прихожанами, появилась возможность для дискуссий и бесед, а не только назидательных проповедей. «Союзники» также положили конец тайной продаже водки в селе, открыли собственную продовольственную лавку, чтобы не переплачивать евреям. Отмечая, что из 120 домохозяйств 95 человек записались в ряды СРН, о. Иоанн с радостью отмечал: «И не слышно у нас теперь по селу разгульных песен, драк, не раздаются повизгивания девушек, а всюду тишь и благодать. <...> С открытием же союза прихожане обращают большее внимание на нравственную сторону своей жизни, чем на материальную»⁵¹. «...Благотворное влияние СРН на нравственный

⁴⁸ Выписка из отчета благочинного Кременецкого городского округа о состоянии его округа за 1907 год // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 45. С. 706.

⁴⁹ С. Л. Открытое письмо сельского священника Волынским депутатам Третьей Государственной думы (окончание) // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 5. С. 108–109.

⁵⁰ Значение СРН для деревни // Прибавление к «Почаевскому листку». 1908. № 9. С. 69.

⁵¹ Там же. С. 70–71.

и материальный быт нашего крестьянского люда не подлежит никакому сомнению, — заключал пастырь. — Если в программе союза и есть что-нибудь пересоленное, то все-таки цель деятельности его должна быть признана высоко нравственной и весьма полезной, что доказано опытом»⁵².

Волынское духовенство, признавал Кандидов, играло в черносотенном движении «виднейшую роль», отмечая, что «300 попов на одной лишь Волыни являются председателями, секретарями и виднейшими работниками отделов “Союза русского народа”»⁵³. Однако окормление священниками «союзников» было делом далеко не всегда простым и бесконфликтным. Несмотря на то что Почаевская лавра считалась центром черносотенства, на Волыни регулярно происходили трения между «союзниками»-крестьянами и их пастырями. Как отмечалось в 1908 г. на съезде волынского епархиального духовенства, несмотря на монархический настрой местного священства, в ряде случаев наблюдались «неудовольствия между пастырями и их пасомыми», выразившиеся в том, что при назначении председателей подотделов Почаевский отдел СРН «не считал нужным справиться у приходских священников о нравственных качествах избранных председателей». В результате «в председатели многих подотделов попали лица с темным прошлым, которые, пользуясь своим официальным положением, как председатели союзов, распространяли идеи не единения, а раздора, о чем свидетельствуют возбужденные союзниками во многих приходах против духовенства неудовольствия...»⁵⁴.

Об этой же проблеме писал и один из благочинных Волынской епархии. Начав с того, что «Союз русского народа принципиально равносильен союзу православно-русского народа со своим духовенством, вековым историческим союзником, за которым числится немало и государственных заслуг», священник с тревогой сообщал: «Не успел у нас союз окрепнуть, как начались смуты в народе против духовенства: народ понемногу начинает обособляться в самостоятельную, самоуправляющуюся величину, именуемую “союзом”, ищет нарезки земли, проектирует грандиозные забастовки на работах у помещиков» и «подъем духа порабощается подъемом вождельней плоти»⁵⁵. На страницах «Почаевского листка» регулярно публиковались сообщения об исключении из СРН его членов — «паршивых овец», — которые опорочили себя различными проступками.

Таким образом, через личные беседы и проповеди, через издаваемые им листки и специально созданные курсы для членов СРН, о. Виталий стремился воспитать местных активистов не только в духе преданности самодержавию, православию и русской народности, но и в строгом соблюдении законности

⁵² Значение СРН для деревни. С. 73.

⁵³ Кандидов Б. Указ. соч. С. 20.

⁵⁴ Журналы Волынского епархиального Съезда духовенства сессии 1908 г. // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 34. С. 538–539.

⁵⁵ Выписка из благочиннических отчетов за 1907 год // Волынские епархиальные ведомости. 1908. № 42. С. 661.

и нравственных правил. Обличая насилие и погромы, устраиваемые левыми, проповедник указывал на недопустимость таких же действий для правых. На страницах «Почаевского листка» регулярно звучали призывы к волыньским крестьянам «одуматься и образумиться», «отстать от пьяного безумия и смут», прекратить грабежи и насилие, вразумлять друг друга, стремиться к «порядку, миру и тишине и в своих обществах, и в целой стране» и не уподобляться «безбожникам и разбойникам»⁵⁶. «Единением и согласием сильна всякая отдельная семья, всякое отдельное общество; единением и согласием крепла вся русская земля, устроился порядок в стране, а не разбоями и грабежами. В любви и мире будем и дальше жить все мы для общего блага и преуспевания. <...> В любви и дружбе, в преданности царю — вся наша мощь и сила, прочный залог нашего счастья и благоденствия. Только на взаимном доверии и мире возрастет и окрепнет на святой Руси свобода и счастье народа, только жизнь по воле и закону Божию принесет полное довольство нашему православному русскому народу», — отмечалось в одном из статей «Почаевского листка»⁵⁷.

Важно также учитывать и то, с кем приходилось работать архимандриту Виталию. Подавляющее большинство его паствы было представлено забитым, малограмотным крестьянством, имевшим самые смутные представления о политике, государстве, патриотизме и легко становившимся добычей всевозможных агитаторов. Побывавший на Волыни публицист С. А. Енохин отмечал: «Крестьянское население по своему внешнему облику резко отличается от нашего херсонца. Большинство, как мужчин, так и женщин малорослы, бледны, бескровны и худосочны. У них мелкие черты лица и маловыразительные лица. Большинство имеет смиренный, забитый, малокультурный вид. Курные хаты, лапти, женщины, не носящие другого костюма, кроме полотняной рубахи, не расчесывающие никогда волос, которые падают на плечи безобразными космами, все это производит впечатление дикости и абсолютности невежества. Последствия ли это гуманного жидовско-польского режима, или болотная, лесная, недоступная для сношений с внешним миром природа способствовала этому явлению, не знаю, но факт налицо»⁵⁸.

В одной из передовых статей (видимо, написанных о Виталием), посвященной получению Почаевским СРН царской милости — портрета, отмечалось: «В самый разгар лжеосвободительного движения православно-русская Волынь, объединившись в союз, грудью встала на защиту вековых устоев России, и можно смело сказать, что только благодаря союзу, инородцам и евреям, которыми кишмя кишит волыньский край, не удалось здесь раздуть пламя революции, охватившее в то время большую часть России. <...> Но самая главная заслуга Союза русского народа — это та, что он, отстаивая Россию

⁵⁶ О прекращении забастовок // Почаевский листок. 1906. № 4. С. 2–3.

⁵⁷ Там же. С. 3–4.

⁵⁸ Енохин С. Русское крестьянство на Волыни // Прибавление к «Почаевскому листку». 1909. № 33. С. 2.

и русские идеалы от бешеного натиска врагов, всегда прибегал к исключительно *мирным и вполне законным средствам борьбы* и тем свято исполнил волю монарха»⁵⁹. Что же касается нападок, говорилось в другой статье, то главная их причина в том, что Почаевский союз крепко взялся за народную массу, вырывая ее из рук эксплуататоров и революционеров. «...[Мы] идем на помощь прежде всего родному угнетенному народу. А если это угнетателям его не нравится, и они, впившись когтями в горб народный, ворчат и огрызаются, когда их кто-либо попытается согнать, то этим мы не должны смущаться. Обижать мы никого не желаем, но смотреть на обиду и утеснения родного народа равнодушно не можем, — пусть нас за то обзывают хотя черносотенцами, хотя человеконенавистниками»⁶⁰.

Отвечая на многочисленные обвинения в свой адрес, звучавшие из враждебного политического лагеря, архимандрит Виталий писал: «Пусть говорят, что мы разжигаем в народе вместо любви вражду и злобу. Мы перед лицом Господа нашего свидетельствуем, что вся вина наша здесь заключается лишь в том, что решили мы стать за поработенный родной народ, решили попытаться освободить его от неволи, сбросить с его шеи ярмо поработителей, и полагаем должным прежде всего возлюбить этот хотя и поработенный, но родной нам народ. За это нас считают проповедниками вражды, человеконенавистниками. Так пусть же тогда первым таким человеконенавистником назовут Нашего Кротчайшего Учителя, ибо это Он показал такой порядок восхождения по ступеням любви. Это Он приказал Своим ученикам на путь к язычникам не ходить и во грады самарянские с проповедью о спасении не входить, а *идти прежде к погибшим овцам Дома Израилева* (Мф. 10: 5-6). Это Он сказал иноплеменнице: *не добро отнимать хлеб от чад и повергать псам* (Мф. 15:26). Пусть тогда открыто произносят хулу на Духа Святого, ибо это он устами св. апостола Павла свидетельствует: *а кто о своих не печется, тот веры отрекся и неверного горший есть* (1 Тим 5:8)»⁶¹. Признавая, что простонародье края далеко от нравственного совершенства, Виталий (Максименко) отмечал: «Израненный, ободранный лежит повергнут при дороге этот новый “в разбойники впадший”; гноятся раны его, покрыто тело смрадными струпьями. Что же, ужели нам, посмотревши на него, пройти мимо, как прошли ветхозаветные священник и левит, боясь запачкать священные ризы свои в гной и кровь?». И отвечал на этот риторический вопрос: «Это наше прямое дело — прийти на помощь родному народу, впадшему в разбойники»⁶².

«Архимандрит Виталий, — вспоминал Шульгин, — вопреки всему тому, что о нем писали некоторые газеты, был человек, достойный всяческого уважения. Это был “народник” в истинном значении этого слова. Аскет-бессребреник,

⁵⁹ Царский дар волынскому Союзу русского народа // Прибавление к «Почаевскому листку». 1909. № 41. С. 3.

⁶⁰ О клевете и насмешках над Союзом // Почаевский листок. 1909. № 70. С. 1.

⁶¹ *Виталий, архим.* Воззвание съезда союзных старост Волыни к пастырям Церкви Христовой // Почаевский листок. 1909. № 55. С. 2.

⁶² Там же.

неутомимый работник, он день и ночь проводил с простым народом, с волынскими землеробами, и, действительно, любил его, народ, таким, каков он есть... И пользовался он истинной “взаимностью”. Волынские мужики слушали его беспрекословно — верили ему... Верили, во-первых, что он — “за них”, а во-вторых, что он учит хорошему, божескому. <...> Разумеется, [противники] его не поняли, разумеется, его оклеветали, но кого не изругивали в те дни!»⁶³.

О том же, полемизируя с философом Н. А. Бердяевым, считавшим, что СРН — «весь злоба, весь ненависть, дела его страшны и соблазнительны, он поддерживает братоубийственную рознь в русском народе и обществе, всего более препятствует религиозному возрождению нашей родины»⁶⁴, писал и Антоний (Храповицкий). «Выходит, что такая характеристика союза общепринятая, что мы погрешаем не тем, что не можем раскусить преступного и противохристианского значения союза, но участвуем в этом отвратительном деле сознательно. <...> Что же это за союз? Читающее общество, и печать, и вы, многоуважаемый Николай Александрович, ничего об этом не знаете, хотя, простите, изощряетесь в грозных прещениях. Я вам отвечаю. Это есть первое и единственное пока во всей России чисто народное, мужицкое, демократическое учреждение. <...> Почаевский союз — это собственно архимандрит Виталий. <...> Еще в 1905 году я настойчиво приглашал его в ректоры нашей семинарии, на генеральское положение, но он отказался; а теперь он был бы архиереем, если б изъявил согласие оставить свой Почаев и свой союз. Что же его привлекает к этому учреждению “злости и ненависти”? Честолюбие? Корыстолюбие? Как видим, нет. А что тянуло к этому союзу о. Иоанна Кронштадтского? — Вот вы упоминаете о пр. Серафиме Саровском, и П. Б. Струве упоминал о св. Филиппе и Ниле Сорском. Скажите откровенно: сомневаетесь ли вы в том, что все бы они оказались на стороне Русского союза, если б жили в наше время? Ведь все же они имели воззрения монархические, конфессиональные, все ревниво оберегали народ от иноверцев и иностранцев. А патриарх Ермоген? А Авраамий Палицын, Дионисий? Да и самое название черносотенцев откуда взято, как не от защитников Сергиевой лавры, прозванных так поляками в 1612 году?»⁶⁵.

Заключение. Подводя итог, попробуем дать ответ на вопрос, вынесенный в заглавие данной статьи. Обращение к источникам, как нам представляется, показывает, что, несмотря на перегибы и ошибки, деятельность на Волыни архимандрита Виталия (Максименко) и возглавляемого им Почаевского отдела СРН приносила гораздо больше пользы, чем вреда. Социальный радикализм, правовой нигилизм, антисемитизм и политический экстремизм были

⁶³ Шульгин В. В. Указ. соч. С. 507–508.

⁶⁴ Бердяев Н. А. Духовный кризис интеллигенции. Статьи по общественной и религиозной психологии (1907–9 г.) СПб., 1910. С. 300.

⁶⁵ Ответное письмо архиепископа Антония Н. А. Бердяеву о «Вехах» // Волынские епархиальные ведомости. 1909. № 38. С. 793–794.

свойственны невежественным народным массам и до образования на Волыни отдела СРН. Неприязнь волынского крестьянства к евреям, «панам», колонистам и другим экономическим конкурентам бытовала здесь и ранее. Поэтому говорить о том, что появление монархического союза, оказавшегося в данном регионе под опекой православной церкви, привело к дестабилизации, нарушению социального и этноконфессионального мира и погромам, в корне неверно. Все это было характерно для Волыни и до, и после деятельности архимандрита Виталия. Последний, сдерживая эти деструктивные настроения, предложил местному крестьянству путь борьбы за его социальные и экономические интересы, отметавший стихийный радикализм, насилие и кровь. Если Почаевская лавра и ее архимандрит устранились бы от работы с местным населением, то последствия, как представляется, были бы только хуже — высокий градус радикализма некому было бы сдерживать, и без церковного воздействия он проявил бы себя совсем в других формах.

Сильнее деструктивные настроения проявились бы и в том случае, если бы СРН создавался на Волыни без участия со стороны Церкви. И хотя далеко не со всем в деятельности архимандрита Виталия сегодня можно согласиться, все же приходится признать, что пока существовавшие у волынского крестьянства настроения находились под контролем Почаевской лавры, удерживавшей их от взрыва, указывавшей простонародью легальные пути решения наболевших вопросов и воспитывавшей его в духе христианской этики, ни одного крупного эксцесса на Волыни не произошло. Когда же наступили «дни свободы» и не стало ни царской России, ни сдерживавшего влияния о. Виталия и его единомышленников, народная стихия показала себя во всей красе. Как отмечает «Еврейская энциклопедия», «евреи Волыни непосредственно не пострадали от погромов... в 1905–1906 гг., но большие бедствия постигли их... в гражданской войне в России», не говоря уже о трагедии, развернувшейся во время Второй мировой войны⁶⁶. И происходили эти печальные события безо всякого участия церковной и монархической пропаганды.

Литература

1. Иванов А. А. Черносотенная контрреволюция: политическое насилие, погромы, террор и ответственность за них русских монархических партий // Тетради по консерватизму. 2022. № 2. С. 115–141.
2. Кандидов Б. Крестом и нагайкой. Почаевская лавра и черносотенное движение. М.: Безбожник, 1928. 39 с.
3. Ковалева Е. О. Виталий (Максименко) и его деятельность по созданию Почаевского банка // Русин. 2022. № 67. С. 206–225.
4. Омелянчук И. В. Еврейский вопрос в идеологии и политической практике русских монархистов начала XX столетия // Тетради по консерватизму. 2020. № 1. С. 232–261.

⁶⁶ Волынь // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <https://eleven.co.il/diaspora/regions-and-countries/10961/> (дата обращения: 02.06.2023).

5. Омелянчук И. В. Черносотенное движение в Российской империи (1901–1914). Киев: МАУП, 2007. 744 с.
6. Омелянчук И. В. Черносотенное движение на территории Украины (1904–1914 гг.). Киев: Академпресс, 2000. 167 с.
7. Седова Я. А. Илиодор. Мистический друг Распутина. Т. 1. М.: Родина, 2022. 694 с.
8. Суляк С. Г. За веру, царя, Отечество и землю крестьянам (О деятельности отделов Союза русского народа в Хотинском уезде Бессарабской губернии) // Русин. 2018. Т. 54. № 4. С. 169–188.

References

1. Ivanov A. A. Chernosotennaia kontrrevoliutsiia: politicheskoe nasilie, pogromy, terror i otvetstvennost' za nikh russkikh monarkhicheskikh partii // Tetradi po konservatizmu [Black-hundred counter-revolution: political violence, pogroms, terror and responsibility of Russian royalist parties for those actions] // Tetradi po konservatizmu. 2022. № 2. P. 115–141. (In Russ.).
2. Kandidov B. Krestom i nagaikoi. Pochaevskaia lavra i chernosotennoe dvizhenie [Cross and whip. Pochaev Lavra and the black-hundred movement]. Moscow: Bezbozhnik, 1928. 39 p. (In Russ.).
3. Kovaleva E. O. Vitalii (Maksimenko) i ego deiatel'nost' po sozdaniiu Pochaevskogo banka [Vitaliy (Maksimenko) and his efforts to create the Pochaiv Bank] // Rusin. 2022. № 67. P. 206–225. (In Russ.).
4. Omel'ianchuk I. V. Evreiskii vopros v ideologii i politicheskoi praktike russkikh monarkhistov nachala XX stoletia [The Jewish question in the ideology and political practice of Russian monarchists at the beginning of the XXth century] // Tetradi po konservatizmu. 2020. № 1. P. 232–261. (In Russ.).
5. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie v Rossiiskoi imperii (1901–1914) [Black hundred movement in the Russian Empire (1901–1914)]. Kiev: MAUP, 2007. 744 p. (In Russ.).
6. Omel'ianchuk I. V. Chernosotennoe dvizhenie na territorii Ukrainy (1904–1914 gg.) [Omelyanchuk I. V. The black hundred movement on the territory of Ukraine (1904–1914)]. Kiev: Akadempress, 2000. 167 p. (In Russ.).
7. Sedova Ia. A. Iliodor. Misticheskii drug Rasputina [Iliodor. Mystical friend of Rasputin]. Vol. 1. Moscow: Rodina, 2022. 694 p. (In Russ.).
8. Suliak S. G. Za veru, tsaria, Otechestvo i zemliu krest'ianam (O deiatel'nosti otdelov Soiuzа russkogo naroda v Khotinskom uезде Bessarabskoi gubernii) [For faith, tsar, fatherland and land to peasants (on the activities of the branches of the union of Russian people in the Khotin uezd of Bessarabian province)] // Rusin. 2018. Vol. 54. № 4. P. 169–188. (In Russ.).

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.05

Малышева Ольга Геральдовна

доктор исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
MalyshevaOG@mgu.ru

Гарькавый Игорь Владимирович

аспирант
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
igarkav@gmail.com

СУДЬБА РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКА: ФЕДОР АЛЕКСАНДРОВИЧ ГОЛОВИН (1867/68–1937)

Аннотация. Федор Александрович Головин — выдающийся политический деятель, член партии кадетов, председатель II Государственной думы Российской империи. В статье реконструируются важнейшие события в политической биографии Ф. А. Головина, начиная с работы земским гласным и заканчивая последним арестом и казнью в 1937 г. Особое внимание уделено его участию в деятельности Конституционно-демократической партии и работе в Государственной думе в качестве ее председателя. Рассмотрены также политические взгляды Ф. А. Головина.

Ключевые слова: Федор Александрович Головин, II Государственная дума, Конституционно-демократическая партия, Большой террор, «бывшие люди», Бутовский полигон.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.05

Malysheva Olga G.

Doctor of Historical Sciences, Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
MalyshevaOG@mgpu.ru

Garkavy Igor V.

Postgraduate Student
Moscow City University
Moscow, Russia
igarkav@gmail.com

THE FATE OF THE RUSSIAN POLITICIAN: FEDOR ALEKSANDROVICH GOLOVIN (1867/68–1937)

Abstract. Fedor Aleksandrovich Golovin is an outstanding political figure, a member of the Cadets Party, Chairman of the Second State Duma of the Russian Empire. The article reconstructs the most important events in the political biography of F. A. Golovin, starting from his work as a zemstvo vowel and ending with his last arrest and execution in 1937. Particular attention is paid to his participation in the activities of the constitutional democratic party and work in the State Duma as its chairman. The political views of F. A. Golovin are also considered.

Keywords: Fedor Alexandrovich Golovin, Second State Duma, Constitutional Democratic Party, Great Terror, “former people”, Butovo polygon.

Введение. Трагические события восьмидесятипятилетней давности прочно вошли в историю нашей страны под названием «Большой террор». Эта проблема остается весьма дискуссионной и актуальной. Большая часть репрессированных в период Большого террора (свыше миллиона человек) пришлось на так называемые массовые операции, целью которых была ликвидация антисоветских элементов. Именно этим операциям сегодня исследователи уделяют особое внимание¹. Главной их целью была ликвидация потенциально опасных для сталинского режима групп населения: кулаков, бывших офицеров царской и белой армий, священнослужителей, представителей небольшевистских партий. Все они состояли на учете в органах государственной безопасности. Летом 1937 г. было принято решение «зачистить» представителей этих потенциально враждебных категорий населения.

¹ Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016; Потапова Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг.: механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб., 2020 и др.

Примечательно, что в эту категорию врагов попали и бывшие члены Государственной думы Российской империи. Среди них были люди самых различных социальных слоев: крестьяне, священники, инженеры, адвокаты и т. д. Многие из них давно отошли от политики и даже сотрудничали с советской властью. Однако карающего меча им избежать не удалось. Точно неизвестно, какому количеству из них парламентская деятельность стоила жизни. Самый приблизительный анализ биографических данных этих депутатов² красноречиво свидетельствует, что судьба многих из них после установления советской власти просто неизвестна. Однако можно с полной уверенностью утверждать, что не менее 36 депутатов Государственной думы Российской империи были репрессированы, расстреляны в годы Большого террора. Пятерых из них, включая председателя II Государственной думы Федора Александровича Головина, расстреляли на Бутовском полигоне (Бутовской спецзоне НКВД). Не менее трагична судьба князя Д. И. Шаховского, депутата I Государственной думы, внука декабриста, внучатого племянника П. Я. Чаадаева, которому на момент ареста шел 81-й год. И даже заступничество его друга, академика В. И. Вернадского, который лично ходатайствовал перед прокурором СССР А. Я. Вышинским с просьбой переговорить о судьбе «одного из благороднейших и морально высоких людей, с которыми встречался в своей долгой жизни»³ не повлияло на принятие решения. Пройдя застенки Лубянки, Бутырской и Лефортовской тюрем, он был расстрелян и погребен на еще одном спецобъекте — в Коммунарке.

Авторы настоящей статьи предприняли попытку рассказать об одном конкретном человеке, ставшем жертвой политических репрессий 1937–1938 гг., — Федоре Александровиче Головине. Это был видный московский и российский общественный деятель, член Конституционно-демократической партии, депутат Государственной думы второго и третьего созывов, председатель II Государственной думы⁴.

Ход и результаты исследования. Ф. А. Головин родился в семье потомственных дворян. Точная дата рождения не известна: по одним сведениям, он появился на свет 21 декабря 1867 г., по другим — 2 января 1868 г. Семья Головиных была довольно состоятельной, имела более тысячи десятин земли в Московской, Рязанской, Владимирской и Тульской губерниях. Постоянно семья проживала в Дмитровском уезде Московской губернии, вела уединенный образ жизни. Ф. А. Головин получил прекрасное образование: он учился

² См.: Государственная дума России: энциклопедия. Т. 1. Государственная дума Российской империи (1906–1917 гг.). М., 2006.

³ Там же. С. 720.

⁴ Личность Ф. А. Головина привлекает внимание современных авторов: *Гайда Ф. А.* Головин Федор Александрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М., 2010. С. 193; *Гордеев П. Н.* Ф. А. Головин: либеральный политик революционной эпохи // Российская история. 2021. № 1. С. 106–122 и др.

в лицее цесаревича Николая в Москве, затем на юридическом факультете Московского университета, где «по выдержании испытания» в 1891 г. получил университетский диплом. Еще в студенческие годы, на этапе формирования его мировоззрения он, по собственному признанию, испытал большое влияние опального профессора Московского университета, либерала по убеждениям, в недалеком будущем первого председателя Государственной думы России Сергея Андреевича Муромцева. И хотя на момент поступления Головина в университет С. А. Муромцев уже был изгнан из учебного заведения за поддержку студенческих выступлений, Федор Александрович признавался: «...Все же я хорошо знал его по рассказам о нем моего старшего брата, Владимира, и по сохранившимся у него лекциям С. А. Муромцева. Эти рассказы брата были проникнуты преклонением перед авторитетом С. А. Муромцева, пред стойкостью его политических убеждений, перед его гражданским мужеством»⁵.

По окончании университета Ф. А. Головин стал гласным Дмитровского уездного, а затем Московского губернского земства. В 1904 г. был избран его председателем. Так для молодого человека началась успешная карьера общественного деятеля, которую ему удавалось совмещать с должностью мирового судьи Дмитровского уезда. На поприще земской деятельности его путь еще не раз пересекался с С. А. Муромцевым, на тот момент губернским гласным. Это сотрудничество, по признанию Ф. А. Головина, стало настоящей политической школой. Для молодого, начинающего политика это было тем более важно, что в детстве он не отличался красноречием, за что получил в семье прозвище «лицо без речей». Школа ораторского искусства Муромцева оказалась как нельзя более кстати. Сам он с восхищением вспоминал: «Часто приходилось мне наблюдать, как запутанные, продолжительные прения превращались в ораторской лаборатории Муромцева в систему главных и второстепенных положений, логически ведущих к определенному и твердому заключению»⁶. На всю жизнь он сохранил чувство глубокого уважения к этому выдающемуся человеку и яркому политику.

В среде московских общественных деятелей того времени, кроме С. А. Муромцева, тон задавали такие политики, как Д. Н. Шипов — будущий создатель партии «октябристов», Н. И. Астров — один из основателей и активных деятелей Конституционно-демократической партии и др. Ф. А. Головин без колебаний примкнул к земцам-конституционалистам. Он стал активным участником ряда полулегальных и нелегальных общественных организаций: кружка «Беседа», Союза земцев-конституционалистов и Союза освобождения. В 1904–1905 гг. Ф. А. Головин возглавлял бюро земских и городских съездов. Эти общественные организации стали в октябре 1905 г. основным ядром кадетской партии, когда состоялся ее первый учредительный съезд.

⁵ Из записок Ф. А. Головина // Красный архив. Т. 3 (58). М., 1933. С. 142.

⁶ Там же.

Ф. А. Головин не просто активно участвовал в работе учредительного съезда Конституционно-демократической партии, он был избран в состав ее центрального комитета, возглавил Московский губернский комитет кадетской партии, принимал непосредственное участие в выработке программных документов. Вершиной политической карьеры Ф. А. Головина стало его председательствование во II Государственной думе, куда он был избран от Москвы. Вопрос о его выдвижении на пост председателя был единогласно решен еще до начала ее работы 18 февраля 1905 г. на заседании парламентской фракции кадетской партии. На следующий день кандидатура Ф. А. Головина была поддержана всеми думскими фракциями, кроме правых, и избрание его председателем было делом практически решенным.

Позднее в своих воспоминаниях Ф. А. Головин признавался, что согласие стать во главе Думы далось ему непросто, поскольку он прекрасно понимал, в каких непростых условиях придется работать II Думе. Эти настроения в обществе подогривала печать, утверждая, что Дума обречена на гибель в первые же дни существования. Представители правых открыто говорили о необходимости роспуска революционной Думы (состав депутатов II Думы, вопреки ожиданиям и усилиям правительства по формированию в ходе выборов лояльного депутатского корпуса, оказался еще более левым, чем у ее предшественницы).

Ф. А. Головин, по его собственному признанию, понимал, что при таком оппозиционном составе Думы рассчитывать на возможность конструктивной работы с правительством было бы политической наивностью. На долю руководящего центра Думы, прежде всего председателя, ложилась тяжелая и трудновыполнимая работа: «Вести борьбу с властной бюрократией конституционным способом, охраняя самое существование Думы и достоинство народного представительства. С другой стороны, надеяться на перемену кабинета по требованию Думы тоже было невозможно. Следовательно, вопрос сводился лишь к тому, сколько времени просуществует Дума и успеет ли она за время своего несомненно краткого существования сделать хоть что-либо полезное для народа»⁷.

Понимал он также и то, что глава учреждения, обреченного на гибель, неизбежно столкнется с ненавистью, насмешками, злобной критикой его действий, станет мишенью для нападок не только со стороны врагов, но даже со стороны друзей и единомышленников. Раздраженные неудачами народного представительства, они будут думать, что часть этих неудач могла бы быть устранена более умелыми действиями и поведением председателя Думы.

Опасения Ф. А. Головина полностью оправдаются: впоследствии его будут неоднократно обвинять в неудачно избранной тактике, которая сводилась к достижению согласия между различными политическими силами,

⁷ Воспоминания Ф. А. Головина о II Государственной думе // Исторический архив. 1959. № 4. С. 139.

представленными в Думе и установлению делового сотрудничества с правительством. И тем не менее, отдавая отчет, что на председательском кресле он будет чувствовать себя «как на бочке с порохом вблизи падающей искры», он, не колеблясь ни минуты, заявил, что подчиняется решению фракции, и поблагодарил за оказанные ему высокую честь и доверие. На долю Ф. А. Головина выпала нелегкая задача: с одной стороны, выполнить поручение центра «беречь Думу прежде всего», с другой — противостоять намерениям правых «сорвать Думу во что бы то ни стало» и левых — «использовать Думу как трибуну для пропаганды революционных идей»⁸. Сам он позже говорил, что ни один из председателей всех четырех дореволюционных дум не был в столь трудном положении, как он.

Делясь своими впечатлениями от состава II Государственной думы, который, вероятно, с председательского кресла виделся несколько иначе, чем остальным депутатам и современникам, Ф. А. Головин давал следующие характеристики. «Левое крыло Думы невольно поражало множеством слишком молодых для ответственного дела народного представительства лиц, и при этом не интеллигентных. На фоне этой некультурной левой молодежи редкими пятнами выделялись серьезные умные лица некоторых образованных народных социалистов, социалистов-революционеров, двух-трех трудовиков и стольких же социал-демократов. Но, повторяю, общая масса левых отличалась тупым самомнением опьяневшей от недавнего неожиданного успеха необразованной и озлобленной молодежи. Все же вера в непогрешимость проповедуемых ими идей и несомненная бескорыстность и готовность к самопожертвованию ради торжества их принципов возбуждали симпатию к ним объективного и беспристрастного наблюдателя». А Головин пытался сохранить положенную председателю Думы роль «беспристрастного наблюдателя»⁹.

Иная тональность присуща его характеристикам правого крыла Думы. Здесь, по его мнению, «прежде всего, бросались в глаза лукавые физиономии епископов и священников, злобные лица крайних реакционеров из крупных землевладельцев-дворян, бывших земских начальников и иных чиновников, мечтавших о губернаторстве или о вице-губернаторстве, ненавидевших Думу, грозившую их материальному благосостоянию и их привилегированному положению в обществе, и с первых же дней старавшихся уронить ее достоинство, добиться ее роспуска, мешавших ее работе и не скрывавших даже своих радостей при ее неудачах. И на это крыло, шумевшее, готавшее, кривлявшееся, было противно смотреть, как на уродливое явление: народные представители, не признающие и глумящиеся над народным представительством!»¹⁰.

По своему статусу председатель Государственной думы был единственным членом нижней палаты, который обладал правом «всеподданнейших

⁸ Воспоминания Ф. А. Головина... С. 161.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 162.

докладов» лично императору. Ф. А. Головин за 103 дня существования II Думы трижды удостоился аудиенции у Николая II. Позднее, в 1917 г., давая показания Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства, он так вспоминал об этом: если 21 февраля 1907 г., в ходе первой аудиенции на следующий день после открытия II Думы, императора интересовал вопрос возможности создания в нижней палате работоспособного большинства, он говорил о важности дружной совместной работы с правительством и даже высказывал пожелания успешной работы Думе, то уже в марте вторая беседа императора со спикером велась в ином политическом тоне. Император Николай II недвусмысленно дал понять Головину, что возглавляемая им Дума «представляет опасность для государственного порядка и спокойствия, как трибуна для пропаганды всевозможных революционных идей». Еще более категоричен император был при третьей встрече 19 мая 1907 г. Он обвинял Головина в том, что Государственная дума «неработоспособна, работоспособный центр ее слишком незначителен, а следовательно, те задачи, которые перед нею лежат, ею выполнены быть не могут, и стало быть, единственный выход, это — ее роспуск и затем созыв новой»¹¹. При этом император Николай II не скрывал своего намерения изменить избирательный закон с тем, чтобы исключить возможность создания оппозиционного думского большинства.

3 июня 1907 г. II Государственная дума была распущена указом императора Николая II. Власть предъявила Думе серьезные обвинения, в том числе то, что она стремилась «увеличить смуту и способствовать разложению государства». Ф. А. Головин, понимавший свою ответственность перед обществом в этой ситуации, скрупулезно, по пунктам манифеста о роспуске Думы вступил в одностороннюю полемику с верховной и исполнительной властью. Отвечая в своем дневнике на обвинения, выдвинутые в адрес Думы, а следовательно, и его как председателя, он с горечью писал, что «во всей этой грязной истории был действительно заговор, но не заговор 55 членов Думы против государства, как то утверждается в манифесте, а заговор Столыпина и К^о против народного представительства и основных государственных законов»¹².

Для Федора Александровича Головина роспуск II Государственной думы и его отставка с поста председателя стали личной трагедией. Он заметно охладел к политической деятельности вообще. Осенью 1907 г. Ф. А. Головин вновь был избран депутатом Государственной думы третьего созыва от Москвы, но оставался в ней рядовым депутатом, работая в Крестьянской комиссии. При первой же возможности, в октябре 1910 г. он сложил депутатские полномочия в связи с получением железнодорожной концессии, считая недопустимым совмещение этих двух занятий.

¹¹ Падение царского режима: стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / под ред. П. Е. Щеголева. М.; Л., 1926. Т. V. С. 366–373.

¹² Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1625. Оп. 1. Д. 6. Л. 343.

Разуверившись в возможности преобразования России парламентским путем, Головин стал заметной фигурой среди масонов. В 1908 г. он был избран в Верховный совет русского масонства, затем членом Верховного совета «Великого Востока народов России», в 1912, 1913 и 1916 гг. — участник конвентов вольных каменщиков.

В 1912 г. о заслугах Ф. А. Головина как видного общественного деятеля вспомнили, и он был избран главой города Баку. Однако наместник Кавказа не утвердил его в этой должности за принадлежность к кадетской партии.

Новый всплеск общественной и политической активности Ф. А. Головина пришелся на начало Первой мировой войны. Он активно включился в создание и деятельность ряда общественных организаций и обществ: стал одним из учредителей и членом исполнительного бюро, а с января 1916 г. — членом совета общества «Кооперация»; возглавлял Общество помощи жертвам войны; был председателем правления Московского народного банка; участвовал в работе Всероссийского союза городов.

Февральскую революцию Ф. А. Головин принял восторженно и начал активно сотрудничать с Временным правительством. 8 марта 1917 г. он был назначен комиссаром Временного правительства в бывшем Министерстве императорского двора и уделов, в ведении которого были императорские театры, музеи и другие учреждения культуры. Эту должность он занимал до Октябрьской революции, после которой был отстранен от нее новой властью.

После прихода к власти большевиков Ф. А. Головин остался в Советской России и даже служил в советских учреждениях. Так, в июле – августе 1921 г. он был одним из членов Всероссийского комитета помощи голодающим (ВСЕРПОМГОЛ). 27 августа 1921 г. по распоряжению В. И. Ленина вместе с членами комитета Ф. А. Головин был арестован и заключен под стражу. После освобождения из тюрьмы Головин не покинул Россию на «философском пароходе», как некоторые из его товарищей по ВСЕРПОМГОЛу, а остался на родине и даже продолжал работать в советских учреждениях вплоть до выхода на пенсию в преклонном возрасте. Будучи пенсионером, он жил с женой и двумя дочерьми в Москве по адресу: Большой Козихинский переулок, дом 27, квартира 7, где и был арестован 17 сентября 1937 г.

К этому времени, казалось бы, все политические баталии для семидесятилетнего Ф. А. Головина остались в прошлом и его жизнь окончательно вошла в мирное русло. Однако напомним, что именно в это время в рамках «кулацкой операции» НКВД, развернувшейся по всей территории Советского Союза по приказу № 00447 от 30 июля 1937 г., по «репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов» с особой жестокостью проходила зачистка общества от «бывших людей», под которыми подразумевались «члены антисоветских партий, бывшие белые, жандармы, чиновники царской России, каратели, бандиты, реэмигранты...»¹³. Конечно, особая роль,

¹³ См.: Оперативный приказ народного комиссара внутренних дел СССР Н. И. Ежова № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских

которую сыграл Ф. А. Головин в истории российского парламентаризма, его политическая и общественная деятельность, вряд ли давала ему шансы избежать ареста в дни Большого террора. Однако имел место также фактор случайности.

Из материалов следственного дела видно, что в поле зрения органов госбезопасности Головин попал в первую очередь в результате упоминания на допросе его имени Михаилом Хрисанфовичем Готовицким, о котором необходимо сказать несколько слов.

М. Х. Готовицкий (1876–1937) — дворянин, политический деятель начала XX в., либерал, участник земского движения, член партии кадетов. Занимался активной общественной деятельностью в Камышинском уезде Саратовской губернии. В 1912 г. был избран в члены Государственной думы от Саратовской губернии. Работая в Думе, неоднократно пересекался с Ф. А. Головиным. Входил во фракцию Центра, был членом Прогрессивного блока. При советской власти несколько раз был арестован. Вполне логично, что с началом активизации борьбы с «бывшими людьми» он попал в разработку НКВД.

Знакомство с материалами дела М. Х. Готовицкого позволяет предположить, что он сам был арестован по доносу или по оперативной информации. По крайней мере, в обвинительном заключении говорится о поступивших на него «сведениях»¹⁴. Следствие вел начальник Советского райотдела НКВД, капитан госбезопасности Павел Иванович Конякин (1898 г. р.) — опытный сотрудник Московского УНКВД, который позднее будет назначен наркомом внутренних дел Чувашской АССР (репрессирован в 1939 г., погиб в заключении).

Допрос всех «бывших» обычно начинался с шаблонного вопроса: «Кого Вы знаете из бывших работников полиции и чиновников или деятелей царского правительства?»¹⁵. Этот простой прием позволял следствию постоянно расширять базу подозреваемых, не завися при этом от иных источников информации, таких как доносы и учетные данные. На обработку тех и других нужно было тратить больше сил и времени. Кроме выявления потенциальных кандидатур на арест следователь, очевидно, подбирал материалы для возможного группового дела. Существенным моментом могло стать наличие устойчивых межличностных связей: дружба, родственные или семейные связи. Выявление группы людей, лично связанных между собою подобными отношениями в рамках операции, давало оперативным и следственным работникам материал для создания группового дела, что особенно поощрялось руководством НКВД. Такой подход позволял перевести террор в новое политическое качество борьбы с организованным внутренним подпольем и внешним врагом и привлечь более широкий круг обвиняемых, при этом ужесточая наказание.

элементов» // «Через трупы врага, на благо народа». «Кулацкая операция» в Украинской ССР. 1937–1941 гг.: в 2 т. Т. 1: 1937. М., 2010. С. 99–115.

¹⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф.10035. Оп. 2. Д. 6826. Л. 123.

¹⁵ Там же. Л. 57.

Уже при ответе на этот вопрос Готовицкий называет девять человек, являвшихся до революции помещиками или политическими деятелями. Большинство «участников» были связаны давним знакомством. Шесть из них родились, были помещиками или служили в Саратовской губернии. Ф. А. Головин, упомянутый допрашиваемым, очевидно, выпадал из этого ряда. Во всяком случае его дело было выделено в индивидуальное производство.

Первый раз Готовицкий указывает на Ф. А. Головина как «председателя Государственной думы II созыва» в ряду прочих знакомых, причем отмечает, что виделся с ним после революции два раза — в 1935 и 1936 гг.¹⁶ Потом он еще раз возвращается к Ф. А. Головину для того, чтобы сообщить о его антисоветских разговорах. Именно этот фрагмент потом будет использован в обвинении бывшего председателя Государственной думы.

Протокол допроса Готовицкого так передает слова Ф. А. Головина: «Ну и Советская власть довели нас до нищенства несмотря на то, что я и др. лица имеют большие знания, а материально при этой власти существовать нет возможности, на приличную должность не устроишься. Раньше при царизме народ жил в прекрасных условиях, а сейчас нет жизни и никакой перспективы»¹⁷ (здесь и далее сохранена орфография оригинала. — *О. М., И. Г.*). Так же шаблонно переданы и слова о будущей войне, приписанные Головину: «По вопросу войны Головин проявлял пораженческие настроения, “В предстоящей войне победа будет на стороне капиталистов”»¹⁸.

Из архивных источников следует, что показания М. Х. Готовицкого стали определяющим фактором для ареста Ф. А. Головина. 11 сентября 1937 г. состоялся допрос М. Х. Готовицкого, на котором допрашиваемый назвал Ф. А. Головина, а 16 сентября было выписано постановление об аресте последнего. В деле Головина содержится выписка из допроса М. Х. Готовицкого от 11 сентября 1937 г.¹⁹, цитата из этого фрагмента допроса вошла в обвинительное заключение Ф. А. Головина.

Примечательно, что в ходе следствия по делу М. Х. Готовицкого было принято решение о переквалификации его действий с «систематической контрреволюционной агитации», что было зафиксировано в постановлении об аресте, на «создание контрреволюционной группы». Так, начиная с 16 сентября у остальных привлеченных по этому делу формулировка основания ареста меняется на «участие в контрреволюционной группировке». Далее события развиваются стремительно. Уже 29 сентября были осуждены «члены группы Готовицкого», пятеро из них, включая самого М. Х. Готовицкого, 8 октября были приговорены тройкой при УНКВД СССР по Московской области к расстрелу; на следующий день приговор был приведен в исполнение на полигоне

¹⁶ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 6826. Л. 57.

¹⁷ Там же. Л. 57–58.

¹⁸ Там же. Л. 58.

¹⁹ Там же. Д. 19359. Л. 9.

НКВД «Бутово». Остальные трое, проходившие по делу, получили десять лет исправительных лагерей.

Дело Ф. А. Головина рассматривалось отдельно. Возможно, у следствия были особые планы по его разработке. Об этом косвенно может свидетельствовать длительный период нахождения Головина под следствием при общей скудости находящихся в следственном деле материалов. Действительно, Головин был арестован 16 сентября 1937 г., 17 сентября он был допрошен, причем это был его единственный допрос.

Архивно-следственное дело Ф. А. Головина вообще отличается лаконичностью: оно занимает всего 14 листов²⁰. Кроме протокола допроса самого обвиняемого в деле присутствуют только выписка из показаний М. Х. Готовицкого, о которых шла речь выше, и показания еще лишь одного свидетеля — Василия Ильича Зубкова, соседа Ф. А. Головина по дому.

Показания В. И. Зубкова, несмотря на шаблонность обвинений и возможную схематичную подачу следствия, весьма красноречивы. Бывший рабочий, а на момент следствия уже заведующий базой «Заготзерно», член ВКП (б) с 1919 г., член замкома и Моссовета, секретарь партийной ячейки, оказавшись в одном доме с классовым врагом, очевидно, испытывал к бывшему аристократу сильное предубеждение. Он характеризовал Ф. А. Головина «как человека, явно враждебно настроенного к Советской власти, систематически выражающего недовольство к мероприятиям Советской власти. Группирует вокруг себя чуждых советской власти людей ведет антисоветскую агитацию среди окружающих». Хотя эти штампы мало что говорят конкретно о настроениях Головина, В. И. Зубков сообщает одну интересную подробность: «Рабочая часть дома на всем протяжении существования Советской власти вела с Головиным Ф. борьбу, как с классово чуждым элементом»²¹.

Далее в протоколе допроса свидетель передает содержание иных высказываний, приписываемых Ф. А. Головину. Во время сбора помощи детям испанских рабочих он якобы говорил: «Сначала бы своих детей накормили и воспитали, а потом бы помогали Испанским, а то свои дети сидят голодные. <...> Фашизм в Испании победит неизбежно, а там и наших коммунистов щипать начнут». Во время проведения подписки на «Заем укрепления обороны Союза ССР» Головин якобы заявил: «Хозяева земли русской, опять прохозяйствовались, денег не хватает, побираться пришли, но займом дело не поправите, когда коммунисты управлять государством не умеют и ведут страну к разрухе»²².

По словам В. И. Зубкова, Головин также «является ярлым религиозным сектантом, группирующим вокруг себя ряд лиц религиозно настроенных, он неоднократно возводил клевету на советскую власть о якобы преследованиях

²⁰ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 19359. Л. 1–14.

²¹ Там же. Л. 11.

²² Там же. Л. 11–12.

с ее стороны религиозных убеждений заявляя: “Советская власть только на словах предоставляет свободу религиозных убеждений, а на деле поарестовала всех попов и закрыла все церкви”»²³.

На просьбу следователя еще дополнить свои показания свидетель, явно исчерпав свой запас, сообщает: «он [Головин] являлся видным политическим деятелем и членом партии кадетов»²⁴. На основании этих скудных показаний следствие сочло возможным обвинить Ф. А. Головина «в том, что, являясь враждебно настроенным к мероприятиям Советской власти, восхвалял царский строй и вел систематически контрреволюционную агитацию фашистского характера, т. е. в преступлении предусмотренным ст. 58 п. 10 УК РСФСР»²⁵. При этом сам Федор Александрович категорически отказался признать предъявленные ему обвинения: «По материалам следствия Вы уличаетесь, как враждебно настроенный к вождям ВКП(б) и проявляли по отношению их одобрение террористических действий? — Если против меня есть такие материалы, то я их отрицаю. Террористические действия не одобрял — Установлено, что восхваляли фашистский строй. Признаёте ли это? — Нет, не подтверждаю. Фашизм я не одобрял»²⁶.

Дело Ф. А. Головина было передано «на рассмотрение Тройке при Управлении НКВД МО», которая 21 ноября 1937 г. года вынесла свой приговор: «Быв.[ший] помещик, пред[седатель] 2-ой Гос[ударственной] Думы, актив[ный] церковник. Обвиняется в к-р агитации. Расстрелять»²⁷. Приговор был приведен в исполнение 10 декабря 1937 г. на территории Бутовской спецзоны НКВД.

Ф. А. Головин был реабилитирован в 1989 г., однако на сегодняшний день имя этого политического деятеля начала XX в. практически забыто широкой общественностью. Кроме научных публикаций, краеведческих и генеалогических работ его имя не попадает в поле актуальной исторической памяти современного российского общества. Важным исключением из этого правила является мемориальный комплекс, который создается приходом храма Новомучеников и исповедников российских в Бутове и мемориальным научно-просветительским центром «Бутово». Среди расстрелянных в Бутове имя Головина увековечено на гранитной стене мемориала «Сад Памяти» под датой его казни согласно расстрельным спискам НКВД — 10 декабря 1937 г. Краткая биографическая информация и фотография Ф. А. Головина (из следственного дела) представлены в постоянной экспозиции Музея памяти пострадавших в Бутове.

Заключение. Ф. А. Головин вошел в русскую историю как известный либеральный политический деятель, посвятивший многие годы участию в различных общественных и политических проектах, начиная от земского движения

²³ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 19359. Л. 11–12.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. Л. 14.

²⁶ Там же. Л. 7–9.

²⁷ Там же. Л. 15.

и кадетской партии до парламентаризма и даже кратковременного руководства работой Государственной думы. Он оставил в истории неоднозначный след, далеко не всегда оказываясь на высоте тех требований, которые к нему предъявляла логика политической борьбы и государственной деятельности, но при этом его образ в истории имеет и привлекательные черты. В нем современники отмечали довольно редкое уже среди политиков его эпохи сочетание аристократизма, интеллигентности и служения Отечеству, «отпечаток благородства и выдержанности», по воспоминаниям Е. Я. Кизеветтер — жены известного историка, профессора Московского университета, деятеля ЦК кадетской партии А. А. Кизеветтера²⁸. То, что можно было бы назвать политическим идеализмом в далеко не худшем его варианте.

Литература

1. Гайда Ф. А. Головин Федор Александрович // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / отв. ред. В. В. Шелохаев. М.: РОССПЭН, 2010. С. 190–194.
2. Гордеев П. Н. Ф. А. Головин: либеральный политик революционной эпохи // Российская история. 2021. № 1. С. 106–122.
3. Лягушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в РСФСР в ходе Большого террора (1937–1938 гг.): Сравнительный анализ баз данных по региональным «Книгам памяти»: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016. 29 с.
4. Потапова Н. А. «Харбинская» операция НКВД СССР 1937–1938 гг. Механизмы, целевые группы и масштабы репрессий. СПб.: Алетейя, 2020. 252 с.

References

1. Gaida F. A. Golovin Fedor Aleksandrovich [Golovin Fedor Aleksandrovich] // Rossiiskii liberalizm serediny XVIII – nachala XX veka: entsiklopediia / отв. red. V. V. Shelokhaev. Moscow: ROSSPEN, 2010. P. 190–194. (In Russ.).
2. Gordeev P. N. F. A. Golovin: liberal'nyi politik revoliutsionnoi epokhi [F. A. Golovin: liberal politician of the revolutionary era] // Rossiiskaia istoriia. 2021. № 1. P. 106–122. (In Russ.).
3. Liagushkina L. A. Sotsial'nyi portret repressirovannykh v RSFSR v khode Bol'shogo terrora (1937–1938 gg.): Sravnitel'nyi analiz baz dannykh po regional'nyim «Knigam pamiati» [Social portrait of those repressed in the RSFSR during the Great Terror (1937–1938): Comparative analysis of databases on regional “Books of Memory”]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2016. 29 p. (In Russ.).
4. Potapova N. A. «Kharbinskaia» operatsiia NKVD SSSR 1937–1938 gg. Mekhanizmy, tselevye gruppy i masshtaby repressii [“Harbin” operation of the NKVD of the USSR 1937–1938. Mechanisms, target groups and scale of repression]. St. Petersburg: Aleteiia, 2020. 252 p. (In Russ.).

²⁸ Кизеветтер Е. Я. Революция 1905–1907 гг. глазами кадетов: (Из дневников) / публ. М. Г. Вандалковской, А. Н. Шаханова // Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. М., 1994. С. 378.

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.06

Шведова Валерия Владимировна

аспирант

Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена

Санкт-Петербург, Россия

vvshvedova@ Herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-6492-3451

**ПРЕСТУПЛЕНИЯ МИЛИЦИОНЕРОВ
РАБОЧЕЙ МИЛИЦИИ ВЫБОРГСКОГО РАЙОНА
И ГОРОДСКОЙ МИЛИЦИИ СПАССКОГО РАЙОНА ПЕТРОГРАДА
(МАРТ – ОКТЯБРЬ 1917 г.)**

Аннотация. В статье рассматриваются преступления и правонарушения в отношении населения г. Петрограда, совершенные милиционерами рабочей милиции Выборгского района и городской милиции Спасского района в марте – октябре 1917 г. Милиция Выборгского района была организована на предприятиях силами рабочих, т. е. в милиции состояли преимущественно рабочие. Милиция Спасского района была укомплектована на основе вольного найма; на службу могли поступить все желающие. В статье предпринимается попытка изучить и сравнить противоправную деятельность милиционеров двух районных отделений с учетом их разного социального состава.

Ключевые слова: Петроградская городская милиция, рабочая милиция, Петроград, Выборгский район, Спасский район, преступления милиционеров, правонарушения.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.06

Shvedova Valeria V.

Postgraduate Student

Herzen State Pedagogical University of Russia

Saint Petersburg, Russia

vvshvedova@herzen.spb.ru; ORCID: 0000-0001-6492-3451

**CRIMES OF MILITIAMEN
OF THE WORKERS' MILITIA OF THE VYBORGSKY DISTRICT
AND THE CITY MILITIA OF THE SPASSKY DISTRICT
OF PETROGRAD (MARCH – OCTOBER 1917)**

Abstract. The article deals with crimes and offenses against the population of the city of Petrograd, committed by policemen of the workers' militia of the Vyborg region and the city police of the Spassky region in March – October 1917. The police of the Spassky district was staffed on the basis of «free employment», in which everyone could sign up. The article attempts to study and compare the illegal activities of policemen from two districts that differ in their social composition.

Keywords: Petrograd city militia, workers' militia, Petrograd, Vyborgsky district, Spassky district, crimes of militiamen, offenses, illegal actions.

Введение. О деятельности Петроградской городской милиции писали как отечественные¹, так и зарубежные исследователи². Однако превышение должностных полномочий и совершение правонарушений милиционерами при исполнении служебных обязанностей крайне редко попадали в поле зрения исследователей. Например, В. И. Мусаев пишет

¹ *Старцев В. И.* Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 – апрель 1918). М.; Л., 1965; *Гутман М. Ю.* Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917–1920) / под ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002; *Его же.* Становление и деятельность милиции Петрограда и Петроградской губернии в период революций и гражданской войны в России, февраль 1917–1920 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002; *Баранов В. В.* Организационно-правовые основы деятельности народной милиции Временного правительства России в 1917 году: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993; *Милованова Л. В.* Гражданская милиция в 1917 году: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004; *Николаев А. Б.* К вопросу о составе районных уполномоченных Петроградской городской милиции (28 февраля 1917 года) // Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории. СПб., 2016. С. 178–195.

² *Хасегава Ц.* Преступность и социальный кризис в Петрограде во время русской революции: март – октябрь 1917 г. // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб., 1994. Вып. 3. С. 72–79; *Rex W.* Red guards and workers' militias in the Russian Revolution. Stanford, 1984; *Мюррей Ф.* Милиция во время Русской революции в 1917 г.: концепции и сравнения // Эпоха войн и революций: 1914–1922: мат-лы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.). СПб., 2017. С. 112–124; *Smith S. A.* Russia in revolution: An empire in crisis, 1880 to 1928. Oxford, 2017. 455 p.; *Hasegawa T.* Crime and punishment in the Russian revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, 2017. 367 p.

о взяточничестве и вымогательстве среди милиционеров³. О правонарушениях милиционеров Петрограда — неправомерных обысках, взяточничестве, пьянстве и хулиганстве — упоминает Д. Ю. Ерещенко, включая один случай в Спасском районе⁴. А. Б. Николаев приводит сведения о начальнике Петроградской конной милиции, оказавшемся под следствием⁵, а также о совершивших правонарушения милиционерах, в том числе Выборгского и Спасского районов, дела которых рассматривал Временный суд⁶. Вместе с тем работа А. Б. Николаева охватывает период лишь с марта по июль и в ней рассмотрены только те случаи, когда милиционеров препровождали во временные суды. Таким образом, заявленная нами тема не получила еще должного историографического разрешения.

Целью статьи является изучение преступлений, которые совершались милиционерами рабочей милиции Выборгского района и городской милиции Спасского района в марте – октябре 1917 года, а точнее — противоправных действий милиционеров в отношении населения г. Петрограда. Отметим, что состав милиции в двух районах отличался: в Выборгском районе, где большинство жителей являлись рабочими, строительство милиции происходило на предприятиях, соответственно, милиция Выборгского района преимущественно состояла из рабочих⁷. Милиция Спасского района была организована на основе вольного найма⁸.

Ход и результаты исследования. В первые дни революции было выдано 20 тысяч милицейских удостоверений⁹. Сотрудниками милиции могли стать все желающие; удостоверения выдавались всем без исключения¹⁰. Таким образом, в ряды городской милиции легко проникали преступные элементы¹¹, отсюда — вопиющие случаи неправомерных действий городской милиции, в том числе милиции Спасского района. В рабочую милицию Выборгского

³ Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. С. 37.

⁴ Ерещенко Д. Ю. Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. С. 145–148, 157.

⁵ Николаев А. Б. Корнет А. А. Мезенцев — начальник Конной милиции Петрограда (март – май 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения: сб. научных статей XII Всероссийской научной конференции (С.-Петербург, 18 марта 2016 г.). СПб., 2017. С. 141–150.

⁶ Николаев А. Б. Милиционеры перед Временным судом (Петроград, март – июль 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды. СПб., 2017. С. 60–74.

⁷ Старцев В. И. Указ. соч. С. 43–44; Мусаев В. И. Указ. соч. С. 19; Первым комиссаром 1-го Выборгского подрайона был студент Военно-медицинской академии В. Г. Боцвадзе. См.: Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб.). Ф. 131. Оп. 4. Д. 9. Л. 63; начальником летучего отряда завода Новый Лесснер в апреле являлся солдат И. И. Вериги, на которого был составлен протокол за скандал. См.: Николаев А. Б. Милиционеры перед Временным судом. С. 64.

⁸ Старцев В. И. Указ. соч. С. 54.

⁹ Кельсон З. Милиция Февральской революции. Воспоминания // Былое. 1925. № 1 (29). С. 166.

¹⁰ Аксенов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. С. 59–60.

¹¹ Ерещенко Д. Ю. Указ. соч. С. 145; Мусаев В. И. Указ. соч. С. 36–37.

района записывались исключительно рабочие¹². Территориально Выборгский район делился на три подрайона, Спасский — на четыре. Как отмечает М. Ю. Гутман, в марте «единственной реальной силой, способной подавить анархию и беспорядки»¹³ являлась рабочая милиция. Вместе с тем во многих правонарушениях замечены и милиционеры рабочей милиции Выборгского района, когда, по утверждению М. Ю. Гутмана, до июльского кризиса отряды рабочей милиции «активно участвовали в борьбе с преступностью» и рабочая милиция «справлялась с этой задачей лучше, чем “народная милиция” Временного правительства»¹⁴.

По мнению современников, причиной незаконных обысков, взяточничества, краж и прочих правонарушений, помимо низкого профессионального уровня милиции¹⁵ и наличия преступников среди милиционеров¹⁶, могла являться также низкая заработная плата, которая не устраивала милиционеров¹⁷.

Из всех правонарушений милиционеров Выборгского и Спасского районов с марта по октябрь выявлен только один случай, подпадающий под категорию тяжких преступлений. 3 мая было подано заявление в комиссариат 3-го Спасского подрайона на служившего в нем милиционера, обвиняемого в изнасиловании двух девушек. Заявление было направлено в юридический отдел¹⁸.

Гораздо чаще встречались преступления средней тяжести, среди них *незаконные обыски, злоупотребления по службе, применение насилия, взяточничество, ограбления, кражи, оскорбления и угрозы со стороны милиционеров, пьянство*.

Случаи незаконных обысков были довольно распространены среди милиционеров. Их проводили не только настоящие преступники, выдававшие себя за милиционеров¹⁹, но и сами милиционеры²⁰. По данным Д. Ю. Ерещенко, «часть “обысков” действительно провела городская милиция, в рядах которой оказались лица с преступными наклонностями»²¹. Такие обыски совершались или вовсе без ордеров, или с подложными ордерами, иногда с применением насилия.

¹² Старцев В. И. Указ. соч. С. 43–44; Мусаев В. И. Указ. соч. С. 19, 21.

¹³ Гутман М. Ю. Правовые основы организации и деятельности милиции Временного правительства, рабочей милиции и Красной гвардии Петрограда (март – октябрь 1917 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 33.

¹⁴ Гутман М. Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны... С. 43.

¹⁵ Хасегава Ц. Преступность и социальный кризис в Петрограде во время русской революции... С. 73.

¹⁶ Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020. С. 831–832.

¹⁷ Требования милиционеров // Вестник городского самоуправления. 1917. № 67 (152). 12 сентября. С. 3.

¹⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 220. Л. 15.

¹⁹ Там же. Д. 190. Л. 23; Аферисты / Происшествия // Вестник городского самоуправления. 1917. № 43 (88). 30 апреля. С. 2.

²⁰ Ерещенко Д. Ю. Указ. соч. С. 146–147, 157.

²¹ Там же. С. 122.

Незаконные обыски проводили милиционеры как городской, так и рабочей милиции. Например, с 26 мая с санкции комиссара рабочие-милиционеры 2-го Выборгского подрайона совершали обыски в квартирах «великобританских подданных с целью отобрания» оружия и патронов, несмотря на имевшиеся у англичан разрешения на хранение оружия, о чем сообщалось в заявлении на имя общественного градоначальника. Уже 31 мая комиссару из Управления начальника Петроградской городской милиции пришло распоряжение сдать отобранное оружие и «предъявить объяснение». 6 июня вновь пришла телеграмма, на этот раз с требованием «немедленно предъявить оружие в Управление», на что помощник комиссара Г. В. Архипкин направил отобранное оружие и резолюцию рабочих Никольской мануфактуры, фабрики Воронина, Лютша и Чешера за подписью начальника фабричной милиции, которые «постановили в числе тысячи человек на общем собрании не возвращать отобранное оружие»²². Однако оружие было все же возвращено законным владельцам.

Еще одна жалоба на незаконный обыск была составлена 3 июня в комиссариате 1-го Выборгского подрайона. Милиционеры обвинялись в том, что явились в ночь на 1 июня в квартиру Г. Тарасенко по Безбородкинскому пр., д. 172/2 с бумагой, выданной комиссаром, за подписью его помощника без печати. Целью обыска являлся пропавший у милиционера Носова револьвер. Как уверял Носов, он пропал у него дома, когда к нему приходил Г. Тарасенко. Револьвер у последнего обнаружен не был, а он сам, помимо заявления в комиссариат, подал жалобу в Управление милиции²³.

23 октября комиссару 1-го Выборгского подрайона поступило заявление о неоднократных незаконных обысках и обходах милиционеров 2-го Выборгского подрайона в гостинице по Финскому переулку, в доме № 4. Старший милиционер в тот же день рапортовал комиссару 1-го Выборгского подрайона о других заявлениях владельцев гостиниц о производимых милиционерами 2-го Выборгского подрайона обысках без разрешения. Владельцы гостиниц просили принять меры²⁴.

Милиционеры Спасского района также совершали незаконные обыски. 28 августа во 2-й Спасский комиссариат был доставлен милиционер 3-го Спасского подрайона Иван Дементьев за обыск без ордера, произведенный в Купеческой гостинице (Апраксин пер., д. 6). Так как Дементьев был солдатом, то его препроводили под расписку в комендантское управление²⁵. 10 октября во 2-й Спасский комиссариат поступило заявление председателя стачечного комитета фармацевтов 4-го городского района М. Корпиза о «неправильных действиях» в женской аптеке Лесневского²⁶. Речь, скорее всего, идет об обыске без ордера.

²² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 275. Л. 8–9, 10–10 об., 11, 12, 15, 16.

²³ Там же. Л. 85–89, 90–90 об.

²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 18. Л. 43, 44, 45.

²⁵ Там же. Оп. 1. Д. 216. Л. 70 об.

²⁶ Там же. Д. 214. Л. 19 об.–20.

Милиционеры проводили обыски и в чужих районах. Например, милиционеры 4-го Спасского подрайона 6 апреля совершили незаконный обыск в Коломенском районе (Екатерининский канал, д. 134, кв. 10). От комиссара 4-го Спасского подрайона начальник Петроградской городской милиции требовал сообщить, на каком основании милиционеры произвели обыск и кто подписал им ордер. Разбирательство затянулось до 7 ноября²⁷, но вопрос так и не был урегулирован.

В переписке комиссаров или их помощников с начальником Петроградской городской милиции также обсуждались действия милиционеров Выборгского района. Как правило, речь шла об отобранных продуктах у граждан (два случая), некоторые из которых писали напрямую начальнику Петроградской городской милиции (один случай)²⁸.

Комиссар 1-го Выборгского подрайона не торопился с ответами. Так, на письма от 7 августа с требованием выяснить, на каком основании были отобраны у граждан продукты, начальник Петроградской городской милиции получил ответ только в октябре. Скорее это не ответ, а отписка: «...особого распоряжения на отобрание не давалось», а «установить личность задержавшего продукты невозможно из-за отсутствия протокола»²⁹.

Превышение должностных полномочий не ограничивалось только незаконным изъятием продуктов. 4 августа милиционер 2-го Выборгского подрайона Сергей Лукьянов (повязка № 34358) украл со стола в комиссариате протокол. Дело направили на распоряжение начальнику Петроградской городской милиции. 5 сентября в 1-м Выборгском подрайоне милиционеры конфисковали партию галош у управляющего фирмы «Парвйайнен», причем в комиссариате составили протокол и направили мировому судье 30-го участка, но, как позже выяснилось, протокол под тем номером был составлен на другого человека по другому происшествию. В конечном счете начальник Петроградской городской милиции распорядился вернуть партию галош законному владельцу, так как никаких оснований для их конфискации не было³⁰. 22 сентября было составлено аналогичное заявление: милиционеры 1-го Выборгского подрайона задержали 10 ящиков бязи, приготовленные для перевозки в имение в Финляндии³¹.

В злоупотреблениях по службе не раз обвинялись и милиционеры 4-го Спасского подрайона. Так, 10 сентября в Управление милиции поступила жалоба от старшего дворника А. П. Козлова (Вознесенский проспект, д. 41). Около двух часов ночи 8 сентября к нему в дом пришли шесть милиционеров, включая комиссара. Милиционеры требовали нести дежурство на улице, а не во дворе, на отказ Козлова милиционеры назвали его корниловцем. На следующую ночь милиционеры явились снова и потребовали от Козлова выйти. Дворник сказался больным, милиционеры

²⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 275. Л. 63, 64, 65, 66.

²⁸ Там же. Д. 274. Л. 43, 46, 47–47 об.

²⁹ Там же. Л. 44.

³⁰ Там же. Д. 63. Л. 44 об., 52–52 об., 53, 54 об.

³¹ Там же. Д. 294. Л. 54.

обозвали его хулиганом и заявили: если не выйдет, «выбросим в окно». Козлов вышел, и милиционеры отвели его в комиссариат. В присутствии комиссара Л. Н. Антипова Козлова избили так, что он «не мог даже на ногах стоять», после чего отправили под арест, где он просидел до пяти утра. 13 сентября в восемь вечера в комиссариат явилась комиссия Союза дворников с требованием объяснить произошедшее. Комиссар объяснил действия милиционеров тем, что якобы те находились в «возбуждённом состоянии»³².

11 сентября комиссар 3-го Казанского подрайона просил начальника Петроградской городской милиции о «производстве надлежащего расследования действий» комиссариата 4-го Спасского подрайона³³. 8 сентября милиционер 3-го Казанского подрайона Абелюнас рапортовал комиссару о незаконных действиях милиции 4-го Спасского района. Вместо того чтобы задержать преступника, милиционер 4-го Спасского подрайона, наоборот, задержал Абелюнаса, не обращая внимания на его удостоверение, и отвел в комиссариат. Комиссар Антипов поручил дежурному старшему милиционеру составить протокол на Абелюнаса, засвидетельствовав показания своего милиционера, но отказавшись от показаний милиционера Абелюнаса. Как подчеркивал последний, незаконные действия милиционеров 4-го Спасского подрайона происходят не в первый раз, ранее в этом комиссариате был уже составлен протокол на милиционера 3-го Казанского подрайона Минакова, доставившего трех воров, которые были отпущены³⁴. Скорее всего, милиционеры и комиссар 4-го Спасского подрайона брали взятки и укрывали воров.

Инспектор 1-го отдела Е. С. Майер поручил расследовать дело старшего дворника Козлова и милиционера 3-го Казанского подрайона Абелюнаса. Комиссар Л. Н. Антипов не стал отрицать факт задержания Козлова и его избиения в комиссариате, однако охарактеризовал избиение как оскорбление действием. В ходе расследования по делу милиционера Абелюнаса выяснилось «странное отношение комиссара к преступным элементам», а также то, что «комиссар не всегда оказывает содействие» милиции других комиссариатов. Заключение по двум делам было следующим: показания комиссара «не могут опровергнуть возводимых на него обвинений», «объяснения комиссара в оправдание допущенного им беззакония едва ли могут быть названы удовлетворительными»³⁵.

Однако никакого решения в отношении действий комиссара Л. Н. Антипова принято не было, и 25 сентября начальнику Петроградской городской милиции от Г. Вериженко поступила новая жалоба на милиционеров 4-го Спасского подрайона, копия которой была направлена прокурору Петроградского

³² Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 5141. Оп. 1. Д. 16. Л. 26–26 об., 27.

³³ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 27. Л. 9.

³⁴ Там же. Л. 10–10 об.

³⁵ ГАРФ. Ф. 5141. Оп. 1. Д. 16. Л. 30.

окружного суда. Суть ее такова: некая гражданка Смирнова незаконно присвоила найденные на улице деньги, а милиционеры сначала отказались провести у нее обыск, а потом, все же проведя его и обнаружив деньги, не стали составлять протокол, а, наоборот, предложили Смирновой составить протокол на Вериженко, который покинул комиссариат «с тяжелым чувством на душе», так как в комиссариате царили «хаос, стадность, крайняя неопытность»³⁶.

Порой милиционеры просто отказывались исполнять свои служебные обязанности. 22 августа в Управление Петроградской городской милиции поступила жалоба на милицию 1-го Выборгского подрайона от рабочих Металлического завода, где была совершена кража бумажника с документами. Рабочие-милиционеры поймали вора, но отпустили его на следующий день. Когда в комиссариат явилась комиссия завода и потребовала снова задержать преступника, милиционеры заявили, что «для Металлического завода они ничего не хотят делать». Несколько дней спустя на завод явились в пьяном виде двое рабочих, были вызваны трое милиционеров, которые снова «посмеиваясь», сказали, что для Металлического завода «ничего делать не хотят и не будут»³⁷.

Отмечены случаи нарушения милиционерами общественного порядка. Так, 1 сентября в комиссариате 3-го Выборгского подрайона был составлен протокол на милиционеров 2-го Выборгского подрайона А. Смигельского и Р. Савельева за задержку трамвая и беспорядок. Виновных препроводили к мировому судье 4-го участка³⁸.

Выявлено четыре случая, когда милиционеры Спасского района незаконно применяли в отношении граждан силу (три случая относятся ко 2-му, а один — к 3-му Спасским подрайонам). На милиционеров составляли протоколы за побои³⁹, угрозы револьвером⁴⁰, «нанесение оскорбления действием». Виновных направили в арестный дом до распоряжения начальника Петроградской городской милиции⁴¹.

3 октября рабочие-милиционеры 1-го Выборгского подрайона избили двух задержанных⁴². В тот же день произошел конфликт между рабочей милицией 1-го и 2-го Выборгских подрайонов. Милиционерами 2-го Выборгского подрайона в комиссариат за получение взятки в 10 рублей от пьяного солдата (чтобы его отпустили) был доставлен коллега из 1-го Выборгского подрайона И. Котович (повязка № 5077)⁴³. Котович отрицал факт взятки и утверждал, что ему подкинул в карман деньги милиционер 2-го Выборгского подрайона.

³⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 276. Л. 46–49.

³⁷ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 10а.

³⁸ Там же. Оп. 1. Д. 191. Л. 1 об.

³⁹ Там же. Д. 217. Л. 38.

⁴⁰ Там же. Д. 218. Л. 1 об., 8.

⁴¹ Там же. Д. 216. Л. 87 об., 54 об.

⁴² Там же. Д. 61. Л. 6 об.

⁴³ Там же. Оп. 4. Д. 7. Л. 91–92.

Из рапорта караульного начальника В. Михайлова от 5 октября следует, что он с двумя милиционерами отправился в комиссариат 2-го Выборгского подрайона разобраться в происшествии. Как выяснилось, Котович был взят с поста на Финском переулке, доставлен в комиссариат 2-го Выборгского подрайона и там «страшно избит». После составления протокола Котовича отпустили, однако, как указывал Михайлов, ему потребовалась медицинская помощь, он не мог даже идти⁴⁴. В изложении кадетской газеты «Речь» эпизод выглядел несколько иначе: Котович с товарищами задержал троих пьяных и потребовал с них выкуп за освобождение. Однако задержанными оказались милиционеры 2-го Выборгского подрайона, лишь «симулировавшие пьяных». Они, в свою очередь, арестовали Котовича и его коллег⁴⁵.

Еще одним видом правонарушений, совершаемых милиционерами, было взяточничество. В сентябре милиционеры Роткус и Ревитцер «производили поборы с уголовного элемента»⁴⁶, получая около 30 % от карманников⁴⁷. Оба обвинялись в получении взяток от карманных воров⁴⁸. Ранее милиционер Роткус обвинялся в присвоении чужой солдатской формы, за что 31 августа был задержан и уволен со службы по распоряжению комиссара⁴⁹, т. е. за две недели Роткус был уличен в правонарушениях дважды.

Кроме того, встречались случаи, когда милиционеры 2-го Спасского подрайона самолично отпускали задержанных⁵⁰ или заключенные сбегали из-за халатности или небрежности милиционеров⁵¹. За такого рода халатность были уволены два милиционера 2-го Выборгского подрайона⁵². Можно предположить, что за это они получали вознаграждение от преступного элемента.

В «Петроградском листке» от 15 (28) сентября фигурируют два милиционера 1-го Выборгского подрайона, которые обвинялись в вымогательстве: угрожая оружием они потребовали от дворника крупную сумму денег⁵³. В первых числа октября за взяточничество были задержаны рабочие-милиционеры 1-го Выборгского подрайона А. Кулиш (повязка № 5144) и Н. Перепелкин (повязка № 5188). Кулиш был препровожден в Петроградскую часть, а дело направлено судебному следователю 17-го участка. По делу Перепелкина

⁴⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 7. Л. 96–97, 99–99 об.

⁴⁵ Прodelки милиционеров / Происшествия // Речь. 1917. № 234. 5 октября. С. 5.

⁴⁶ Ереценко Д. Ю. Указ. соч. С. 146.

⁴⁷ Наши милиционеры / Что с кем случилось // Живое слово. 1917. № 100 (454). 17 сентября. С. 4; Арест милиционеров / Дневник происшествий // День. 1917. № 166 (16125). 17 сентября. С. 3.

⁴⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 217. Л. 25.

⁴⁹ Там же. Д. 216. Л. 71 об.

⁵⁰ Там же. Д. 218. Л. 9 об.

⁵¹ Массовый побег арестованных / Дневник происшествий // День. 1917. № 160 (16119). 25 августа. С. 3.

⁵² Приказ по Петроградской городской милиции № 48 // Вестник городского самоуправления. 1917. № 66 (151). 10 сентября. С. 2.

⁵³ Наши милицейские / Что вчера случилось? // Петроградский листок. 1917. № 222. 15 (28) сентября. С. 4.

провели дополнительное расследование, а сам милиционер был отпущен из-под стражи⁵⁴. Вероятно, он не совершал инкриминируемого ему правонарушения.

Совершали сотрудники милиции и грабежи. Так, в августе милиционер 1-го Спасского подрайона Бирюков, находясь на посту, отобрал бумажник у «финляндского уроженца». Бирюков был отстранен от службы⁵⁵. 12 октября милиционер 1-го Выборгского подрайона И. Ходаренко был обвинен в ограблении гражданина Константинова. Дело передали судебному следователю 17-го участка. Ходаренко был отстранен от исполнения обязанностей⁵⁶.

Еще одним видом правонарушений, совершаемых сотрудниками милиции, были кражи. Известны случаи, когда кражи совершались прямо в комиссариатах или друг у друга⁵⁷. Так, 11 июня служащий канцелярии 3-го Спасского комиссариата Е. Пардоне украл 3568 руб., которые помощник комиссара поручил ему передать в 20-й Временный суд. Деньги принадлежали задержанному Шнейдеру. О случившемся было доложено начальнику Петроградской городской милиции, даны телеграммы во все комиссариаты, и велась переписка комиссара с инспектором милиции. Как отмечал комиссар, Пардоне «до этого хищения был аккуратным и исполнительным служащим и пользовался доверием всего комиссариата». Пардоне задержали и отправили в Выборгскую одиночную тюрьму⁵⁸. Милиционер В. Арнаутов, студент 28 лет, того же подрайона украл 500 руб. и два кошелька «с серебряной монетой» у помощника комиссара Шарикова. Арнаутов деньги «прокутил и истратил на кокаин», после чего сдался инспектору уголовного бюро. Это была уже не первая кража милиционера: в дни революции он заступил на службу в 1-й Василеостровский подрайон, где украл 1700 руб.⁵⁹. В 1-м Спасском подрайоне в комиссариате милиционер В. Утко украл у женщины шарф. Милиционер был уволен, протокол от 11 августа был направлен мировому судье 2-го участка⁶⁰.

Милиционеры не гнушались обворовывать находящихся в нетрезвом состоянии людей, которых доставляли в комиссариаты для вытрезвления⁶¹. Как следует из жалобы от 9 августа начальнику Петроградской городской милиции Г. П. Куликова, которого 29 июля в нетрезвом виде препроводили в комиссариат 1-го Выборгского подрайона, у него при себе имелось 976 руб. 16 коп., на следующий день после вытрезвления он получил — 534 руб. 16 коп.

⁵⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 61. Л. 1 об. – 2, 3 об.

⁵⁵ Арест б[ывшего] милиционера / Происшествия // Речь. 1917. № 196. 22 августа. С. 5.

⁵⁶ ЦГА СПб. Оп. 1. Д. 61. Л. 24 об. – 25.

⁵⁷ *Ереценко Д. Ю.* Указ. соч. С. 146.

⁵⁸ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 3. Д. 26. Л. 17–17 об.; Арест милиционера // Речь. 1917. № 128. 3 июня. С. 6.

⁵⁹ Милиционер сам себя арестовавший // Живое слово. 1917. № 49 (402). 2 июля. С. 3.

⁶⁰ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 212. Л. 21 об.

⁶¹ Приказ по Петроградской городской милиции № 32 // Вестник городского самоуправления. 1917. № 42 (127). 10 августа. С. 1.

Куликов обвинял милицию, которая должна «охранять, а не расхищать», в краже и просил расследовать дело, чтобы он мог получить «свои трудовые гроши, добытые долгими годами» на черный день⁶².

Имеются сведения о грубом отношении к населению со стороны милиции⁶³. Однако случаев оскорблений и угроз со стороны милиционеров выявлено всего три, и все они относятся к милиции Спасского района. За оскорбление на милиционеров составляли протокол и направляли во Временный суд⁶⁴.

Одним из частых правонарушений среди милиционеров являлось пьянство⁶⁵, сопровождавшееся порой стрельбой по людям. Милиционеров задерживали как сослуживцы, так и милиционеры из других районов Петрограда; приводили их в комиссариаты, составляли протоколы. Дела направлялись во временные суды, после их упразднения в июле — мировым судьям, а иногда дело передавалось Совету милиционеров. Надо отметить, что большинство виновных освобождались от службы. О пьянстве как среди рабочих-милиционеров Выборгского района, так и среди милиционеров городской милиции Спасского района упоминает в своей статье А. Б. Николаев⁶⁶.

Случаев задержания пьяных милиционеров довольно много, по большей части они относятся к рабочей милиции Выборгского района. Так, в апреле за пьянство был задержан и доставлен в комиссариат милиционер 1-го Выборгского подрайона Филатов (повязка № 3527)⁶⁷. 3 мая милиционер 2-го Выборгского подрайона Жарков в нетрезвом состоянии устроил скандал в квартире и угрожал жене. Жарков был временно отстранен от должности, дело передали Совету милиционеров⁶⁸. В суточном рапорте 2-го Спасского подрайона за 10–11 мая имеется запись о милиционере Носове (повязка № 15006), задержанном за нарушение тишины и воспрепятствовавшего задержанию дежурным милиционером неизвестного гражданина. Составленный акт был направлен в 9-й Временный суд⁶⁹. 3 июня был задержан милиционер 1-го Выборгского подрайона А. А. Кулиш (повязка № 22893), находящийся в нетрезвом виде и продававший папиросы «в пользу раненых». 9 июня за пьянство задержали еще одного милиционера того же подрайона⁷⁰.

19 июля в комиссариат 3-го Выборгского подрайона был доставлен в нетрезвом виде милиционер 1-го Выборгского подрайона Ф. Ф. Рулев (повязка № 22554), который находясь на посту у Пяти углов по Безбородкинскому проспекту,

⁶² ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 9. Л. 103–103 об.

⁶³ Аксенов В. Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 40.

⁶⁴ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 220. Л. 17; Д. 216. Л. 65 об.; Д. 225. Л. 5 об., 6.

⁶⁵ Ереценко Д. Ю. Указ. соч. С. 148, 157.

⁶⁶ Николаев А. Б. Милиционеры перед Временным судом. С. 62.

⁶⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 4. Д. 11. Л. 18.

⁶⁸ Там же. Оп. 1. Д. 63. Л. 9.

⁶⁹ Там же. Д. 216. Л. 88 об.

⁷⁰ Там же. Оп. 4. Д. 11. Л. 3–3 об., 4.

произвел выстрел; Рулев заявил, что «выстрелил нечаянно». У него отобрали револьвер, составили протокол и препроводили к комиссару 1-го Выборгского подрайона⁷¹.

7 августа в комиссариат 2-го Выборгского подрайона милиционером 3-го Петроградского подрайона был доставлен милиционер Н. Ширяев (повязка № 34572), обвиняемый в пьянстве и неуплате денег за чай. Ширяев был «удален от должности», дело направили в суд⁷². 9 августа был задержан в нетрезвом виде П. Родионов, милиционер 3-го Спасского подрайона, находящийся не при исполнении служебных обязанностей. Родионов был уволен со службы⁷³. В 1-м Адмиралтейском подрайоне составили протокол на милиционера 1-го Спасского подрайона И. Баркова за буйство в чайной в д. 15 по набережной р. Мойки. Барков был отстранен от должности, а протокол направлен мировому судье⁷⁴.

23 сентября начальник Петроградской городской милиции направил письмо комиссару 2-го Выборгского подрайона. В письме говорилось о нарушении статей 42/2 и 47 «Устава о наказаниях» милиционером 2-го Выборгского подрайона Б. Симиным, из-за которых требовалось «уволить его от службы»⁷⁵. В указанных статьях говорилось о наказаниях «за публичное распитие крепких напитков», «за устройство, без надлежащего разрешения, публичной лотереи, за недозволенную законом раздачу билетов иностранной лотереи»⁷⁶. 24 октября в Большеохтенском подрайоне задержали милиционера 3-го Выборгского подрайона Я. Французова (повязка № 1167) за скандал в чайной в пьяном виде. При задержании Французов оказал вооруженное сопротивление. Милиционер был отстранен от службы «до распоряжения», по делу был составлен протокол⁷⁷.

13 сентября комиссар 2-го Выборгского подрайона Г. В. Архипкин докладывал об увольнении двоих милиционеров: одного (Н. Кураева) — за пьяный вид на посту и за угрозы оружием жителям; второго — за отсутствие на посту. На Кураева был составлен протокол и направлен в суд⁷⁸.

9 октября на углу Невского проспекта и Екатерининской улицы милицией 1-го Спасского подрайона за буйство был задержан милиционер 2-го Спасского подрайона П. Зайцев (повязка № 1735)⁷⁹. На следующий день на уже бывшего, как указано в рапорте, милиционера Зайцева, вновь составили протокол за пьянство и направили его начальнику Петроградской городской милиции⁸⁰.

⁷¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 190. Л. 36 об.

⁷² Там же. Д. 63. Л. 45 об.

⁷³ Там же. Д. 220. Л. 99 об.

⁷⁴ Там же. Д. 212. Л. 14 об.

⁷⁵ Там же. Д. 279. Л. 31.

⁷⁶ Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями: издание 1914 года: с приложением мотивов и извлечений из решений кассационных департаментов Правительствующего Сената / изд. Н. С. Таганцевым. 22-е изд., , доп. Пг., 1914.. С. 167, 177.

⁷⁷ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 192. Л. 46 об. – 47.

⁷⁸ Там же. Д. 239. Л. 106.

⁷⁹ Там же. Д. 214. Л. 17 об. – 18.

⁸⁰ Там же. Д. 218. Л. 17.

25 октября на Антоновской улице возле дома № 15 задержали милиционера 1-го Выборгского подрайона И. Тихомирова (повязка № 5161), выстрелившего в пьяном виде на улице. Милицией 3-го Выборгского подрайона Тихомиров был обезоружен и доставлен в комиссариат, где на него составили протокол. Копию протокола, отобранный револьвер, кобуру, а также самого Тихомирова доставили в комиссариат 1-го Выборгского подрайона; протокол направили начальнику Петроградской городской милиции⁸¹.

Нельзя не упомянуть о правонарушениях, совершенных бывшими милиционерами. После отстранения от службы они обязаны были сдать оружие и удостоверение в комиссариат, однако не все выполняли это требование. Свое оружие и удостоверение не сдал рабочий-милиционер 1-го Выборгского подрайона А. К. Казимиров, задержанный 27 июля милицией 3-го Выборгского подрайона. У него отобрали две винтовки, повязку и удостоверение за № 37900. В комиссариате 3-го Выборгского подрайона был составлен протокол; оружие и документы отправлены в комиссариат 1-го Выборгского подрайона⁸². 9 октября бывший милиционер Бучинский, уволенный 5 октября общим собранием милиционеров за «продолжительную неявку на службу», пытался продать казенный револьвер системы Нагана⁸³.

За нетрезвый вид 26 августа был задержан и отправлен в комендантское управление бывший милиционер 2-го Спасского подрайона С. Богданов, рядовой электротехнической команды⁸⁴. 3 сентября милиция 3-го Выборгского подрайона спасла от разъяренной толпы бывшего милиционера 1-го Выборгского подрайона Мурашкина, которого народ пытался утопить в Неве, так как «пьяный Мурашкин тяжело ушиб трехлетнюю девочку»⁸⁵. В комиссариате Мурашкин «продолжал буйствовать», из-за чего ему связали руки и оставили при комиссариате⁸⁶, скорее всего, до вытрезвления.

Бывшие милиционеры также совершали кражи. Уволенный от службы 15 сентября милиционер 1-го Выборгского подрайона Ешунин уже 18 сентября был пойман в 3-м Выборгском подрайоне вместе с тремя сообщниками. Вооруженные револьверами и кинжалами, они проникли в квартиру дома № 3 по проспекту Петра Великого⁸⁷. В сентябре о воровстве бывшего милиционера 2-го Спасского подрайона писал «Петроградский листок»⁸⁸.

Заключение. В общей сложности за март – октябрь 1917 г. удалось выявить 62 правонарушения, совершенных милиционерами: действующими сотрудниками

⁸¹ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Оп. 4. Д. 6а. Л. 75.

⁸² Там же. Оп. 1. Д. 190. Л. 44 об.

⁸³ Там же. Оп. 4. Д. 6а. Л. 60.

⁸⁴ Там же. Д. 216. Л. 69 об.

⁸⁵ Предупрежденный самосуд // День. 1917. № 155 (16114). 5 сентября. С. 4.

⁸⁶ ЦГА СПб. Ф. 131. Оп. 1. Д. 191. Л. 4 об.

⁸⁷ Милиционер — атаман шайки бомбистов // Петроградский листок. 1917. № 225. 19 сентября (2 октября). С. 4; Нападение бомбистов // Речь. 1917. № 220. 19 сентября. С. 5.

⁸⁸ Убийство милиционера-грабителя // Петроградский листок. 1917. № 217. 9 (22) сентября. С. 4.

правоохранительных органов являлись 56 человек, бывшими — шесть. Рабочей милицией Выборгского района было совершено 31 противоправное действие, городской милицией Спасского района — 25. Похожая статистика и по бывшим сотрудникам милиции. В Выборгском районе они совершили четыре правонарушения, в то время как их коллеги, уволенные из рядов милиции Спасского района, — всего два. Наиболее криминогенный подрайон также относился к Выборгскому району. В его 1-м подрайоне было совершено 20 правонарушений. В худшем, 2-м подрайоне Спасского района — всего 10. Казалось бы, это красноречиво свидетельствует о несколько лучшем в целом кадровом составе городской милиции, по сравнению с рабочей. Однако наиболее благополучными в криминогенном отношении стал 3-й подрайон Выборгского района (всего одно правонарушение), в Спасском районе лучший 1-й подрайон уступал (3 правонарушения). Как видим, в этом случае говорить о качественном превосходстве городской милиции над рабочей не приходится.

Литература

1. Аксенов В. Б. Милиция и городские слои в период революционного кризиса 1917 года. Проблемы легитимности // Вопросы истории. 2001. № 8. С. 36–50.
2. Аксенов В. Б. Повседневная жизнь Петрограда и Москвы в 1917 году: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 231 с.
3. Аксенов В. Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М.: НЛЮ, 2020. 992 с.
4. Баранов В. В. Организационно-правовые основы деятельности народной милиции Временного правительства России в 1917 году: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 170 с.
5. Гутман М. Ю. Милиция Петрограда и Петроградской губернии в годы революции и гражданской войны в России (1917–1920): монография. СПб.: Университет, 2002. 317 с.
6. Гутман М. Ю. Правовые основы организации и деятельности милиции Временного правительства, рабочей милиции и Красной гвардии Петрограда (март – октябрь 1917 г.) // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2007. № 4 (36). С. 32–43.
7. Гутман М. Ю. Становление и деятельность милиции Петрограда и Петроградской губернии в период революций и гражданской войны в России, февраль 1917–1920 гг.: историко-правовое исследование: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2002. 421 с.
8. Ерещенко Д. Ю. Преступность в Петрограде в 1914–1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2003. 202 с.
9. Милованова Л. В. Гражданская милиция в 1917 году: историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 165 с.
10. Мусаев В. И. Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб.: Дмитрий Буланин, 2001. 208 с.
11. Мюррей Ф. Милиция во время Русской революции в 1917 г.: концепции и сравнения // Эпоха войн и революций: 1914–1922: материалы международного colloquium (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.). СПб.: Нестор-История, 2017. С. 112–124.

12. Николаев А. Б. Временные суды в Петрограде (март – июль 1917 г.): взлет и падение // Эпоха войн и революций: 1914–1922: материалы международного коллоквиума (Санкт-Петербург, 9–11 июня 2016 г.). Санкт-Петербург: Нестор-История, 2017. С. 87–99.

13. Николаев А. Б. К вопросу о составе районных уполномоченных Петроградской городской милиции (28 февраля 1917 года) // Герценовские чтения 2015. Актуальные проблемы русской истории. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2016. С. 178–195.

14. Николаев А. Б. Корнет А. А. Мезенцев — начальник Конной милиции Петрограда (март – май 1917 г.) // Петербургские военно-исторические чтения: сб. науч. ст. XII Всероссийской научной конференции (С.-Петербург, 18 марта 2016 г.) / отв. ред. и сост. А. Б. Николаев. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 141–150.

15. Николаев А. Б. Милиционеры перед Временным судом (Петроград, март – июль 1917 г.) // Революция 1917 года в России: новые подходы и взгляды: сб. науч. ст. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2017. С. 60–74.

16. Старцев В. И. Очерки по истории Петроградской Красной гвардии и рабочей милиции (март 1917 – апрель 1918). М.; Л.: Наука, 1965. 310 с.

17. Хасегава Ц. Преступность и социальный кризис в Петрограде во время русской революции: март – октябрь 1917 г. // Россия в 1917 году. Новые подходы и взгляды. СПб.: Третья Россия, 1994. Вып. 3. С. 72–79.

18. Rex W. Red guards and workers' militias in the Russian Revolution. Stanford, California: Stanford University Press, 1984. 391 p.

19. Smith S. A. Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928. Oxford: Oxford University Press, 2017. 455 p.

20. Hasegawa T. The formation of the militia in the February Revolution: an aspect of the origins of dual power // Slavic Review. 1973. Vol. 32. № 2. P. 303–322.

21. Hasegawa T. Crime and punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2017. 367 p.

References

1. Aksenov V. B. Militiia i gorodskie sloi v period revoliutsionnogo krizisa 1917 goda. Problemy legitimnosti [Militia and urban strata during the revolutionary crisis of 1917. Legitimacy issues] // Voprosy istorii. 2001. № 8. P. 36–50. (In Russ.).

2. Aksenov V. B. Povsednevnaia zhizn' Petrograda i Moskvy v 1917 godu [Everyday life in Petrograd and Moscow in 1917]: dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2002. 231 p. (In Russ.).

3. Aksenov V. B. Slukhi, obrazy, emotsii. Massovye nastroyeniia rossiian v gody voiny i revoliutsii (1914–1918) [Rumors, images, emotions. Mass sentiments of the Russians during the years of war and revolution (1914–1918)]. Moscow: NLO, 2020. 992 p. (In Russ.).

4. Baranov V. V. Organizatsionno-pravovye osnovy deiatel'nosti narodnoi militsii Vremennogo pravitel'stva Rossii v 1917 godu [Organizational and legal foundations of the activities of the people's militia of the Provisional Government of Russia in 1917]: dis. ... kand. iurid. nauk. Moscow, 1993. 170 p. (In Russ.).

5. Gutman M. Iu. Militiia Petrograda i Petrogradskoi gubernii v gody revoliutsii i grazhdanskoi voiny v Rossii (1917–1920) [Militia of Petrograd and Petrograd Governorate

during the years of the Revolution and the Civil War in Russia (1917–1920)]: monografiia. St. Petersburg: Universitet, 2002. 317 p. (In Russ.).

6. Gutman M. Iu. Pravovye osnovy organizatsii i deiatel'nosti militsii Vremenno-go pravitel'stva, rabochei militsii i Krasnoi gvardii Petrograda (mart – oktiabr' 1917 g.) [Legal foundations for the organization and activities of the militia of the Provisional Government, the workers' militia and the Red Guard of Petrograd (March – October 1917)] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii. 2007. № 4 (36). P. 32–43. (In Russ.).

7. Gutman M. Iu. Stanovlenie i deiatel'nost' militsii Petrograda i Petrogradskoi gubernii v period revoliutsii i grazhdanskoi voiny v Rossii, fevral' 1917–1920 gg.: istoriko-pravovoe issledovanie [Formation and activity of the police of Petrograd and Petrograd province during the revolutions and Civil War in Russia, February 1917–1920. Historical and legal research]: dis. ... d-ra iurid. nauk. St. Petersburg, 2002. 421 p. (In Russ.).

8. Ereshchenko D. Iu. Prestupnost' v Petrograde v 1914–1917 gg. [Crime in Petrograd in 1914–1917]: dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2003. 202 p. (In Russ.).

9. Milovanova L. V. Grazhdanskaia militsiia v 1917 godu: istoriko-pravovoi aspekt [Civil militia in 1917. Historical and legal aspect]: dis. ... kand. iurid. nauk. Moscow, 2004. 165 p. (In Russ.).

10. Musaev V. I. Prestupnost' v Petrograde v 1917–1921 gg. i bor'ba s nei [Crime in Petrograd in 1917–1921 and fight against it]. St. Petersburg: Dmitrii Bulanin, 2001. 208 p. (In Russ.).

11. Miurrei F. Militsiia vo vremia Russkoi revoliutsii v 1917 g.: kontseptsii i sravneniia [Militia during the Russian Revolution in 1917: concepts and comparisons] // Epokha voin i revoliutsii: 1914–1922: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (St. Petersburg, 9–11 iyunia 2016 goda). St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017. P. 112–124. (In Russ.).

12. Nikolaev A. B. Vremennye sudy v Petrograde (mart – iul' 1917 g.): vzlet i padenie [Provisional courts in Petrograd (March – July 1917): Rise and fall] // Epokha voin i revoliutsii: 1914–1922: materialy mezhdunarodnogo kollokviuma (St. Petersburg, 9–11 iyunia 2016 goda). St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017. P. 87–99. (In Russ.).

13. Nikolaev A. B. K voprosu o sostave raionnykh upolnomochennykh Petrogradskoi gorodskoi militsii (28 fevralia 1917 goda) [On the issue of the staff of district commissioners in the Petrograd city militia (February 28, 1917)] // Gertsenovskie chteniia 2015. Aktual'nye problemy russkoi istorii. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2016. P. 178–195. (In Russ.).

14. Nikolaev A. B. Kornet A. A. Mezentsev — nachal'nik Konnoi militsii Petrograda (mart – mai 1917 g.) [Kornet A. A. Mezentsev — the head of the horse police of Petrograd (March – May 1917)] // Peterburgskie voenno-istoricheskie chteniia: sb. nauch. st. XII Vserossiiskoi nauchnoi konyerentsii (St. Petersburg, 18 marta 2016 g.) / otv. red. i sost. A. B. Nikolaev. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. P. 141–150. (In Russ.).

15. Nikolaev A. B. Militsionery pered Vremennym sudom (Petrograd, mart – iul' 1917 g.) [Policemen in front of the Provisional Court (Petrograd, March – July 1917)] // Revoliutsiia 1917 goda v Rossii: novye podkhody i vzgliady: sb. nauch. st. St. Petersburg: RGPU im. A. I. Gertsena, 2017. P. 60–74. (In Russ.).

16. Startsev V. I. Ocherki po istorii Petrogradskoi Krasnoi gvardii i rabochei militsii (mart 1917 – aprel' 1918) [Essays on the history of the Petrograd Red Guard and the workers' militia (March 1917 – April 1918)]. Moscow; Leningrad: Nauka, 1965. 310 p. (In Russ.).

17. Khasegava Ts. Prestupnost' i sotsial'nyi krizis v Petrograde vo vremia russkoi revoliutsii: mart – oktiabr' 1917 g. [Crime and social crisis in Petrograd during the Russian Revolution: March – October 1917] // Rossiia v 1917 godu. Novye podkhody i vzgliady. St. Petersburg: Tret'ia Rossiia, 1994. Вып. 3. P. 72–79. (In Russ.).
18. Rex W. Red guards and workers' militias in the Russian Revolution. Stanford, California: Stanford University Press, 1984. 391 p.
19. Smith S. A. Russia in revolution: an empire in crisis, 1890 to 1928. Oxford: Oxford University Press, 2017. 455 p.
20. Hasegawa T. The formation of the militia in the February Revolution: an aspect of the origins of dual power // Slavic Review. 1973. Vol. 32. № 2. P. 303–322.
21. Hasegawa T. Crime and punishment in the Russian Revolution. Mob Justice and Police in Petrograd. Cambridge, Mass.; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2017. 367 p.

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.07

Токарева Елена Анатольевна

кандидат исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
tokarev-elena@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3551-2375

Полтавец Ирина Александровна

аспирант
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
pia@duma.mos.ru; ORCID: 0009-0006-5953-5554

К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ СУДЕБ БОЙЦОВ МОСКОВСКОГО НАРОДНОГО ОПОЛЧЕНИЯ

Аннотация. В статье на основе впервые введенных в научный оборот архивных документов Государственного архива новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО) рассмотрены судьбы бойцов Московского народного ополчения. В ходе проведения исследования удалось установить имена московских ополченцев, оказавшихся в окружении и примкнувших впоследствии к партизанскому движению в Смоленской области.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Московское народное ополчение, Вяземское окружение 1941 года, партизанское движение.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.07

Tokareva Elena A.

Candidate of Historical Sciences, Professor

Moscow City University

Moscow, Russia

tokarev-elena@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-3551-2375

Poltavets Irina A.

Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

pia@duma.mos.ru; ORCID: 0009-0006-5953-5554

**TO THE QUESTION OF THE STUDY OF THE FATES
OF THE FIGHTERS OF THE MOSCOW PEOPLE'S MILITIA**

Abstract. Annotation. In the article, on the basis of the archival documents of the State Archive of Recent History of the Smolensk Region (GANISO), introduced into scientific circulation for the first time, the fate of the fighters of the Moscow people's militia is considered. In the course of the study, it was possible to establish the names of the Moscow militias who found themselves surrounded and subsequently joined the partisan movement in the Smolensk region.

Keywords: Great Patriotic War, Moscow people's militia, Vyazemsky encirclement in 1941, partisan movement.

Введение. История Московского народного ополчения 1941 г. долгое время замалчивалась из-за огромных потерь. Из 12 дивизий, сформированных в Москве в июле 1941 г., пять погибли уже в октябре. По политическим причинам в советский период серьезные исторические исследования не проводились и вопросы потерь личного состава и просчетов командования не поднимались. В постсоветский период ситуация изменилась: для исследования стали доступны ранее закрытые архивные документы. Однако многие из них были утрачены или уничтожены еще во время войны. Сохранившиеся же находятся в различных государственных и личных архивах, а также в музейных фондах, что затрудняет работу над темой. Некоторые документы до сих пор находятся под грифом «Секретно».

В 2015 г. Московская городская дума инициировала программу памяти Московского народного ополчения. Ее задачей стало восстановление исторической справедливости о подвиге героев-ополченцев, их роли в защите Москвы. Это потребовало большой многолетней работы в разных направлениях: законодательном, научно-исследовательском, издательском, просветительском и других. Более 50 организаций участвуют в программе, к исследованиям подключены как профессиональные историки, так и исследователи-любители. Тем не менее в фундаментальных исторических исследованиях по-прежнему ощущается серьезный недостаток архивных данных.

Для москвичей формирование дивизий Московского народного ополчения началось 3 июля 1941 г. с радиообращения председателя СНК СССР и председателя ГКО СССР И. В. Сталина к советскому народу после начала Великой Отечественной войны, в котором говорилось о необходимости создания армий народного ополчения «в каждом городе, которому угрожает опасность нашествия врага»¹.

В Москве вопрос организационных мероприятий, направленных на формирование дивизий народного ополчения (ДНО), начал прорабатываться на официальном уровне еще в ночь на 2 июля 1941 г. на совещании ЦК ВКП (б). За ним последовали совещания в Московском горкоме и райкомах партии. По воспоминаниям участников совещания, оно было коротким, проводилось в формате беседы непосредственно с заместителем председателя СНК СССР В. М. Молотовым. В ходе него были намечены сроки формирования частей ДНО, после чего участники совещания отправились в свои райкомы, а стенограмма совещания немедленно была разослана руководителям парткомов и предприятий.

Днем 2 июля 1941 г. вышло Постановление № 173 Военного совета Московского военного округа «О добровольной мобилизации трудящихся Москвы и Московской области в дивизии народного ополчения»². Данный документ впоследствии послужил основой для Постановления Государственного комитета обороны № 10 от 4 июля 1941 г.³

Москва и Ленинград первыми приступили к формированию дивизий народного ополчения⁴. В столичном регионе планировалось мобилизовать 270 тыс. человек (200 тыс. из Москвы и 70 тыс. из Московской области) для создания 25 дивизий (по одной от каждого района столицы). Руководство мобилизацией было возложено на командующего Московским военным округом (МВО), генерал-лейтенанта П. А. Артемьева. В помощь командованию МВО была создана чрезвычайная комиссия, включившая в себя секретарей обкома и горкома ВКП (б), областного и городского комитетов ВЛКСМ и других ответственных руководителей.

К концу первой декады июля командование МВО сформировало «летние» (сформировавшиеся летом 1941 г.) дивизии Московского народного ополчения, сократив число формируемых дивизий до 12 общей численностью

¹ Выступление по радио председателя Государственного комитета обороны И. В. Сталина с обращением к народу // Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Российской Федерации: сайт. URL: <https://unikdoc.rusarchives.ru/0872-2022-vystuplenie-ro-radio-predsedatelya-gosudarstvennogo-komiteta-oborony-stalina-s-obrashcheniem> (дата обращения: 03.06.2023).

² Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф. 3. Оп. 52. Д. 40. Л. 1–3.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 644. Оп. 2. Ед. хр. 1. Л. 110–112.

⁴ РЦХИДНИ. Ф. 3. Оп. 52. Д. 40. Л. 1–3.

140 тыс. человек, из которых 20 тыс. были ополченцами Подмосковья. Дивизии представляли следующие районы Москвы:

Порядковый номер дивизии народного ополчения	Район Москвы
Первая	Ленинский
Вторая	Сталинский
Четвертая	Куйбышевский
Пятая	Фрунзенский
Шестая	Дзержинский
Седьмая	Бауманский
Восьмая	Краснопресненский
Девятая	Кировский
Тринадцатая	Ростокинский
Семнадцатая	Москворецкий
Восемнадцатая	Ленинградский
Двадцать первая	Киевский

Социальный состав дивизий был разнообразен: рабочие, колхозники, служащие, научно-техническая и творческая интеллигенция, писатели, артисты, художники, студенты, преподаватели, ученые. Возрастной состав в массе своей допризывного (17 лет и младше) и непризывного возраста (от 1904 года рождения и старше).

Ополченцы не считались военнослужащими, на них не распространялись положенные военным льготы, а на своих предприятиях и в организациях ополченцы считались «убывшими в служебную командировку в народное ополчение» и за ними сохранялся средний заработок по месту работы⁵. Такой статус также осложняет исследования по выяснению судеб ополченцев. Предприятия, отправлявшие своих сотрудников в ополчение, в постсоветский период в большинстве своем перестали существовать, а вместе с ними и их архивы. В районные военкоматы списки рядового состава в полном объеме так и не поступили, поэтому до сих пор исследователи не имеют полных сведений о мобилизации в ДНО.

В Центральном государственном архиве Москвы имеется отчет о деятельности в период Отечественной войны военного отдела МГК ВКП (б)⁶, содержащий итоговые цифры о количестве москвичей, вступивших в народное ополчение. Это один из ориентиров для исследователей, собирающих поименный список личного состава дивизий Московского народного ополчения.

⁵ См.: Постановление от 9 апреля 1942 г. № ГКО-1567с о порядке денежного обеспечения лиц, вступивших в народное ополчение, истребительные батальоны и партизанские отряды, мобилизованных на оборонные работы и призванных в формирования МПВО (Местной противовоздушной обороны) // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф. 4. Оп. 11. Д. 70. Л. 132–134.

⁶ Центральный государственный архив города Москвы (ЦГАМ). Ф. П-3. Оп. 52. Д. 40. Л. 1–3.

Изначально планировалось использовать ополченцев на строительстве оборонительных линий, охране тыла и поимке диверсантов. Однако уже в июле 4-я и 6-я дивизии народного ополчения приняли участие в боевых действиях во время строительства Ржевско-Вяземского оборонительного рубежа. Несмотря на явно недостаточную подготовку, слабое вооружение и отсутствие боевого опыта (о чем докладывало руководство Московского военного округа), ополченцы мужественно сражались с превосходящими силами врага. В начале октября 1941 г. они смогли на несколько дней остановить наступление сил вермахта восточнее Вязьмы, что позволило Ставке Верховного главнокомандования подтянуть войска к Можайской линии обороны. Боевые потери ополченцев исчислялись тысячами, немногие из них смогли выйти из окружения или примкнуть к партизанам, судьбы же большинства бойцов Московского народного ополчения нам неизвестны — они пропали без вести⁷.

Ход и результаты исследования. Существенной проблемой в установлении судеб ополченцев является отсутствие полноценного списка личного состава дивизий народного ополчения. Данных списков нет ни в ЦАМО, ни в районных военкоматах. Связано это с принципом формирования дивизий, гибелью архивов предприятий, с которых уходили ополченцы, а также уничтожением документов при попытке выхода из окружения. Например, список личного состава 7-й ДНО Бауманского района города Москвы хранился в сейфе первого секретаря райкома партии А. М. Чистякова и был им уничтожен в октябре 1941 г. Восстановление списков личного состава дивизий народного ополчения — предмет отдельного исследования автора.

Остается невыясненной судьба почти половины москвичей: 49,5 %, или 184 591 человек, призванных из Москвы, пропали без вести — такие цифры приводит в своем исследовании по реконструкции биографий участников Великой Отечественной войны С. И. Садовников⁸. Среди ополченцев этот процент еще выше. Исследователь истории Московского народного ополчения В. В. Беспояско приводит следующую статистику: «из списка 9876 ополченцев 2-й ДНО неизвестна судьба 3401 ополченца. 4109, в том числе 3 женщины, числятся “пропавшими без вести”. Доля пропавших без вести из имеющегося списка 2-й ДНО: $4109 / 9876 = 0,416$; 41,6 %. Доля пропавших без вести из числа известных судеб ополченцев 2-й ДНО: $4109 / 6475 = 0,635$; 63,5 %»⁹. Приведенная статистика характерна для 2-й, 7-й, 8-й, 9-й и 13-й дивизий Московского народного ополчения, попавших в окружение и погибших под Вязьмой.

⁷ Подробнее см.: *Каримов В. И.* Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М., 2016.

⁸ *Садовников С. И.* «Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые исследования как основа биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2017. С. 177.

⁹ *Беспояско В. В.* Поиск пропавших без вести — пропавших безвестно // Судьба солдата: теория и практика архивных исследований: материалы V Междунар. конференции (г. Москва, 25–28 ноября 2021 г.). М., 2022. Т. 1. С. 214.

Если ополченец не вышел из окружения и не числится в списках безвозвратных потерь, то, скорее всего, ему присвоен статус «Пропал без вести». Хотя семьям некоторых ополченцев приходили документы, в которых указывалось, что среди погибших и пропавших без вести не числится. Пропавшим без вести мог оказаться и погибший боец, свидетелей смерти которого не было или сведения о смерти которого не были переданы должным образом, и погибший на марше призывник, а также погибшие в плену, в фильтрационном лагере. Такое случалось также вследствие вкрадшихся в документы бюрократических ошибок или из-за неполных сведений, предоставленных медсанбатом.

Данное исследование посвящено поиску и анализу документов, проливающих свет на судьбу московских ополченцев — бойцов смоленских партизанских отрядов. Партизанское движение довольно широко описывается в отечественной историографии, но специализированных исследований, посвященных московским ополченцам, ставших партизанами, пока нет.

Партизанское движение на временно оккупированной территории активно способствовало победе советского народа в Великой Отечественной войне. В Советском Союзе еще в конце 1920-х – середине 1930-х гг. создали серьезную систему подготовки партизанских кадров и лагерей, однако в 1937–1939 гг., в годы Большого террора, она была фактически разрушена. Несмотря на то что 18 июля 1941 г. было принято Постановление ЦК ВКП (б) «Об организации борьбы в тылу германских войск»¹⁰ с конкретными указаниями по подготовке кадров и развертыванию сети партийного подполья, у московских ополченцев четких инструкций о том, как стать партизаном, попасть в партизанский отряд, не было. Оставшиеся в окружении группами или поодиночке предпринимали усилия, чтобы выйти из окружения, погибали, попадали в плен; тем, кому повезло, удавалось, представившись родственниками, остаться у местных жителей. Им даже дали соответствующее прозвище — «зятек».

К весне 1942 г. совместными усилиями оказавшихся в окружении армейских частей и частей народного ополчения между Смоленском и Вязьмой образовался Дорогобужский партизанский край площадью около 10 тыс. кв. км.

Для поиска новых документов были задействованы архивы и фонды музеев, находящихся на территории описываемых исторических событий. В фондах Вяземского историко-краеведческого музея сохранился архив музея школы № 5 города Вязьмы. Школьный музей был создан двумя профессиональными местными историками-краеведами — П. М. Запориным и С. И. Борисовым¹¹. Фонды школьного музея стали основой воссозданного после войны Вяземского историко-краеведческого музея. Находки краеведческих экспедиций школьников пополняли и фонды Государственного исторического музея, а педагогические

¹⁰ 1941 год: Документы: в 2 кн. / сост. Л. Е. Решин и др.; науч. ред. В. П. Наумов. М., 1998. С. 474.

¹¹ Подробнее см.: Запорин П. М., Борисов С. И. Сборник трудов П. М. Запорина и С. И. Борисова: с прил. док. и материалов. Вязьма, 2003.

чтения, организованные руководителями школьного музея, несколько лет проходили в Смоленске под эгидой Академии наук.

Краеведческие исследования проведены настолько профессионально с методологической точки зрения, что спустя 55 лет позволяют на базе музея получить искомые данные. Материалы и документы, собранные в фонды этого музея, до сих пор не потеряли своей актуальности и исторической значимости.

Фонды школьных музеев, собранные в местах исторических событий, хранят уникальные исторические документы и артефакты. Создаваемые спустя 15–20 лет после войны очевидцами и участниками событий, они стали настоящим кладом исторических находок для исследователя: подлинники фотографий, документов, воспоминаний, окопных журналов, предметы быта бойцов.

В фондах Вяземского историко-краеведческого музея хранятся следующие документы, связанные с партизанским движением в Смоленской области:

1) источники личного происхождения — переписка учащихся школы № 5 г. Вязьмы с участниками партизанского движения и их родственниками, датированная серединой 1960-х гг. прошлого века. Воспоминания из писем дают направления нового поиска;

2) дневники экспедиций по партизанским местам, записи бесед с местными жителями, экспертные интервью. Они дают те самые детали, которые позволяют найти имена ополченцев.

В одном из ответных писем к школьникам бывший партизан К. А. Казанцев описывает свой путь в партизанский отряд, характерный для многих бойцов-окруженцев: «В начале октября 1941 года, под Вязьмой попал в окружение. С боями выйти не удалось. Стали ждать, когда р. Угра замерзнет. Проживал в деревне». Так окруженцы и «жили» в деревне, пока их не мобилизовали в партизанский отряд. В одном из писем К. А. Казанцева, хранящихся в фондах Вяземского историко-краеведческого музея, говорилось, что за две недели из проживавших в нескольких деревнях и мелких партизанских групп был организован отряд в 500 человек.

В этом контексте интересна судьба Федора Гнездилова, ополченца 9-й ДНО, создавшего подобным образом партизанский отряд «ФД» под своим командованием. Позже он, как и другие партизанские соединения Смоленской области, подчинился Штабу партизанского движения Западного фронта. Следует отметить, что Ф. Д. Гнездилов с 1918 г. вступил в Красную армию, воевал с басмачами в Средней Азии и к моменту, когда он оказался в окружении под Вязьмой, имел хороший боевой и командирский опыт¹².

По просьбе родственников московских ополченцев школьники проводили разыскную работу. Так, в фондах сохранилось письмо от дочери ополченца 13-й ДНО Искры Сааковны Казарян, разыскивающей своего отца среди партизан. По воспоминаниям одного из партизан удалось установить, что Саак Казарян

¹² Подробнее см.: *Богданов Ю. Н., Гнездилов В. Ф.* Легендарный ФД. Фёдор Гнездилов — московский ополченец, смоленский партизан, советский гвардеец. М., 2017.

находился в середине осени 1941 г. в одном из подпольных госпиталей (предположительно, в Хватовом Заводе) на территории Смоленской области. В настоящий момент работа по выяснению его судьбы продолжается. В переписке была найдена фотография, которая передана сообществу потомков 13-й ДНО Ростокинского района для пополнения базы данных по ополченцам их дивизии. Ранее в базе фотография С. Казаряна отсутствовала.

Основной массив документов по теме исследования был обнаружен в Государственном архиве новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Он был создан на базе Смоленского партийного архива и содержит документы после 1943 г. Архивные документы Смоленского областного комитета ВКП (б) были захвачены немецкими войсками и вывезены в Германию во время Великой Отечественной войны. После окончания войны они попали в руки американцев и были увезены в США. Сейчас документы Смоленского архива находятся в Национальном управлении архивов и документации правительства США. Период существования партизанского движения в Смоленской области — конец 1941 – начало 1943 гг. — не входит во временные рамки представленных в архиве документов, но, как оказалось, самая большая работа по восстановлению истории событий, происходивших на Смоленской земле в период временной оккупации, проводилась в 1943–1944 гг. Таким образом, в архиве находится большое количество документов по учету личного состава, в том числе рукописных подлинников списков личного состава партизанских отрядов, списки погибших партизан, а также военно-оперативных документов и документов информационно-справочного характера: партизанские разведдонесения; документы, относящиеся к политической работе и обучению партизан; протоколы допросов пленных.

В архиве отложились характеристики партизанских объединений, в том числе и отряда имени 24-й годовщины Красной армии (бывший ФД по инициалам его организатора и командира Ф. Д. Гнездилова). Из характеристики отряда следует, что отряд был создан в ноябре 1941 г. и лишь в феврале 1942 г. им удалось связаться с частями Красной армии и командующим фронтом генералом Г. К. Жуковым. Отряд начал свою деятельность с 8 человек, к январю 1941 г. в нем числилось уже 40, к февралю — 400, а к маю — 2649 человек¹³.

Особый интерес представляют именные списки личного состава, в частности погибших партизан отряда «За Родину» (см. рис. 1). Данный список находится в деле «Списки и данные о партизанских отрядах и группах, которые не признаны Штабом партизанского движения Западного Фронта»¹⁴. Сведений о бойцах этого партизанского отряда нет в базе данных на сайте «Память народа», не найдены они и в именных списках дивизий народного ополчения.

¹³ Государственный архив новейшей истории Смоленской области (ГАНИСО). Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 62. Л. 62–69.

¹⁴ Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 74. Л. 33.

Кроме того, в архиве находится список личного состава партизанского отряда «Дедушка» (см. рис. 2). С точки зрения новизны содержащихся в нем сведений он не столь интересен для исследования, так как много информации о партизанах этого отряда содержится и в других источниках.

ЛИЧНОГО СОСТАВА ПАРТИЗАНСКОГО ОТРЯДА тов. БИРЮКОВА ОТРЯДОВ «ДЕДУШКИ» СМОЛЕНСКОГО ШТАБА ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ

№	Год рождения	Национальность	Партийный стаж	Образование	Награжден ли	Служил ли в армии	Военная специальность	Семейная обстановка	Инициалы	Дата вступления в отряд	Занимаемая должность в отряде	Семейная обстановка	Статус в партизанском отряде	Кто в плен и дата освобождения
1	1903	русский	б/п	Высшее	нет	нет	военно-инженерная	Начальник экспедиции 900 р.	Бирюков	1942г. 9.IX	Командир отряда	Бирюков Татьяна Г. Казань	В плен после окружения.	
2	1913	русский	б/п	7	-	-	военно-инженерная	Завхоз 650 р.	Бирюков	1941г. 29.XII	Зам. командира отряда	П.О. Сежвановский р-н 2 сестры, 4 брата.	В плен после окружения Вяльни.	
3	1912	украинец	б/п	7	нет	нет	военно-инженерная	Кучер	Бирюков	1942г. февр.	Повар	-	В плен.	
4	1914	украинец	б/п	6	нет	нет	военно-инженерная	Стрелок	Механик	1942г. февр.	Командир разведки отряда	Жена Демченко, 2 ребенка. г. Москва	В плен г. Дрезно	
5	1907	русский	б/п	4	нет	нет	военно-инженерная	Колхозник	Бирюков	1943г. авг.	Стрелок	-	В плен Ярецво	
6	1920	русский	член ВЛКСМ	среднее	нет	нет	военно-инженерная	Телеграфист	Бирюков	1942г. февр.	Стрелок пулеметчик	-	Военнопленный	
7	1923	-	-	среднее	нет	нет	дипломатический	Студент	Бирюков	1942г. февр.	Пулеметчик	дер. Ржавец, Смоленской области	из деревни Ржавец.	
8	1900	-	б/п	7	нет	нет	военно-инженерная	Бухгалтер колхоза	Бирюков	1942г. февр.	Рядовой стрелок	Смоленская обл. дер. Ржавец.	Военнопленный.	
9	1925	-	член ВЛКСМ	среднее	нет	нет	дипломатический	Студент гор. Смоленска.	Бирюков	1942г. февр.	Рядовой стрелок	Смоленская обл. дер. Ржавец.	из дер. Ржавец.	
10	1919	-	-	среднее	нет	нет	военно-инженерная	Студент медицинского	-	1942г. февр.	Пулеметчик	-	из дер. Ржавец.	
11	-	-	-	-	-	-	старший	Штатный	-	1942г.	Командир	-	Военнопленный.	

Рис. 2. Список личного состава партизанского отряда тов. Бирюкова отрядов «Дедушки» Смоленского штаба партизанского движения (так! См. фото. — Е. Т., И. П.)¹⁵

Партизанский отряд «Дедушка» был организован 2 ноября 1941 г. попавшими в окружение ополченцем 1-й ДНО (60-я стрелковая дивизия народного ополчения) 53-летним Василием Исаевичем Воронченко вместе с ополченцем 7-й ДНО П. Силантьевым, ставшим политруком отряда. Места, где действовал партизанский отряд Воронченко, были ему родными и знакомыми (он был уроженцем этих мест), что дало ему возможность объединить в свой отряд и другие партизанские группы. В мае 1942 г. партизанское соединение «Дедушка» было преобразовано в 1-ю Смоленскую партизанскую стрелковую дивизию — одно из крупнейших партизанских соединений Великой Отечественной войны (около 6 тыс. человек). Вообще масштаб партизанского движения Смоленской

¹⁵ ГАНИСО. Ф. 8. Оп. 2. Д. 74. Л. 78.

области поражает своим размахом, высоким уровнем организации разведки и проведения боевых операций.

В ГАНИСО хранятся стенограммы воспоминаний командира партизанской дивизии «Дедушка», его письма боевым товарищам. Они являются ценным материалом, позволяющим воссоздать историческую картину происходивших событий.

Списки написаны от руки в период перехода партизан в ряды Красной армии. Особенно ценным в списках является указание на то, откуда боец попал в отряд: из окружения, из плена, местный житель, а также место призыва и год рождения, графы, касающиеся обстоятельств гибели или «пропажи» бойца. Представлены свидетельства о местах захоронения казненных партизан (см. рис. 3, 4). Эти данные могут помочь нам найти среди партизан ополченцев и прояснить их судьбы.

Есть в архиве и списки предателей Родины, составленные по районам. По каждому выявленному факту предательства имеются свидетельства очевидцев. К сожалению, не все предатели найдены, кто-то из них ушел с немцами¹⁶.

Личного состава партизанского отряда «Мститель» на 1 июля 1943г. (день прихода к бригаде им. Габо)

1 стр.

Имя, отчество	Род. год	Род. место	Партизанский отряд	Образование	Служба: год, место, команд.	Особые примечания	Военный звание	Дата отряда	Место отряда	Состав и место захоронения
Варваров	1911	Рус.	Отряд	ВКСИ	Мед. парти. авт. 1943 г. 21.07.43		В/об.	15 июля 1942г.	Железоб.	Иванов, отец, дед, мать, 106, Ново-Витов.
Васильев	1915	Рус.	Отряд	наст. инж.	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Средоров	1913	Рус.	ВКСИ	Средн.	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Федоров	1916	Рус.	ВКСИ	ВКСИ	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Иванов	1916	Рус.	ВКСИ	Средн.	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Гаврилов	1897	Рус.	ВКСИ	Средн.	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Николаев	1919	Рус.	ВКСИ	Средн.	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Дмитрий	1913	Рус.	Отряд	Средн.	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Варваров	1916	Рус.	Отряд	наст. инж.	Мед. парти. авт. 1943 г. 26.07.43		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Александр	1908	Рус.	Отряд	Ф. клас.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Александров	1914	Мордв.	Отряд	Ф. клас.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Николаев	1916	Рус.	ВКСИ	Средн.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Александр	1922	Рус.	ВКСИ	Средн.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Иванов	1918	Рус.	ВКСИ	Средн.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Иванов	1913	Рус.	ВКСИ	Ф. клас.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Александров	1901	Рус.	Отряд	наст. инж.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Иванов	1912	Рус.	ВКСИ	Средн.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43
Степанов	1915	Рус.	ВКСИ	Средн.	нет		В/об.	24 июля 1942г.	Железоб.	Железоб. 1942г. 22.07.43

Рис. 3. Список личного состава отряда «Мститель»¹⁷

¹⁶ ГАНИСО. Ф. Р-8. Оп. 2. Д. 73. Л. 11–16, 30–31, 68–73.

¹⁷ Там же. Ф. 8. Оп. 2. Д. 74. Л. 102.

3. Запорин П. М., Борисов С. И. Сборник трудов П. М. Запорина и С. И. Борисова: с прил. док. и материалов / вступ. ст., сост. Н. Е. Павлова. Вязьма: ВФ МГИУ, 2003. 176 с.
4. Каримов В. И. Они отстояли Москву. Летопись народного ополчения Москвы. М.: ПЛАНЕТА, 2016. 512 с.
5. Садовников С. И. «Война участвует во мне...»: Комплексные поисковые исследования как основа биографий участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М.: Золотой теленок, 2017. 320 с.

References

1. Bespoiasko V. V. Poisk propavshikh bez vesti — propavshikh bezvestno [Search for missing persons — missing persons] // Sud'ba soldata: teoriia i praktika arkhivnykh issledovani: materialy V Mezhdunar. konferentsii (g. Moskva, 25–28 noiabria 2021 g.): v 2 vols. Moscow: KnigIzdat, 2022. Vol. 1. P. 213–224. (In Russ.).
2. Bogdanov Iu. N., Gnezdilov V. F. Legendarnyi FD. Fedor Gnezdilov — moskovskii opolchenets, smolenskii partizan, sovetskii gvardeets [The legendary F. Fedor Gnezdilov — Moscow militia, Smolensk partisan, Soviet Guardsman]. Moscow: Algoritm, 2017. 544 p. (In Russ.).
3. Zaporin P. M., Borisov S. I. Sbornik trudov P. M. Zaporina i S. I. Borisova: s pril. dok. i materialov [Collected works of P. M. Zaporin and S. I. Borisov: with the application of documents and materials] / vstup. st., sost. N. E. Pavlova. Viaz'ma: VF MGIU, 2003. 176 p. (In Russ.).
4. Karimov V. I. Oni otstoiali Moskvu. Letopis' narodnogo opolcheniia Moskvy [They defended Moscow. Chronicle of the People's Militia of Moscow]. Moscow: PLANE-TA, 2016. 512 p. (In Russ.).
5. Sadovnikov S. I. «Voina uchastvuet vo mne...»: Kompleksnye poiskovye issledovaniia kak osnova biografii uchastnikov Velikoi Otechestvennoi voiny 1941–1945 gg. [“War is involved in me...”: Comprehensive exploratory research as a basis for biographies of participants in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow: Zolotoi telenok, 2017. 320 p. (In Russ.).

УДК 94 (639.1)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.08

Целыхова Елизавета Константиновна

кандидат филологических наук

Всероссийский научно-исследовательский институт
охоты и звероводства имени профессора Б. М. Житкова
Киров, Россия
huntingculture@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4347-1051

УТРАЧЕННОЕ ЗЕРКАЛО ЭПОХИ: ПАВИЛЬОН «ОХОТА И ЗВЕРОВОДСТВО» НА ВДНХ

Аннотация. В статье исследована и описана история одного из первых павильонов, построенных на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (ВСХВ, затем — ВДНХ), — «Охота и звероводство», который был утрачен в 2005 г. Подробно рассматривается его первоначальная экспозиция и ее дальнейшая трансформация как отражение истории и позиционирования охоты в СССР. Данный павильон представлял собой воплощение отраслевого статуса охоты, играл ключевую роль в информировании советских людей о ее роли в народном хозяйстве страны, значимости и пользе промысловой охоты для советских людей.

Ключевые слова: Всесоюзная сельскохозяйственная выставка, ВДНХ, охота, охотничье хозяйство, охотничий промысел, промысловая охота.

UDC 94 (639.1)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.08

Tselykhova Elizaveta K.

Candidate of Philological Sciences

Professor Zhitkov Institute of Game Management and Fur Farming
Kirov, Russia
huntingculture@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-4347-1051

THE LOST MIRROR OF THE AGE: PAVILION “HUNTING AND FUR FARMING” ON THE EXHIBITION OF ACHIEVEMENTS OF NATIONAL ECONOMY (VDNKh)

Abstract. The article explores and describes the history of one of the first pavilions built at the All-Union Agricultural Exhibition, and then at the Exhibition of achievements of National Economy (VDNKh) — “Hunting and fur farming”, which was destroyed by fire in 2005. The initial exposition and its further transformation were a reflection of the history and positioning of hunting in the USSR. This pavilion represented the industrial status of hunting and played a key in informing the Soviet people about its place in the national

economy of the country, the importance and benefits of fur and professional game- and meat harvesting and hunting management for the Soviet people.

Keywords: Exhibition of achievements of National Economy, VDNKh, USSR, hunting management, hunting, trapping, game harvesting, game management, fur farming.

Введение. На территории нашей страны охота во все времена имела важное значение. Два ее вида — любительская и промысловая — значительно различаются. Первая является скорее развлечением, а добыча охотничьих животных ведется с целью получения продукции для собственного потребления и не рассматривается как основа существования для охотника и его семьи. Промысловая же охота представляет собой совершенно иное явление: добыча охотничьих животных осуществляется с целью продажи полученной от них продукции (шкур и мяса) или ее использования для обеспечения охотника и его семьи продуктами питания, одеждой, а иногда и традиционным жильем. Одним из наиболее известных имеющих государственное значение промыслов была охота на пушных зверей: после покорения Сибири государство пыталось монополизировать на этих землях торговлю наиболее ценными видами меха¹, приносившую в казну значительный доход.

Промысловая охота сохранила свое значение и после Октябрьской революции: молодое Советское государство прекрасно понимало важность добычи пушнины для получения ценной валюты. Уже в сезон 1924–1925 г. из страны было вывезено пушнины на 64 млн руб.² Только в Англию было поставлено «мягкой рухляди» на 32 млн 982 тыс. 3 руб.³

Не меньшую важность имела и добыча мясодичной продукции (в основном боровой птицы). Так, только в Англию в сезон 1924–1925 г. было вывезено 124 тыс. 389 кг дичи. В общем же, вывоз этого продукта за рубеж за этот сезон составил 570 т.⁴

Охота приобрела поистине отраслевое значение: по всей территории страны создавались охотничьи общества, разветвленная сеть заготовительных организаций и более 250 промысловых охотничьих хозяйств.

Важным событием для охотничьей культуры нашей страны стало строительство павильона «Охота и звероводство» при создании Всесоюзной сельскохозяйственной выставки (ВСХВ, с 1959 г. — Выставка достижений народного хозяйства — ВДНХ). Появление охотничьей темы в составе этого «уникального советского эксперимента»⁵ лучше всего показывает ее значение в те времена.

¹ Старцев А. В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVII – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152.

² Генерозов В. Я. Пушной промысел. М., 1926. С. 63.

³ Там же. С. 67.

⁴ Генерозов В. Я. Дичный промысел в СССР и торговля его продуктами. М., 1929. С. 161–162.

⁵ Горлов В. Н. Главная выставка страны — символ советской эпохи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 164.

Экспозиция павильона была призвана продемонстрировать выдающиеся успехи советского народа в освоении природных богатств своей родины, вести пропаганду ведущей роли колхозов и совхозов в деле промысловой охоты: добыче промысловой пушнины для ее реализации на внутреннем и внешнем рынке и добычи мяса дичи как дополнительного элемента обеспечения продовольственной безопасности страны. Однако в 2005 г. здание было уничтожено пожаром. Цель исследования — показать роль павильона в демонстрации значения охоты и охотничьего хозяйства в СССР и выявить специфику его функционирования как когнитивного пространства, места презентации результатов ведения охотничьего хозяйства и популяризации научных достижений в этой области.

Ход и результаты исследования. Вследствие утраты павильона в результате пожара сбор информации о нем крайне затруднен. Обращение в архив ВДНХ позволило обнаружить лишь несколько фотографий, один путеводитель по павильону за 1955 г., а также его схему и проектную документацию по реконструкции после Великой Отечественной войны. Поиски были продолжены в Российской государственной библиотеке в Москве, а также в библиотеке Всероссийского научно-исследовательского института охоты и звероводства имени профессора Б. М. Житкова в Кирове, в результате чего были обнаружены путеводители 1939, 1940, 1954, 1955, 1956, 1957 гг. К исследованию были также привлечены подшивки журналов «Советский охотник» за 1939–1940 гг., «Охота и охотничье хозяйство» (1955–1990). Эти материалы составили источниковую базу исследования.

По фотографиям и схеме павильона его внешний вид может быть довольно точно реконструирован. Легкое, словно ажурное, здание в стиле ар-деко с прорезными деталями, созданное по проекту архитектора И. М. Петрова, напоминало произведение искусства северных мастеров — резчиков по кости, хотя, как и многие другие павильоны, было построено из типовых деревянных деталей, так как изначально открытие выставки планировалось лишь на 100 дней к 20-летию советской власти.

Однако из-за ряда обстоятельств открытие перенесли на один год⁶: главный архитектор выставки В. К. Олтаржевский был обвинен в участии в антисоветской вредительской организации, якобы действовавшей на выставке, осужден и сослан в Воркуту⁷, а большинство павильонов признаны неудачными. В дальнейшем их конструкция была изменена так, чтобы они могли простоять пять лет, а на практике некоторые простояли в десятки раз дольше.

⁶ История ВДНХ: как открывали главную выставку страны [Электронный ресурс] // Официальный сайт мэра Москвы. URL: <https://www.mos.ru/news/item/77800073/> (дата обращения: 03.06.2023).

⁷ Олтаржевский Вячеслав Константинович [Электронный ресурс] // БМ — Музей истории ГУЛАГа: сайт. URL: <https://gmig.bm.digital/author/373934262270844928/oltarzhenskij-vyacheslav-konstantinovich> (дата обращения: 03.06.2023).

«Охота и звероводство», как и многие другие павильоны выставки, был открыт 1 августа 1939 г. К этому моменту в большинстве удаленных районов СССР завершилась трансформация охоты как древнейшего традиционного охотничьего промысла, в результате которой появился новый тип организационно-технического хозяйства⁸. В том же году был выпущен и первый путеводитель по павильону⁹.

Вместе с прилегающим к нему участком комплекс занимал площадь 4 га в северо-восточной части ВСХВ. Центральная часть фасада была оформлена в виде полукруглого выступающего вперед портика, заднюю стенку которого украшала ажурная лепнина. Ее сюжеты отражали темы охотничьего промысла и звероводства. Боковые части фасада представляли собой аркады с декоративными вольерами. Крыша ротонды была увенчана скульптурным изображением оленя.

Внутреннее оформление павильона было разработано театральным художником М. И. Курилко, с 1948 г. руководившим театрально-декорационной мастерской МГАХИ имени В. И. Сурикова. Стены павильона были покрыты инкрустациями, изображавшими древесную растительность, выполненными художниками А. И. Любочским, М. И. Любочским, Н. М. Абрамовым, В. Н. Абрамовой, М. И. Зойном по эскизам Г. Е. Никульского.

В Законе СССР от 21 августа 1938 г. «О Всесоюзной сельскохозяйственной выставке» была четко сформулирована ее основная задача: «...достойно отобразить великие достижения социалистического сельского хозяйства в СССР, показать лучшие образцы всех отраслей сельского хозяйства, продемонстрировать во всем многообразии мощь и богатство сельского хозяйства республик, краев и областей Советского Союза... дать мощный толчок социалистическому соревнованию колхозов и колхозников и всех работников сельского хозяйства...»¹⁰. На основании этих же задач была сформирована и экспозиция павильона «Охота и звероводство».

Вестибюль посвящался показу хозяйственного значения охотничьего промысла и звероводства. Помимо прочего, зал был украшен четырьмя панно-вitraжами, изображавшими охотников на беличьем промысле, охоту на медведя, коллектив военных охотников и сибирских партизан-охотников в засаде во время Гражданской войны, что подчеркивало важность оборонного значения охоты. На панно имелась также цитата из обращения первого маршала

⁸ Беспалько Д. Н. Организация охотничье-промыслового хозяйства на территории Витимско-Олекминского округа в 1930–1938-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 123.

⁹ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Охота и звероводство»: путеводитель. М., 1939.

¹⁰ Закон СССР от 21.08.1938 «О Всесоюзной сельскохозяйственной выставке» [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс: справочно-правовая система. URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17123#vnuR8jTDBXyVfT52> (дата обращения: 03.06.2023).

Советского Союза К. Е. Ворошилова к военным советам военных округов: «Кому не памятно, как наши сибирские партизаны, используя огромный охотничий опыт и сноровку, ловко и метко били врагов».

В центре главного зала павильона размещалась скульптурное изображение охотника с лайкой, окруженного представителями фауны СССР: благородным оленем, рысью, сибирским горным козлом и т. д. Над его созданием трудилась бригада художников: В. А. Ватагин, К. К. Флеров, В. В. Трофимов, Г. Е. Никольский, Е. Г. Гаврилов. Панно и размещенные вокруг скульптуры изображали животный мир различных географических зон страны.

По стенам главного зала располагались восемь стендов, каждый из которых посвящался отдельной теме. На первом из них были отражены охрана и воспроизводство охотничье-промысловой фауны на примере Воронежского государственного заповедника, занимавшегося в том числе и реакклиматизацией бобров. На втором стенде изображалось угнетение охотников малых народностей страны чиновниками, кулаками-скупщиками, местными князьками и шаманами в царской России. Стенд № 3 показывал «расцвет» народов Севера после прекращения «угнетения»: кадры строительства новых северных городов, культурных баз и промышленных предприятий с примерами из отдельно взятого тундрового колхоза, богатой жизни «охотников-националов». В следующем, 1940 г. тематика стенда была изменена: на нем разместили наплывные проекции с кадрами из жизни Турочакского охотничье-промыслового хозяйства Алтайского края¹¹.

На стенде № 4 демонстрировались производственно-охотничьи станции (ПОСы), работавшие в малонаселенных, неосвоенных районах, и промысловые колхозы с панорамой, фотопанно и диапозитивами Тымской станции Нарымского округа Новосибирской области и занимающихся промыслом на ее территории колхозов.

Стенд № 5 был полностью посвящен стахановским охотничьим бригадам. Примечательно, что на одном из диапозитивов стенда была показана охота бригады с борзыми собаками на лисицу в Сталинградской области.

На стенде № 6 демонстрировались способы борьбы с вредителями сельского хозяйства — сусликами и хомяками. Темой седьмого стенда стал так называемый волчий вопрос: демонстрировались сцены облавных охот, рассказывалось о ловле капканами, уничтожении волчат на логовах. Над последними двумя стендами располагались панно, изображающие процесс охотничьего промысла, начиная от выхода бригады в тайгу и заканчивая сдачей пушнины на заготовительном пункте.

Завершал логическую цепочку восьмой стенд, на котором была представлена продукция охотничьего промысла и звероводства, а также смонтирована система зеркал, в которой отражались и визуально множились движущиеся

¹¹ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Охота и звероводство»: Путеводитель. М., 1939. С. 13 (далее — Путеводитель-1939).

на постаментах меха. Согласно сведениям путеводителя 1940 г., в нижней части зеркальной витрины были выставлены муляжи тушек боровой дичи как образцы ее оправки.

Отдельный стенд был посвящен деятельности Завидовского научно-опытного охотничьего хозяйства Центрального совета Всеармейского военно-охотничьего общества, проводившего акклиматизацию косули, алтайского марала, кабана и уссурийского фазана. Диапозитивы стенда демонстрировали охоту на глухаря, тетерева и уток.

Еще один стенд главного зала, упоминаемый в путеводителе 1940 г., но не упоминавшийся в 1939 г. — «Заповедник по гаге и птичьим базарам». Он рассказывал о деятельности небольшого заповедника «Семь островов», разрабатывавшего новые щадящие приемы сбора пуха гаги — ценного сырья с крайне низкой теплопроводностью.

Раздел «Звероводство» в павильоне открывался двумя панно, изображавшими островные звероводческие хозяйства — лежбище котиков и песцовую ферму, на которой звери не находились в клетках, а могли свободно передвигаться по всей территории отведенного для них острова.

В дореволюционной России клеточного звероводства не существовало (не считая выкармливания лисят в лисятниках на частных подворьях и т. д.). Пушное звероводство начало развиваться при организации первых зверосовхозов, в первое время игравших роль племенной базы для дальнейшего формирования отрасли пушного звероводства на базе колхозов, желающих организовать у себя звероферму. В 1939 г. в СССР существовало 25 зверосовхозов¹², а в 1940 г. — около двух тысяч колхозных звероводческих ферм¹³.

На одном из стендов демонстрировалось важнейшее достижение советского звероводства — разведение соболей, — основу которого заложил профессор П. А. Мантейфель, впервые получивший приплод от соболя клеточного содержания в 1928 г., установивший точный период гона у этого вида и разработавший оптимальный рацион кормления для него.

Другие стенды этого раздела павильона были посвящены стахановкам-звероводам, зоотехникам-селекционерам, ветеринарному обслуживанию зверосовхозов и отдельным передовым зверосовхозам. Стены зала были украшены тематическими панно: забор колхозниками племенного молодняка из зверосовхоза, колхозная звероферма и т. д., которые, так же как и прочие, были написаны художниками М. И. Курилко, А. А. Чумаковым и Б. И. Сорохтиным.

Последний зал павильона, зал Мехпрома, был посвящен мехообработывающей промышленности. Здесь демонстрировались меховые изделия, изготавливаемые в СССР из продукции охоты и звероводства. В его оформлении

¹² Путеводитель-1939. С. 25.

¹³ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Охота и звероводство»: Путеводитель. М., 1940. С. 24.

также использовались системы зеркал и механических транспортеров — сказывалась театральная специализация М. И. Курилко.

Все правое крыло павильона занимал «кабинет научной консультации» с библиотекой, содержащей основные литературные произведения по охотничьему хозяйству, пушному звероводству и охотничьему собаководству. Здесь же посетители могли посмотреть цветные альбомы «Организация пушного промысла и заготовок», «Техника пушного промысла», «Повышение качества пушнины», «Истребление хищников и грызунов-вредителей сельского хозяйства», «Заповедники СССР», «Акклиматизация пушных зверей», «Пушное звероводство». Были представлены и натуральные экспонаты: ружья, капканы, кротоловки, макеты патронов, правилки для пушнины, предусмотренные стандартами по ее заготовке. В 1940 г. здесь появились также комплекты чертежей стандартных клеток и других звероводческих сооружений, а также образцы продукции, изготовленной из пуха пушных зверей, собираемого во время линьки, как это делалось, к примеру, на енотоводческой ферме Бирюлевского зверосовхоза. На стенах кабинета имелись две картины: «В. И. Ленин на охоте» и «С. М. Киров на охоте» художников М. И. Сидорова и А. Д. Ладина.

На открытом участке возле павильона можно было ознакомиться с типами звероводческих клеток, домиков, планировкой зверофермы, посмотреть на лучших пушных зверей совхозов и колхозов — серебристо-черных лисиц, енотовидных собак, соболей, куниц, американских норок. У ручья в вольерах размещались белка-телеутка и фазаны. Имелись клетки с бобрами (сначала одним, а затем — несколькими), рядом с которыми в 1940 г. расположился стенд, рассказывающий о деятельности Воронежского бобрового государственного заповедника и клеточном боброводстве, а также клетки с нутриями.

Не обошли организаторы выставки своим вниманием и популярную в СССР тему — одомашнивание лося. Способность этого зверя легко преодолевать болота и перемещаться по глубокому снегу, а также специфика его питания делали перспективу хозяйственного использования вида крайне привлекательной. Однако необходимо отметить, что все попытки превратить сохатого во вьючное и «транспортное» животное до настоящего времени потерпели неудачу вследствие специфики питания, сложности обеспечения разнообразного кормления, содержания на ограниченной территории, сезонных изменений в поведении (гон) и прочих биологических особенностей.

В отдельном вольере в 1940 г. жили глухари, тетерева, рябчики и куропатки, а недалеко от них демонстрировались основные способы и орудия промысла боровой дичи. Рядом с огороженным прудом, в котором обитали многочисленные представители водоплавающей дичи, были представлены основные способы спортивной охоты на них. В большой округлой клетке обитал беркут, принадлежавший охотнику-передовику из Казахской ССР.

Неподалеку от павильона была построена большая образцовая охотничья изба, к которой примыкал путик с орудиями добычи пушных зверей. В избе имелись все блага цивилизации: кровати с постельными принадлежностями,

шахматы, шашки, книги. В 1940 г., для того чтобы наглядно продемонстрировать прогресс в организации быта советского охотника по сравнению с до-революционным, рядом была установлена маленькая курная бревенчатая, поросшая мхом избушка, привезенная из Архангельской области. Однако столь радужная картина зачастую не имела ничего общего с действительностью. Так, к примеру, в Читинской области плановые задания по добыче промысловой пушнины выполнялись лишь на 55–57 %, большей частью по причине слабой обустроенности бытовой сферы на промысле¹⁴.

На Всесоюзной сельскохозяйственной выставке тема охоты и звероводства появлялась и в других павильонах. Так, часть фрески в павильоне «Дальний Восток» изображала ферму серебристо-черных лисиц и охоту в тайге на белку. Кстати, использование этих сюжетов имело под собой важную политическую подоплеку: внутреннее и внешнее оформление павильона должны были способствовать позиционированию Дальнего Востока как коренного русского края, подразумевая подчиненное положение местных народностей¹⁵.

В павильоне «Сибирь» показывались достижения зверофермы одного из колхозов Омской области, а в «Азербайджане» на большом панно были изображены те виды охоты, которые практиковались в горах этой республики. В павильоне «Ветеринария» демонстрировались достижения профессора Л. М. Преображенского, разработавшего дозировки лекарственных веществ для клеточных зверей. Отдельные элементы, относившиеся к охотничьей теме, можно было видеть в павильонах «РСФСР», «Сибирь», «Урал», «Карело-Финская ССР», «Эстонская ССР», «Белорусская ССР», «Татарская АССР», «Совхозы», «Центросоюз»¹⁶ и т. д.

Необходимо отметить, что в СССР охотничье хозяйство являлось полноценной отраслью народного хозяйства. Это играло крайне важную роль для его позиционирования в общественном сознании и обусловило специфику подхода к его изучению, развитию и продвижению, что и объясняет масштабность, красоту и даже некоторую пафосность в оформлении интерьера павильона.

Обращает на себя внимание немаловажная деталь: ни один из стендов не был посвящен многовековой истории охоты в нашей стране, что вполне соответствовало духу времени, наиболее точно выраженного во фразе «Разрушим до основания, а затем...». Тема спортивной охоты, охоты с легавыми и гончими собаками также не была отражена, за исключением, пожалуй, альбома

¹⁴ *Беспалько Д. Н.* Влияние организационно-технических проблем устройства быта охотничье-промыслового населения Читинской области на заготовки пушно-мехового сырья: 1930 – начало 1990-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. № 22 (3). С. 567.

¹⁵ *Степанов К. К.* Образ советского Дальнего Востока в архитектуре региональных павильонов на сельскохозяйственных выставках в Москве (1923–1954) // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 4. С. 28.

¹⁶ Цифры и факты // Охота и охотничье хозяйство. 1955. № 1. С. 47.

«Спортивная охота», имевшегося в кабинете научной консультации и охоты на лисицу с борзыми собаками на стенде № 5. Хотя в последнем случае имелась в виду не любительская охота, а борьба с хищниками.

Появление отдельного «охотничьего» павильона с восторгом было воспринято специальной охотничьей прессой. Так уже в шестом номере журнала «Советский охотник» за 1939 г. вышла статья тогдашнего директора павильона А. Вартанова с кратким описанием экспозиции¹⁷. В седьмом номере подробному описанию павильона «Охота и звероводство» и «Собаководство», экспозиции и участников выставки посвящены страницы с 8 по 32. Интересная деталь: на рисунке-наброске, опубликованном в журнале, вместо фигуры оленя, венчавшей павильон, изображена небольшая шишечка¹⁸. В восьмом номере ВСХВ (не только профильному павильону) отведены страницы 6–3¹⁹, в девятом — 20 страниц²⁰. Здесь же начата публикация поименного списка передовиков пушно-мехового хозяйства. В десятом номере о выставке и передовиках речь идет на 20 страницах²¹, в одиннадцатом — опубликованы рассказы об охотниках-передовиках²², в двенадцатом — размещены материалы о павильоне и передовиках²³. Здесь же предоставлен своего рода отчет о проведении различных мероприятий на территории павильона: в 1939 г. было организовано девять конференций и встреч знатных людей; встреча писателей с охотниками-передовиками; встреча стахановки Путятинского зверосовхоза с колхозниками-звероведами; совещания охотников; конференция охотников Якутской АССР и Эвенкийского национального округа Красноярского края; встреча охотников-значкистов и т. д.

Первого июля 1941 г. павильон «Охота и звероводство», как и прочие павильоны выставки, по распоряжению Совета народных комиссаров СССР был закрыт и законсервирован и вновь открыл свои двери для посетителей лишь в 1954 г.: намеченное на 1950 г. открытие возрожденного комплекса снова пришлось перенести на четыре года. За время войны и тяжелого послевоенного времени само здание сильно пострадало. Однако, несмотря на это, было принято решение о его сохранении.

Экспозиция и некоторые элементы оформления подверглись значительным изменениям в ключе основной концепции — убедить население СССР в успехе колхозов. На входе в павильон посетителей встречали две скульптуры — охотника-промысловика с лайкой и женщины-звероведа со щенками лисицы на руках — работы К. Г. Кошкина и В. Набатова. Их изображение впервые

¹⁷ Вартанов А. Павильон «Охота и звероводство» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке // Советский охотник. 1939. № 6. С. 8–9.

¹⁸ Советский охотник. 1939. № 7. С. 8.

¹⁹ Там же. № 8. С. 6–3.

²⁰ Там же. № 9. С. 8–27.

²¹ Там же. № 10. С. 5–24.

²² Там же. № 11. С. 4–8.

²³ Там же. № 12. С. 10–15.

появилось на обложке путеводителя 1954 г. на известной фотографии В. Носкова (Совинформбюро)²⁴.

Согласно представленным в путеводителе данным на стенах вестибюля снова помещались 12 стендов-картушей, обрамленных тематическими барельефами. На шести из них, расположенных с левой стороны, демонстрировались достижения в области охотничьего хозяйства: богатство и разнообразие охотничьей фауны СССР, уровень развития отрасли. На шести справа были показаны перспективы развития и значение охотничьего хозяйства в связи с работами по преобразованию природы; польза зверей и птиц, уничтожающих вредных насекомых и грызунов.

Во вводном зале тоже произошли значительные изменения: появились две карты, на которых золотыми фигурками были обозначены места обитания редких видов соболя, выхухоли, сайгака, кабарги и т. д. Под картами на цветных рисунках были представлены изображения большинства из них в типичной среде обитания и информация по мероприятиям, проводимым для развития охотничьего хозяйства и пушного звероводства, в том числе диаграммы, показывавшие развитие колхозного и совхозного звероводства в СССР.

Один из стендов был посвящен государственным заповедникам, в общей сложности занимавшим почти 1,5 млн га, и успехам в разведении речного бобра. За прошедшие годы не только была восстановлена популяция этого зверя, но и произведен его выпуск в природу во многих регионах страны. Появились также стенды Всероссийской научно-исследовательской лаборатории пушного звероводства и пантового оленеводства (ВНИЛЗО), в которой были разработаны профилактические мероприятия, позволившие значительно увеличить выход молодняка клеточных пушных зверей. Представлены были и достижения отдельных ученых, в частности профессора С. Я. Любашенко, создавшего биопрепараты против инфекционной желтухи у пушных зверей.

Появился также стенд, знакомивший посетителей с работой Всесоюзного научно-исследовательского института охотничьего промысла Министерства заготовок СССР — ведущего научного учреждения в области охотничье-промыслового хозяйства, занимавшегося рационализацией охотничьего промысла, расселением и акклиматизацией пушных зверей, разведением ондатры, расселением соболей и научным обоснованием планирования их добычи, разработавшего новый способ консервирования пушно-мехового сырья (кислотно-солевой), внедрившего препарат ДДТ для борьбы с кожеедом и молью, а также несколько новых типов капканов и т. д. Более 7000 корреспондентов-охотников²⁵ (в следующем году их будет около 8000²⁶) по всему Союзу вели наблюдения по программам и инструкциям института, помогая учитывать

²⁴ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Охота и звероводство»: путеводитель. М., 1954 (далее — Путеводитель-1954).

²⁵ Путеводитель-1954. С. 18.

²⁶ Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Охота и звероводство»: путеводитель. М., 1955. С. 15 (далее — Путеводитель-1955).

запасы охотничьих животных и уточнять карту мест их обитания, а также другие значимые параметры. На стенде были выставлены сборники трудов института, брошюры, популяризирующие достижения науки за 1952, 1953 и 1954 гг., плакаты с изображением усовершенствованных орудий охотничьего промысла.

Еще на одном стенде расположилась экспозиция Московского пушно-мехового института, на котором, помимо информации о факультетах, была представлена карта, знакомившая посетителей с основными точками экспедиционных работ студентов, а также информация о научном студенческом сообществе, объединявшем более 30 студенческих кружков.

Появилась и тема спортивной охоты. Так, на стенде «Охота в СССР — достояние широких масс трудящихся» на 24 кадрах демонстрировалась работа Московского добровольного общества охотников, объединявшего в 1953 г. 51 районное общество с 467 первичными коллективами, насчитывавшими 29 789 членов. По сведениям путеводителя, за 1953 г. членами общества было прочитано 279 лекций и докладов о необходимости соблюдения правил и сроков охоты, биологии промысловых зверей, охране и расселению новых ценных видов охотничьей фауны; специалистами было дано 620 консультации по вопросам охоты. Одним из важнейших направлений деятельности общества являлось истребление волков: только за 1952–1953 гг. его членами были уничтожены 264 зверя²⁷. Занималось общество и обогащением фауны — выпуском в естественную среду обитания бобров и утят кряквы, а также воспитанием подрастающего поколения: только в 1953 г. им было подготовлено 787 юных охотников. Обществом проводились стрелковые соревнования, предоставлялась возможность тренировок на двух городских и двадцати сельских стендах, активно развивалось охотничье собаководство. У общества имелись свои производственные и торговые предприятия.

В центре вводного зала располагался стенд, показывавший удовлетворение потребности в мехах населения нашей страны. На левом стенде рассказывалось о национализации охотничьих угодий, установлении права охоты для всех граждан, подготовке специалистов для данной отрасли. На правом были собраны достижения звероводства, в частности в разведении соболя в неволе.

В конце зала появились репродукции картины П. П. Соколова «Потрава», на которой крестьянин, убивший борзую собаку, замахивается палкой на помещика, и картины Н. Д. Кузнецова «Объезд владений», на которой барин делает выговор охотнику-крестьянину, которого застал в угодьях. Сюда же из кабинета научной консультации были перенесены картины «В. И. Ленин на охоте» и «С. М. Киров на охоте».

В главном зале тоже было сделано много изменений. Его экспозиция была разделена на две части — охотничий промысел и звероводство. Вдоль правой стены зала располагались стенды, рассказывавшие о клеточном разведении

²⁷ Путеводитель-1954. С. 20–21.

пушных зверей. Сюда же были перемещены альбомы из кабинета научной консультации. Отдельный стенд был посвящен ондатроводству.

На стендах павильона располагались художественные панно, показывавшие вольное, полувольное и клеточное разведение зверей. Это уже знакомые нам лежбища котиков и островное разведение песцов, к которым добавилась картина, на которой был изображен пруд для полувольного содержания нутрий. Один из стендов по левой стене был отдан под Верхне-Кетскую производственную охотничью станцию, находившуюся в Томской области. Организованная в 1942 г., она занимала площадь в 1,5 млн га и осуществляла добычу 15 видов промысловых зверей. В 1952–1953 гг. станция сдала государству пушнины на сумму 943 тыс. руб. Рядом с этим стендом был представлен колхоз имени К. Е. Ворошилова Якутской АССР, занимавшийся пушным промыслом, оленеводством и рыбной ловлей.

В путеводителе впервые упоминается об экспозиции, посвященной новому способу истребления волков — отстрелу с самолета, а в тексте борьба с волками названа важнейшим государственным мероприятием. Указанным способом только в Тамбовской области за три года было уничтожено 429 волков²⁸. Кроме того, впервые упомянут барельеф, изображавший охотников-спортсменов на лыжах.

Появляется информация, связанная с работой новой организации — Государственного племенного рассадника (ГПР), организованного в 1949 г. на базе колхозных звероводческих ферм Тобольского, Вагайского, Байкальского и Дубровинского районов.

Изменения претерпела и центральная скульптурная группа зала (автор — В. А. Ватагин): в центре ее горки был вмонтирован диапроектор, показывавший карту распространения ценных промысловых зверей, а по бокам располагались зеркальные вращающиеся витрины, в которых были разложены меха. В центре зала, в закрытых витринах были представлены меховые изделия их пушнины и шерстяные костюмы из пуха серебристо-черных лисиц.

В зале Мехпрома демонстрировались успехи передовиков-мездрильщиков, закройщиц и т. д. На центральном стенде был показан опыт Ростокинского мехового комбината Москвы, а внизу стенда — макет избушки кустаря-скорняка царской России, призванный продемонстрировать тяжесть и вред для здоровья этого труда. В зале были сохранены зеркальные установки с движущимися транспортерами, на которых размещалась продукция меховой промышленности — выделанные, крашенные и имитированные меха, а рядом на манекенах и в витринах были представлены готовые изделия — манто, горжетки, пелерины, муфты, шапочки и т. д.

На открытом участке была построена небольшая колхозная звероферма, на которой содержалось 14 голов серебристо-черных лисиц, дом колхозного зверовода с кормовой кухней и типовым оборудованием. Добавились и новые жители — лисопесцы (гибриды лисицы и песца).

²⁸ Путеводитель-1954. С. 27.

Рядом с образцовой промысловой избушкой был возведен «Дом охотника», куда была перенесена из павильона консультационная площадка и почти весь литературный фонд, а также осуществлялся показ фильмов по охоте и звероводству.

В путеводителе впервые упоминалось народно-хозяйственное значение северного и пантового оленеводства. На тот момент СССР был единственной страной, в которой оленей разводили для получения пантокринина. На открытой территории имелись три оленника — для маралов, пятнистых и северных оленей.

Было построено типовое здание отделения ондатрового промхоза с производственным оборудованием и двумя стендами, показывающими работу Балхашского ондатрового промхоза и фермы Изюмской райзаготконторы, а также нутриевой фермы Изюмского района Харьковской области, применявшей полувольный способ содержания этих зверьков. Напротив здания располагался пруд, куда были выпущены ондатры и где также обитали дикие утки, гуси, серый и гуменник, и т. д.

Выше по ручью в двух вольерах содержались нутрии, семья бобров, состоявшая из трех поколений, и группа прирученных молодых бобров, далее располагался вольер с двумя косулями и отдельный вольер с белками-телеутками. Сохранилась и клетка с охотничьим беркутом.

В путеводителе, вышедшем в свет в 1955 г., были отражены незначительные изменения, касавшиеся экспозиции павильона.

Были добавлены некоторые детали экспозиции, актуализированы статистические данные по количеству звероферм и изменению качественных показателей их работы, разработке новых кормов и вакцин, заготовкам пушнины, росту продажи населению меховых изделий, расселению и разведению ценных диких пушных зверей, пантовому и северному оленеводству, работе Московского добровольного общества охотников, в которое на тот момент входили уже 33 100 членов²⁹. Были обновлены данные по передовикам производства и передовым колхозам и расширено описание таких направлений, как ондатроводство и полувольное разведение нутрий. Появился также альбом, посвященный работе Научно-исследовательского института кролиководства и пушного звероводства Министерства сельского хозяйства РСФСР.

Надо отметить, что, несмотря на краткость путеводителя по сравнению с предыдущими выпусками, в нем появилось одно важное новшество — план павильона, маршрут осмотра на складывающемся листе, вклеенном между страницами 24 и 25. На его обратной стороне помещался план открытого участка.

Этот план павильона — один из немногих дошедших до нас документов, который позволяет получить точную информацию о расположении всех 55 стендов и картушей.

²⁹ Путеводитель-1955. С. 17.

Осмотр павильона предлагалось начинать с левой стороны вестибюля (картуши с текстом № 1–6), затем пройти в правое крыло — вводный зал, где располагались стенды 7–19: карты с изображениями животных (№ 7–8); правительственные мероприятия по охоте и звероводству (№ 9); достижения охотничьего хозяйства и звероводства (№ 10); государственные заповедники (№ 11); развитие звероводства (№ 12); выдержки из директив партии и правительства (№ 13); заготовка пушнины (№ 14); Всесоюзная научно-исследовательская лаборатория пушного звероводства и пантового оленеводства (№ 15–16); Всесоюзный научно-исследовательский институт охотничьего промысла (№ 17–18); Научно-исследовательский институт кролиководства и пушного звероводства (№ 19).

В главном зале располагались стенды 21–41: ферма полувольного содержания нутрий Изюмской РЗК «Заготживсырье» Харьковской области (№ 21); Байкало-Кударинский ондатровый промхоз Бурят-Монгольской АССР (№ 22); Карская производственно-охотничья станция (№ 23); колхоз им. Ворошилова Анабарского района Якутской АССР (№ 24); экспозиция, посвященная проблеме истребления волков и грызунов (№ 25); вращающиеся витрины с мехами (№ 26 и № 36), расположенные в двух дальних углах зала; скульптурная группа и карта ареала зверей (№ 27) в нише; стенды с готовыми меховыми изделиями (№ 28–35); звероферма колхоза «Вперед» Шацкого района Рязанской области (№ 37); Пушкинский зверосовхоз Московской области (№ 38); звероферма им. Л. М. Кагановича Тобольского района Тюменской области (№ 39); совхоз «Пуятин» Приморского края (№ 40); Тобольский госплемрассадник серебристо-черных лисиц (№ 41).

В зале правого крыла (Мехпрома) находились стенды Ростокинского мехового комбината (№ 42 и № 43); движущиеся транспортеры с пушниной (№ 44–46); стенд, посвященный передовикам меховой промышленности (№ 47); наплывной аппарат с показом достижений меховой промышленности (№ 48); картуш с текстом (№ 49). Заканчивался осмотр павильона картушами на правой стороне вестибюля (№ 50–55).

Экспозиция стенда № 20 была посвящена деятельности Московского общества охотников. Картуш с текстом № 49 на схеме не обозначен. Его расположение фактически однозначно можно определить на торцевой стене перегородки со стендами 40 и 41 и картушами 51 и 52.

Еще одним новшеством стал выпуск отдельного каталога «Животные, экспонируемые на открытом участке»³⁰, в котором приводились сведения по биологии представленных видов, о способах охоты на них или специфике их разведения в неволе, а также большое количество их фотографий.

В том же году в первом, октябрьском, номере нового журнала «Охота и охотничье хозяйство» вышла в свет статья директора павильона Ф. Г. Рамкова

³⁰ Ларин С. А., Ильина Е. Д. Павильон «Охота и звероводство»: Животные, экспонируемые на открытом участке. М., 1955.

и главного методиста Н. Я. Авдеева³¹, в которой рассказывалось о его обновленной экспозиции. В дальнейшем журнал периодически публиковал информацию по некоторым аспектам экспозиции павильона и событиям, происходившим в нем.

Обложка выпущенного в 1956 г. путеводителя³², как в 1939 и 1940 гг., была украшена не фотографией, а рисунком павильона. Текст содержал актуализированную информацию: теперь экспозиция была описана в том порядке, в котором предполагался ее осмотр: левая сторона вестибюля, главный зал, меховой зал, правая сторона вестибюля, открытый участок. Впервые в путеводителе упоминалась чучельная группа во ввводном зале.

Напротив стенда № 20, посвященного в этом году добровольным охотничьим обществам, членами которых в 1956 г. являлись более одного миллиона охотников, демонстрировался диафильм о работе и достижениях Ленинградского (27 500 членов) и Муромского районного охотничьего общества (Владимирская область, около 3 000 членов).

С последнего стенда ввводного зала (№ 19) была удалена информация о Научно-исследовательском институте кролиководства и пушного звероводства, так как теме кролиководства был отведен отдельный павильон и на нем поместили репродукции картин «Объезд владений» и «Потрава», к которым была добавлена картина «Скупщик пушнины» М. Сидорова, изображавшая, как купцы и их агенты спаивали охотников и за бесценок забирали их пушнину.

В главном зале при описании стенда № 25, посвященного борьбе с волками, упоминается демонстрация диафильма о наиболее эффективных методах борьбы с ними — уничтожении волчьих выводков на логовах, облавах с флажками, отлове капканами, розыске и уничтожении молодых волков с помощью собак.

Впервые упоминаются и витрины с охотничьим оружием, боеприпасами и снаряжением. У дверей мехового зала (в правом крыле) в двух расположенных друг напротив друга стендах появились капканы и ловушки, которые охотники использовали для добычи пушных зверей.

Путеводитель 1957 г., несмотря на свою краткость, также содержит сведения, дополняющие картину интересующей нас охотничьей составляющей экспозиции павильона: в путеводителе упоминался диафильм, посвященный деятельности Московского общества охотников. В этом же году был выпущен каталог «Промысловые звери и экспонаты охотничьей фауны павильона “Охота и звероводство” на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1957 г.»³³.

³¹ Рамков Ф., Авдеев Н. Павильон «Охота и звероводство» // Охота и охотничье хозяйство. 1955. № 1. С. 43–47.

³² Всесоюзная сельскохозяйственная выставка. Павильон «Охота и звероводство»: путеводитель. М., 1956.

³³ Промысловые звери и экспонаты охотничьей фауны павильона «Охота и звероводство» на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке 1957 года: каталог. М.: Фотоиздат ВСХВ, 1957.

В 1958 г. в Государственном издательстве сельскохозяйственной литературы вышла в свет книга «Охота, звероводство и собаководство»³⁴, в которой были приведены сведения о мероприятиях по развитию охотничьего хозяйства и пушного звероводства, промысловой и спортивной охоте, собаководству и использованию собак для выпаса овец, выпаса и охраны оленей, транспортировки грузов, служебного и охотничьего собаководства, а также на пяти с половиной страницах рассказывалось об экспозиции павильона на ВСХВ, приводилось краткое описание павильона «Собаководство» и сведения об основных породах служебных и охотничье-промысловых собак. За несколько лет была сформирована целая библиотечка книг серии «Всесоюзная сельскохозяйственная выставка», изданных под эгидой павильона.

Такой всплеск публикационной активности был вызван намечавшимся обменом выставками между Россией и США и трансформацией концепции экспозиций: вместо демонстрации счастливой жизни колхозов должна была появиться выставка потребительских товаров³⁵. В 1959 г. постановлением Совета Министров от 15 января ВСХВ была объединена со Всесоюзной промышленной выставкой (ВПВ), с которой была разделена в 1956 г., и получила название ВДНХ СССР. В прилагаемом Положении о Выставке достижений народного хозяйства СССР охота, охотничье хозяйство и звероводство не упомянуты. Главная задача выставки состояла в «активной пропаганде достижений и передового опыта промышленности, сельского хозяйства, строительства, транспорта, а также достижений науки, техники и культуры с целью широкого внедрения их в практику, всемерного содействия техническому прогрессу и повышению производительности труда в народном хозяйстве СССР и использования преимуществ новой системы управления промышленностью и строительством»³⁶. Согласно п. 4 этого документа «Выставка достижений народного хозяйства СССР в соответствии с возложенными на нее задачами изучает все новое и передовое в различных отраслях народного хозяйства СССР, в области науки, техники и культуры и отбирает лучшие образцы для показа на Выставке; организует периодические выставки по различным актуальным вопросам развития народного хозяйства... <...> организует проведение экскурсий, технических конференций, семинаров, лекций, докладов по отдельным темам и экспозициям Выставки, встречи по обмену опытом участников Выставки...»³⁷.

³⁴ Рамков Ф., Плотников Д., Логунов Н. Охота, звероводство и собаководство. М., 1958. 92 с. (Передовой опыт в сельском хозяйстве. Опыт участников ВСХВ / Всесоюз. с.-х. выставка).

³⁵ О ВДНХ [Электронный ресурс] // Выставка достижений народного хозяйства: сайт. URL: <https://vdnh.ru/visitors/about/> (дата обращения: 03.06.2023).

³⁶ Положение о Выставке достижений народного хозяйства СССР: Утв. Советом Министров СССР 15.01.1959 г. [Электронный ресурс] // Кодекс: электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: сайт. URL: <https://docs.cntd.ru/document/765714122> (дата обращения: 02.06.2023).

³⁷ Там же.

Согласно этой концепции в дальнейшем и формировалась экспозиция павильона: в нем, помимо демонстрации постоянной и сменной экспозиции, рассказывавшей о роли охотничьего хозяйства в экономике нашей страны, проводились различные мероприятия, в том числе ежегодные выставки и награждения почетными знаками «Отличник охотничьего хозяйства» и т. д. Для некоторых охотников из глубинки посещение павильона и участие в его работе становилось одним из самых значимых событий в жизни.

По сведениям А. Н. Зиновьева, довольно долгое время павильон существовал «практически в первоначальном виде, а его фасад был причислен к объектам культурного наследия»³⁸. Его мало коснулись изменения, в результате которых по Постановлению ЦК КПСС и Совета министров СССР от 18.04.1963 № 452 «О перестройке работы Выставки достижений народного хозяйства СССР»³⁹ многие павильоны сменили названия и были значительно модернизированы.

В результате перевода выставки на хозрасчет в 1988 г. и ее фактического превращения в огромный рынок бытовой техники павильон использовался как склад, а в мае 2005 г. был уничтожен пожаром, несмотря на то что после крупного пожара 1993 г., произошедшего в павильоне «Профтехобразование», 49 павильонов и некоторые другие объекты были поставлены на государственную охрану⁴⁰. К сожалению, такая же участь в 2011 г. постигла и павильон «Ветеринария» с уникальными росписями В. А. Фаворского.

Сегодня на месте павильона сохранились лишь две упомянутые выше скульптуры. Одна из них — женщина-зверовод — имеет следы значительных разрушений.

Заключение. Павильон «Охота и звероводство», а позднее — «Охота и охотничье хозяйство», был значимым элементом главной выставки страны — символа советской эпохи.

Его роль в истории охоты в СССР сложно переоценить: описания его экспозиции сохранили для отечественных охотников важный элемент их культурного наследия — неотъемлемой части общего культурного наследия нашей страны. Отринуть его — означает отказаться от значимой составляющей своей истории.

Охотничье хозяйство России в современном мире не в состоянии самостоятельно прокормить население крупных городов, однако оно сможет сыграть важную вспомогательную роль в обеспечении продовольственной безопасности

³⁸ Зиновьев А. Н. Ансамбль ВСХВ: архитектура и строительство. М., 2014. С. 284.

³⁹ Постановление ЦК КПСС, Совета Министров СССР от 18.04.1963 № 452 «О перестройке работы Выставки достижений народного хозяйства СССР» [Электронный ресурс] // Электронная библиотека исторических документов: сайт. URL: <http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/355362> (дата обращения: 02.06.2023).

⁴⁰ О ВДНХ [Электронный ресурс] // Выставка достижений народного хозяйства: сайт. URL: <https://vdnh.ru/visitors/about/> (дата обращения: 02.06.2023).

населения удаленных и труднодоступных регионов⁴¹. В большинстве европейских стран охота признана, помимо прочего, одной из старейших форм неистощительного природопользования — успешной моделью охраны и использования природных ресурсов, а также истинным культурным достоянием с многовековой историей и традициями⁴². В нашей стране намечаются те же тенденции.

Сегодня в рамках реконструкции ВДНХ, начатой после ее передачи в 2013 г. правительству Москвы, рассматривается вопрос о целесообразности восстановления павильона. Важность его возрождения в рамках современного крупнейшего экспозиционного, музейного и рекреационного комплекса в мире очевидна. При условии сохранения его исторического облика, с учетом реалий современной охоты и охотничьего хозяйства, с привлечением профильных научных специалистов он снова смог бы занять достойное место в ряду культурно-исторических объектов современного комплекса ВДНХ и сыграть важную роль в возрождении и популяризации охотничьей культуры в России, что особенно важно в связи с перспективой возвращения практики сдачи охотничьего минимума для получения охотничьего билета.

Литература

1. Беспалько Д. Н. Влияние организационно-технических проблем устройства быта охотничье-промыслового населения Читинской области на заготовки пушно-мехового сырья: 1930 – начало 1990-х гг. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2020. Т. 22. № 3. С. 565–574. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-565-574
2. Беспалько Д. Н. Организация охотничье-промыслового хозяйства на территории Витимо-Олекминского округа в 1930–1938-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 470. С. 116–125. DOI: 10.17223/15617793/470/14
3. Горлов В. Н. Главная выставка страны — символ советской эпохи // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 3. С. 161–164. DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-161-164
4. Старцев А. В. Государственное регулирование охотничьего промысла в России в XVII – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 400. С. 152–156. DOI: 10.17223/15617793/400/25
5. Степанов К. К. Образ советского Дальнего Востока в архитектуре региональных павильонов на сельскохозяйственных выставках в Москве (1923–1954) // Academia. Архитектура и строительство. 2020. № 4. С. 24–30. DOI: 10.22337/2077-9038-2020-4-24-30
6. Целыхова Е. К., Миньков С. И. Охотничье хозяйство как элемент обеспечения продовольственной безопасности России // Охота и охотничье хозяйство. 2022. № 10. С. 4–8.

⁴¹ Подробнее см.: *Целыхова Е. К., Миньков С. И.* Охотничье хозяйство как элемент обеспечения продовольственной безопасности России // *Охота и охотничье хозяйство*. 2022. № 10. С. 4–8.

⁴² DJV [Электронный ресурс] // Deutsche Jagdverband = Немецкая охотничья ассоциация: сайт. URL: <https://www.jagdverband.de/der-djv> (дата обращения: 03.06.2023).

References

1. Bepal'ko D. N. Vliianie organizatsionno-tekhnicheskikh problem ustroistva byta okhotnich'e-promyslovogo naseleniia Chitinskoi oblasti na zagotovki pushno-mekhovogo syr'ia: 1930 – nachalo 1990-kh gg. [Influence of organizational and technical problems of the organization of life of the hunting and fishing population of the Chita region on the procurement of fur raw materials: 1930 – early 1990s] // Bulletin of Kemerovo State University. 2020. Vol. 22. № 3. P. 565–574. DOI: 10.21603/2078-8975-2020-22-3-565-574 (In Russ.).
2. Bepal'ko D. N. Organizatsiia okhotnich'e-promyslovogo khoziaistva na territorii Vitimo-Olekminskogo okruga v 1930–1938-e gg. [Organization of the hunting and fishing economy on the territory of the Vitimo-Olekma district in the 1930s – 1938s] // Tomsk State University Journal. 2021. № 470. P. 116–125. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/470/14
3. Gorlov V. N. Glavnaia vystavka strany — simvol sovetskoi epokhi [The main exhibition of the country — a symbol of the Soviet era] // Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences. 2020. № 3. P. 161–164. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310-676X-2020-3-161-164
4. Startsev A. V. Gosudarstvennoe regulirovanie okhotnich'ego promysla v Rossii v XVII – nachale XX v. [State regulation of hunting in Russia in the 17th – early 20th centuries] // Tomsk State University Journal. 2015. № 400. P. 152–156. (In Russ.). DOI: 10.17223/15617793/400/25
5. Stepanov K. K. Obraz sovetskogo Dal'nego Vostoka v arkhitekture regional'nykh pavil'onov na sel'skokhoziaistvennykh vystavkakh v Moskve (1923–1954) [The image of the Soviet Far East in the architecture of regional pavilions at agricultural exhibitions in Moscow (1923–1954)] // Academia. Architecture and Construction. 2020. № 4. P. 24–30. (In Russ.). DOI: 10.22337/2077-9038-2020-4-24-30
6. Tselykhova E. K., Min'kov S. I. Okhotnich'e khoziaistvo kak element obespecheniia prodovol'stvennoi bezopasnosti Rossii [Hunting as an element of ensuring food security in Russia] // Okhota i okhotnich'e khoziaistvo. 2022. № 10. P. 4–8. (In Russ.).

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.09

Петров Михаил Дмитриевич

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

petrov1995@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1658-6259

СОПЕРНИК ТОМАСА УЭНТУОРТА: ЛОРД АНТРИМ И ЕГО ПРОЕКТ НОВОЙ ИРЛАНДСКОЙ АРМИИ

Аннотация. В статье рассматривается проект Новой ирландской армии, предложенный Карлу I графом Антримом. По его замыслу, это войско должно было стать важным инструментом абсолютистской политики английской монархии, ликвидировать угрозу со стороны шотландских ковенантеров, а также реализовать личные амбиции своего создателя. Несмотря на хорошо проработанную теоретическую составляющую проекта, выдержанного в русле второго этапа военной революции, его полноценная реализация так и не была осуществлена. Причиной этого стали как личные конфликты Антрима и губернатора Ирландии Уэнтуорта, так и нерешенные фискальные и финансовые проблемы в королевской казне. Помимо этого, попытка создания армии, состоящей преимущественно из католиков, стало значимым фактором усиления поляризации английского общества накануне событий Английской революции.

Ключевые слова: Рэндал Макдоннел, граф Антрим, Томас Уэнтуорт, граф Страффорд, Карл I, Новая ирландская армия, английская регулярная армия, английский абсолютизм XVII в., военная революция XVI–XVII вв., Английская революция, Войны трех королевств, Епископские войны.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.09

Petrov Mikhail D.

Postgraduate Student

Moscow City University

Moscow, Russia

petrov1995@mail.ru; ORCID: 0000-0002-1658-6259

**THOMAS WENTWORTH'S RIVAL:
LORD ANTRIM AND HIS PROJECT OF NEW IRISH ARMY**

Abstract. The article considers the draft of the New Irish Army proposed to Charles I by Earl Antrim. According to his plan, this army was to become an important instrument of the absolutist policy of the English monarchy, eliminate the threat from the Scottish covenanters, and also realize the personal ambitions of its creator. Despite the well-developed theoretical component of the project, sustained in line with the second stage of the military revolution, its full implementation was never implemented. The reason for this was both the personal conflicts of Antrim and the Governor of Ireland Wentworth, and the unresolved fiscal and financial problems in the royal treasury. In addition, an attempt to create an army consisting mainly of Catholics was a significant factor in increasing the polarization of English society on the eve of the events of the English Revolution.

Keywords: Randal MacDonnell, Earl of Antrim, Thomas Wentworth, Earl of Strafford, Charles I, New Irish army, English regular army, English absolutism of the XVII century, military revolution of the XVI–XVII centuries, English Revolution, Wars of the Three Kingdoms, Bishops' Wars.

Введение. Понимание событий и процессов, предшествующих событиям Первой гражданской войны (1642–1646), чрезвычайно важно в контексте рассмотрения причин кризиса стюартовской монархии в середине XVII в. Одной из причин ее неспособности ответить на внутриполитические вызовы было отсутствие под началом короля преданной ему многочисленной и современной регулярной армии, тактически слаженной и имеющей боевой опыт. Период правления Карла I (1625–1649) ознаменовался лишь экспериментами, первыми пробами в деле создания постоянного войска, прообраза будущей профессиональной британской армии. Пионером в этом деле отечественная историография считает Томаса Уэнтворта, 1-го графа Страффорда. Согласно подавляющему большинству отечественных исследований, посвященных этому историческому деятелю, он с самого начала создавал свое войско для борьбы с антироялистской оппозицией внутри Англии.

Такой точки зрения придерживается дореволюционный исследователь, историк Н. И. Кареев, указывающий, что «Страффорд держался именно того взгляда, что королю нужно иметь хорошую армию, и сам набирал войско», необходимое для установления в королевстве новой системы «в виде сурового режима Ришелье»¹.

¹ Кареев Н. И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII веках. М., 2017. С. 409.

Ему вторят и знаменитые советские историки В. М. Лавровский и М. А. Барг: Уэнтуортом предусматривалась «еще одна возможность использования ирландской армии — для подавления революции в Англии»². Схожего мнения придерживается и современный исследователь Д. О. Гордиенко, согласно которому полки под командованием Уэнтуорта, возможно, должны были «выступить известной демонстрацией силы для противников курса Карла I в Англии»³. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что даже представители разных когнитивных и идеологических парадигм в этом вопросе пришли к определенному консенсусу.

Тем не менее армия под началом Уэнтуорта изначально не подходила для решения подобных глобальных задач в силу своей малочисленности. В феврале 1638 г., за несколько месяцев до начала Епископских войн, Уэнтуорт писал, что общая численность войск под его командованием составляет всего 3 тыс. регулярной пехоты и кавалерии⁴. Практически такой же численностью (2400 солдат) обладал английский воинский контингент в Ирландии и до назначения сэра Уэнтуорта ее лордом-наместником⁵. Вместе с тем это войско должно было выполнять множество задач на самом острове, от которых зависела дальнейшая работоспособность королевской администрации. По мнению Карла I, именно благодаря наличию на Изумрудном острове преданных монарху вооруженных сил «это королевство доведено до такого состояния, что они [ирландцы] во всех частях принимают наши законы»⁶. Наиболее неприемлемыми для местного населения были введенные Стюартами принципы землепользования, согласно которым католики подвергались земельным конфискациям в пользу колонистов-протестантов. Для защиты земель последних и была направлена большая часть бойцов, так как если бы плантации англикан подверглись уничтожению, то абсолютизм лишился бы «основных средств цивилизовывания» коренного населения, а также насаждения государственной религии⁷. В связи с этим, если бы правительство решило передислоцировать имеющиеся в Ирландии полки в Британию, то это привело бы к потере контроля над большей частью региона.

² Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция: некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М., 1958. С. 203.

³ Гордиенко Д. О. «Последний довод Великого века»: становление английской королевской регулярной армии в XVII веке // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 3. С. 200.

⁴ The Lord Deputy to my lord Cottington, dated Dublin, Feb. 10, 1638 // Papers relating to Thomas Wentworth, first earl of Strafford. Printed for the Camden society, 1890. P. 8.

⁵ The Lord Viscount Wilmot to the Lord Cottington. Dublin, Jan. 10, 1631 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life, by Sir George Radcliffe. Vol. 1. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 61.

⁶ The King to the Lords Justices of Ireland. Palace of Westminster the 14th Day of April 1632 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life, by sir George Radcliffe. Vol. 1. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 71.

⁷ The graces, the requests of the House of Commons, and the advice of the Lord Deputy and the Council of Ireland concerning the same. Castle of Dublin, Oct. 6th, 1634 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life, by Sir George Radcliffe. Vol. 1. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 320.

Ход и результаты исследования. Накануне Войн трех королевств ставится вопрос о формировании новой армии, способной решить общебританские проблемы стюартовской монархии. К 1638 г. основные силы сопротивления абсолютистской политике были сосредоточены в Шотландии, где местные пресвитериане резко выступили против церковной политики Карла I. В результате лорду-наместнику Ирландии начали поступать предложения от Рандала Макдоннела, 2-го графа Антрима, основная суть которых заключалась в формировании под его руководством трех полков с «правом назначения офицеров»⁸. В дальнейшем в современной англоязычной историографии это войско получит название Новой ирландской армии. Его место в дальнейших событиях английской революции так же важно, как и роль основных вооруженных сил под командованием Уэнтуорта.

Новая ирландская армия, согласно планам Антрима, должна была не только «привести ковенантеров к повиновению», но и предотвратить волнения на самом острове. Опасения по поводу последнего возникали из-за того, что бунтовщики, заручившись поддержкой ольстерских пресвитериан, могли бы организовать значительные волнения на границе двух королевств. Но не только государственные интересы двигали графом. Вторжение сформированного им войска в Шотландию должно было также способствовать и решению личной задачи — «возвращению бывших земель Макдоннелов», находящихся в руках Кэмпбеллов, присоединившихся к мятежникам⁹.

Последнее было значимым фактором того, почему именно Антрим решил собрать войско. В письме к Уэнтуорту он указывал, что Арчибальд Кэмпбелл, лорд Лорн, ныне владеющий частью земель его предшественника, является его врагом, и он считает, что в конце концов «разум побудит короля направить оружие» против него. Но перед тем как предложить Карлу сформировать под его командованием новую армию, он решил сначала ознакомить с этой идеей самого Уэнтуорта, так как «очень нуждается» в его совете. Тем не менее в конце письма граф все же признается, что именно «архиепископ Кентерберийский приказал мне сначала ознакомить с этим Вашу Светлость, и ничего не предпринимать в этом деле без вашего одобрения»¹⁰. Однако впоследствии именно король, а не лорд-наместник Ирландии, выступил проводником «проекта» Антрима.

Уэнтуорт же не стремился оказывать графу содействия в его деле. Это можно объяснить как его стремлением провести собственную военную операцию

⁸ The Earl of Antrim's propositions. 1638 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life, by Sir George Radcliffe. Vol. 2. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 305.

⁹ *Stevenson David*. Scottish covenanters and Irish confederates: Scottish-Irish relations in the mid-seventeenth century. Belfast, 1981. P. 22–23.

¹⁰ The Earl of Antrim to the Lord Deputy. York-House, July 17, 1637 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life by Sir George Radcliffe. Vol. 2. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 184.

в Шотландии¹¹, опираясь на уже находящиеся на острове силы, так и личными мотивами. К последним, во-первых, можно отнести религиозные разногласия: лорд Антрим был католиком, в связи с чем у наместника-протестанта были «весьма веские основания полагать, что, притворяясь слугой, но ничего не делая для Его Величества, он внимательно ищет то, что можно сделать для своего состояния и власти»¹². Во-вторых, лорд-наместник был возмущен тем, что в ситуации, когда королю понадобилась помощь со стороны Ирландии, он за его спиной обратился к стороннему человеку, а не к нему лично. Это вылилось в обиду королевского фаворита¹³. Наконец, в-третьих, Антрим был женат на Кэтрин Вильерс — бывшей супруге его политического противника Джорджа Вильерса, 1-го герцога Бекингема, убитого в 1628 г. Еще во время правления Якова I (1603–1625), будучи депутатом от Йоркшира, Уэнтуорт занимался резкой критикой его политики в палате общин¹⁴. Это обстоятельство также могло сыграть весомую роль в их сложных взаимоотношениях.

Королю, желавшему как можно скорее разрешить внутривнутриполитические проблемы, конфликт между Уэнтуортом и Антримом был, естественно, невыгоден. Еще в январе 1638 г. Карл писал губернатору Ирландии: «честно говоря, я был бы рад, если бы вы смогли найти какой-нибудь способ снабдить его оружием, хоть он и католик, так как он может быть мне сейчас очень полезен»¹⁵. К осени Уэнтуорт все же уступил монарху и сообщил, что Антрим «должен быть уверен, что получит от меня уважение, предназначенное для него, поскольку... я пребываю в совершенном повиновении Вашему Величеству во всем»¹⁶. И только к декабрю граф, обосновавшись в Каррикфергусе, начал формирование своей армии.

Старт процесса набора войск под командованием католика раздражал не только вынужденного подчиниться Уэнтуорта, но и имел далеко идущие политические последствия. Санкционированное монархией вооружение Макдоннеллов и их сторонников привело к возмущению многих ирландских роялистов, что стало угрожать самой основе английского правления в Ирландии. Практиковавшаяся и не ставившаяся до сих пор под сомнение политика абсолютного недоверия коренному населению в один миг перестала существовать. К тому же

¹¹ *Ohlmeyer Jane H.* Civil war and restoration in the Three Stuart Kingdoms: the career of Randal MacDonnell, Marquis of Antrim. 2nd ed. Dublin, 2001. P. 81–82.

¹² The Lord Deputy to the King. Dublin, 11 August 1638 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life by Sir George Radcliffe. Vol. 2. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 204.

¹³ *Stevenson David.* Op. cit. P. 27–28.

¹⁴ *Кареев Н. И.* Указ. соч. С. 406.

¹⁵ The King to the Lord Deputy. Whitehall, Jan. 25, 1638 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life, by Sir George Radcliffe. Vol. 2. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 275.

¹⁶ The Lord Deputy to the King. 18th Sept. 1638 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life, by Sir George Radcliffe. Vol. 2. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 217.

ольстерские шотландцы были потрясены тем, что англиканин Карл был готов послать «папистское войско» для подавления протестантского выступления¹⁷. Таким положением дел были недовольны многие пуритане и в самой Англии, что усиливало оппозиционные настроения в обществе.

Почему же правительство пошло на такой рискованный шаг? К началу революционных событий английские вооруженные силы все еще комплектовались на основе территориально-милиционной системы и созывались исключительно во время боевых действий или угрозы высадки противника на побережье. Превратить эту армию в регулярную и преданную лично монарху корона не могла в силу отсутствия в ее распоряжении стабильного источника доходов. В отличие от французских Бурбонов, имевших право взимать постоянный налог (талью) без согласия сословно-представительного органа¹⁸, Стюарты довольствовались лишь возобновлением древних забытых фискальных статутов, так как право утверждения новых налогов было прерогативой парламента. Указанная мера, выразившаяся, например, в статуте о так называемых корабельных деньгах, не только не привела к улучшению финансового положения правительства, но и значительно увеличила оппозиционные настроения среди налогоплательщиков¹⁹.

Вследствие этого в условиях перманентного увеличения стоимости содержания войск из-за случившейся в Европе военной революции²⁰ английские короли, так и не создав систему «военно-бюрократического абсолютизма»²¹, были вынуждены содержать лишь небольшое количество постоянных отрядов в самом потенциально взрывоопасном месте своих владений — Ирландии. В реалиях непрекращавшегося роста оппозиционных настроений и начала открытых вооруженных выступлений во всех трех подчиненных ему королевствах Карл I был вынужден использовать любую возможность для того, чтобы сохранить свою власть. Это объясняет, почему он выступил с протекцией проекта Антрима и позволил ему набрать католическую армию.

Прежде чем приступить к описанию боевого пути самого войска, необходимо обратиться к предложениям графа Антрима²², в которых содержатся ценнейшие сведения об уровне развития английского военного дела периода конца второго этапа Военной революции, характеризующегося масштабными нововведениями в передовых европейских армиях²³.

¹⁷ *Stevenson David*. Op. cit. P. 24.

¹⁸ *Малов В. Н.* Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М., 2005. С. 96–97.

¹⁹ *Лавровский В. М., Барг М. А.* Указ. соч. С. 199–201.

²⁰ *Пенской В. В.* Великая огнестрельная революция. М., 2010. С. 74–75.

²¹ *Downing B. M.* The Military revolution and political change. Origins of democracy and autocracy in early modern Europe. Princeton, 1992. P. 9–11.

²² The Earl of Antrim's propositions... P. 305–306.

²³ Петров М. Д. Развитие западноевропейского военного дела XVI–XVII вв. как фактор трансформации политических институтов раннего Нового времени (на примере Англии)

Общая численность армии, согласно проекту, должна была составить 5100 чел. Антрим указывал, что 4500 пехотинцев необходимо разделить на мушкетеров и пикинеров в пропорции 2 : 1²⁴, что было в русле реформ в передовом, по меркам текущего этапа военной революции, войске Морица Оранского²⁵. Такое построение, в отличие от испанских терций²⁶, давало возможность подразделениям наиболее эффективно использовать как стрелковое, так и холодное оружие; 600 кавалеристов должны были также комплектоваться ручным огнестрельным оружием — пистолетами и карабинами²⁷. Последнее позволяет утверждать, что в конных полках должны были быть не только устаревшие рейтары, но и драгуны. Огневая мощь полков должна была дополняться двенадцатью полевыми орудиями²⁸. Это также соответствовало современной тактической мысли: подобная практика применялась в победоносной армии Густава II Адольфа²⁹. Граф также просил лорда-наместника «выделить из армии Его Величества сотню наиболее пригодных солдат, чтобы сделать из них сержантов для тренировки его рот на местах»³⁰.

Кроме того, для армии готовилось 2 тыс. лопат и кирок³¹. Ввиду отсутствия среди армейского контингента вспомогательного персонала для ведения земляных работ эти орудия, по всей видимости, должны были использоваться самими бойцами во время осад. Указанное обстоятельство должно было в организационном плане приблизить полки Антрима к передовой на тот период армии Нидерландов, так как именно там впервые в Новой истории была введена практика возведения земляных укреплений солдатами, а не местными крестьянами. Последнее было чертой, характерной для уходящих в прошлое наемных армий³².

Представление Антрима о том, как должна быть организована современная армия, сформировалось не благодаря собственному боевому опыту, которого он, по его словам, не имел. Тем не менее длительное пребывание во Франции в 1625–1627 гг. дало графу возможность установить контакт со своими кузенами О'Ниллами, служившими в армии Фландрии, а также с родным братом Морицем, пехотным капитаном. Они, как и многие ирландские дворяне-католики первых десятилетий XVII в., отправлялись на континент для участия

и Франции) // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сб. науч. тр. Вып. XI / под общ. ред. С. Ю. Рафалюк. М., 2020. С. 192–193.

²⁴ The Earl of Antrim's propositions... P. 305.

²⁵ Разин Е. А. История военного искусства XVI–XVII вв. СПб., 1999. С. 350.

²⁶ Терция — испанское построение численностью 2500–3000 солдат, вооруженных пиками, мушкетами и аркебузами.

²⁷ The Earl of Antrim's propositions... P. 305.

²⁸ Ibid. P. 306.

²⁹ Разин Е. А. Указ. соч. С. 395.

³⁰ The Earl of Antrim's propositions... P. 305.

³¹ Ibid. P. 306.

³² Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках. М., 2008. С. 152–153.

в кампаниях Восьмидесятилетней (1568–1648) и Тридцатилетней (1618–1648) войн с целью приобретения военного опыта и обретения славы на поле боя³³. Однако, не имея возможности (и желания) наниматься на службу к протестантским правителям, они лишь в ограниченном виде обучались передовым тактическим и стратегическим новшествам. Действуя в рамках традиционной испано-католической военной школы, ирландцы-наемники могли видеть новейшие боевые приемы лишь у своих противников из Нидерландов и Швеции³⁴.

В связи с этим говорить о всеобъемлющем соответствии проекта Новой ирландской армии требованиям конца второго этапа военной революции, не приходится. Во-первых, исходя из содержания пунктов предложений Антрима, невозможно сделать вывод о том, какие тактические единицы использовались в пехоте. Для армий, реформированных Морицем Оранским и Густавом Адольфом, были характерны небольшие подразделения (полуполки, фирфенлейны) численностью приблизительно в 500 чел.³⁵ Если учесть, что в войске должно было быть всего три полка (по 1500 пехотинцев каждый), то, скорее всего, это и были наибольшие по численности отряды. Хоть их размер был вполонину меньше испанской терции, они были все еще громоздкими по сравнению с нидерландскими и шведскими аналогами. В связи с этим маневренность этих формаций на поле боя была недостаточной. Вызывает вопрос и качество вооружения для вспомогательных частей: для горцев, которые примут сторону короля, предлагалось закупить «пятьсот длинных луков и по четыре тетивы к каждому луку с двадцатью четырьмя стрелами». Можно предположить, что подобное оружие должно было быть закуплено в силу специфики военных навыков потенциальных шотландских союзников, однако вероятнее, что главную роль в этом сыграла ограниченность финансовых средств. Последнее является еще одной причиной, почему король был вынужден прибегнуть к услугам «ретика»: Антрим обещал полностью возместить королю 20 тыс. фунтов стерлингов, необходимых для содержания солдат на протяжении трех месяцев³⁶.

Создание Новой ирландской армии началось в декабре 1638 г. Оно заняло больше времени, чем планировалось изначально. Это произошло в том числе из-за препятствий, которые начал чинить Антриму лорд-наместник. В частности, Уэнтуорт отклонил просьбу графа о передаче войску опытных офицеров³⁷. Тем не менее объективно судить об эффективности приготовлений Антрима к высадке на шотландское побережье весьма затруднительно. Почти вся доступная информация о них содержится лишь во враждебных письмах лорда-наместника³⁸. Такое соперничество, обусловленное, скорее всего, желанием

³³ *Ohlmeyer Jane*. Making Ireland English: the Irish aristocracy in the seventeenth century. New Haven; London, 2012. P. 252.

³⁴ *Пенской В. В.* Указ. соч. С. 113–114.

³⁵ *Мак-Нил Уильям.* Указ. соч. С. 154.

³⁶ *The Earl of Antrim's propositions...* P. 306.

³⁷ *Ohlmeyer Jane H.* Civil war... P. 82–85.

³⁸ *Stevenson David.* Op. cit. P. 28.

Уэнтуорта лично командовать всеми вооруженными силами, находящимися на острове, имело негативные последствия для английского абсолютизма. К моменту окончательного формирования полков в июне 1639 г. в Шотландии был заключен Бервикский договор, положивший конец Первой епископской войне³⁹.

Проект использования Новой ирландской армии в Шотландии, был заморожен в 1640 г., после того как там вновь возобновились боевые действия против ковенантеров. Однако на этот раз инициатива перешла в руки Уэнтуорта, получившего от короля титул графа Страффорда. Именно он, через своего заместителя графа Ормонда, стал руководить набором войск. Их конечная численность теперь должна была достигнуть 8 тыс. пехоты и 1 тыс. кавалерии⁴⁰. Заметим, что Уэнтуорт был сторонником жесткой воинской дисциплины и постоянных тренировок, которые он регулярно проводил со своими солдатами сразу после того, как был назначен на должность лорда-наместника. В письме к казначею флота Генри Вейну (младшему) от 24 июля 1639 г. Уэнтуорт указывает, что «маленькая армия, которая у нас здесь есть, находится в хорошем состоянии во всех отношениях». Исключение составляли только две роты, которые были «в плохом состоянии, так как их офицеры пренебрегли ими». В результате им был дан приказ задержаться на маневрах еще две недели, до тех пор пока все недостатки не будут устранены⁴¹.

В начале июня 1639 г. наместник указывал, что Антрим не справился со своей задачей, так как имел недостаток в финансах. Помимо этого, он медлил с комплектованием офицерского корпуса, намереваясь привлечь на командирские должности ирландцев, находившихся на службе короля Испании, что вызвало бы «большие трудности». Естественно, на причины, побудившие Антрима к таким действиям, Уэнтуорт не указывает. Тем не менее он говорит о «многих и великих неудобствах для общественного спокойствия и безопасности королевства», вызванных действиями соперника-«еретика»⁴². Здесь необходимо упомянуть, что Уэнтуорт, несмотря на критику его методов, так и не отказался от идеи пополнять армию за счет католиков⁴³. После получения титула графа и отстранения своего соперника от командования войском он, почувствовав свое превосходство, по всей видимости, осознал, что необходимость победы короля над пуританской оппозицией гораздо важнее, чем его страх перед вооружением «папистских» полков. На мнение наместника

³⁹ *Ohlmeyer Jane H.* Civil war... P. 94.

⁴⁰ *Perceval-Maxwell M.* Outbreak of the Irish rebellion of 1641. London, 1994. P. 77.

⁴¹ The Lord Deputy to Sir Henry Vane treasurer of the household. Dublin-Castle, this 24th of July 1639 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life by Sir George Radcliffe. Vol. 2. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 427.

⁴² The Lord Deputy and Council to Sir Henry Vane. From his Majesty's Castle of Dublin, this 4th of June 1639 // The Earl of Strafforde's letters and dispatches: with an essay towards his life by Sir George Radcliffe. Vol. 2. London: Printed by William Bowyer, 1739. P. 356, 358.

⁴³ *Perceval-Maxwell M.* Op. cit. P. 109.

могли также подействовать уверения в лояльности со стороны лидеров католиков и быстрота, с которой ирландский парламент проголосовал за субсидии, необходимые для оплаты новых войск⁴⁴.

В палате лордов ирландского парламента, будучи отстраненным от руководства армией, Антрим обрушился с критикой в адрес Уэнтурта, обвинив его в нарушении сроков формирования войска. Однако у лорда-наместника были более влиятельные противники, чем несостоявшийся генерал-«еретик»: в ноябре 1640 г. он был вызван в Лондон, где вскоре ему были предъявлены обвинения в государственной измене. Одним из пунктов его обвинения стал якобы данный им совет королю, что он «свободен от устоявшихся правил управления государством» и что у него есть «войско в Ирландии, которое он может использовать для подчинения этого королевства, т. е. Англии». Однако доказательств намерений Страффорда использовать вооруженные силы для установления абсолютизма нет. Вероятно, оппозиция просто стремилась устранить королевского фаворита⁴⁵. В пользу данного утверждения говорит и тот факт, что во время судебных разбирательств по делу графа Новая ирландская армия как полноценная боевая единица еще не существовала, находясь в процессе формирования⁴⁶.

Военачальником Новой ирландской армии стал Джеймс Батлер, герцог Ормонд, близкий друг и заместитель Страффорда, получивший эту должность еще в апреле 1640 г. и не лишившийся ее даже после казни графа⁴⁷. Антрим же не получил в ней никакого поста, но тем не менее сохранял верность королю, предлагая ему те же непопулярные методы, из-за которых был отправлен на эшафот его соперник⁴⁸.

Дальнейшая судьба Новой ирландской армии после отстранения Антрима от командования напрямую связана с деятельностью английского парламента. Депутаты-пуритане были сильно обеспокоены наличием в ней католических священников, которые «открыто служили мессе и беспокоили протестантских проповедников». Не желая оставлять эту силу на территории Британии, члены палаты общин искали способы, как избавиться от воинственных ирландцев-«еретиков». Вариантов было несколько: начиная от продажи полков королю Испании и заканчивая проектом отправки их в помощь «персам против турок». Подобные проекты отражали непримиримость королевской оппозиции⁴⁹. В итоге благодаря стараниям парламентариев Новая ирландская армия была распущена в мае 1641 г.⁵⁰

⁴⁴ *Stevenson David*. Op. cit. P. 34.

⁴⁵ *Томсинов В. А.* Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов: период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: учеб. пособие. М., 2010. С. 173.

⁴⁶ *Perceval-Maxwell M.* Outbreak of... P. 100.

⁴⁷ *Butler James*, twelfth Earl and first Duke of Ormonde (1610–1688) // *Dictionary of National Biography* / Lee Sidney et al., eds. Vol. VIII. New York, 1886. P. 53.

⁴⁸ *Ohlmeyer Jane H.* Civil War... P. 96–99.

⁴⁹ *Perceval-Maxwell M.* Outbreak of... P. 110.

⁵⁰ *Stevenson David*. Op. cit. P. 39.

Антрим же совместно с Ормондом пытался сохранить войско и впоследствии использовать его для антипарламентского заговора, в котором, по разным версиям, могла участвовать и королевская чета⁵¹. Однако осенью 1641 г. он отстранился от своего союзника, удалился в свой замок в Данлюсе и лишь опосредованно принимал участие в событиях Ирландского восстания, начавшегося в это время⁵². В 1644 г., в разгар гражданской войны, Антриму вновь пришла идея поставить на королевскую службу значительное количество ирландцев, но она также не была реализована⁵³.

Заключение. Таким образом, формирование Новой ирландской армии было вызвано тем, что островное войско под командованием Уэнтуорта не было способно защитить переживавшую серьезный кризис монархию Стюартов. Вследствие нехватки средств Карл I был вынужден согласиться поставить во главе армии католика Антрима, обещавшего взять ее на свое содержание и сформировать полки, обученные и оснащенные по всем стандартам передовой военной мысли. Имея в том числе и личный интерес в этом предприятии, граф начал вербовку солдат в основном среди своих единоверцев. Это привело к росту протестных настроений как среди пуритан-оппозиционеров, так и среди сторонников политики абсолютизма, в частности фаворита короля — Уэнтуорта. Последний, видя в Антриме соперника, саботировал его инициативу, что стало одной из наиболее значимых причин поражения роялистов в Первой епископской войне. В дальнейшем Уэнтуорт сумел добиться отстранения конкурента-«еретика» от командования, однако из-за нехватки времени и ресурсов он также не смог выполнить поставленную перед ним задачу. К тому же ему пришлось столкнуться с противодействием членов палаты общин, добившихся его опалы и последующей казни.

Провал формирования Новой ирландской армии, вызванный не в последнюю очередь противостоянием лорда Антрима и графа Страффорда, явился важным фактором крушения абсолютистской политики Стюартов в Шотландии. Эти события усилили поляризацию внутри британского общества и привели к возникновению мощнейшего социетального кризиса, изменившего вектор развития английской государственности.

Тем не менее важно отметить, что проект Новой ирландской армии был составлен Антримом с учетом опыта нидерландской и шведской армий и отвечал всем требованиям передовой военной мысли того времени. Он мог бы в дальнейшем стать фундаментом для создания будущей регулярной королевской

⁵¹ *Perceval-Maxwell M.* Outbreak of... P. 190.

⁵² Массовое антиправительственное выступление ирландцев-католиков под руководством Фелима О'Нилла, вызванное конфискациями земель у коренного населения в пользу колонистов-протестантов и насильственным насаждением на острове англиканской религии. Было окончательно подавлено лишь в 1649 г. благодаря постоянной армии под руководством О. Кромвеля.

⁵³ *Stevenson David.* Op. cit. P. 168–169.

армии. Однако для реализации проекта Антрима Карлу I и его правительству необходим был неподконтрольный парламенту источник доходов, который можно было бы направить на финансирование армии. Не сумев обзавестись им даже во время одиннадцатилетнего беспарламентского правления, монархия в военном отношении оказалась ослабленной накануне назревающего гражданского конфликта.

Литература

1. Гордиенко Д. О. «Последний довод Великого века»: становление английской королевской регулярной армии в XVII веке // Самарский научный вестник. 2020. Т. 9. № 3. С. 199–203. DOI: 10.17816/snvt202093204
2. Лавровский В. М., Барг М. А. Английская буржуазная революция: некоторые проблемы английской буржуазной революции 40-х годов XVII века. М.: Соцэкгиз, 1958. 366 с.
3. Мак-Нил Уильям. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках / пер. с англ. Т. Ованнисяна. М.: Территория будущего, 2008. 456 с.
4. Малов В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905–1972). М.: Редакция УРСС, 2005. С. 96–142.
5. Пенской В. В. Великая огнестрельная революция. М.: Яуза; Эксмо, 2010. 448 с.
6. Петров М. Д. Развитие западноевропейского военного дела XVI–XVII вв. как фактор трансформации политических институтов раннего Нового времени (на примере Англии и Франции) // CLIO-SCIENCE: Проблемы истории и междисциплинарного синтеза: сб. научных трудов. Вып. XI / под общ. ред. С. Ю. Рафалюк. М.: МПГУ, 2020. С. 191–199.
7. Разин Е. А. История военного искусства XVI–XVII вв. СПб.: Полигон, 1999. 736 с.
8. Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640–1660 годов: период конституционной борьбы: ноябрь 1640 – август 1642 года: учеб. пособие. М.: Зерцало-М, 2010. 264 с.
9. Butler James, twelfth Earl and first Duke of Ormonde (1610–1688) // Dictionary of National Biography / Lee Sidney et al., eds. Vol. VIII. New York: MacMillan and Co, 1886. P. 52–60.
10. Downing B. M. The military revolution and political change. Origins of democracy and autocracy in early modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1992. 308 p.
11. Ohlmeyer Jane H. Civil war and restoration in the three Stuart kingdoms: the career of Randal MacDonnell, Marquis of Antrim. 2nd ed. Dublin: Four Courts Press, 2001. 363 p.
12. Ohlmeyer Jane. Making Ireland English: the Irish aristocracy in the seventeenth century. New Haven; London: Yale University Press, 2012. xxii, 668 p.
13. Perceval-Maxwell M. Outbreak of the Irish Rebellion of 1641. London: McGill-Queen's Press, 1994. 408 p.
14. Stevenson David. Scottish covenanters and Irish confederates: Scottish-Irish relations in the mid-seventeenth Century. Belfast: Ulster Historical Foundation, 1981. 364 p.

References

1. Gordienko D. O. «Poslednii dovod Velikogo veka»: stanovlenie angliiskoi korolevskoi reguliarnoi armii v XVII veke [“Ultimum ratio of the great age”: the development of the English royal regular army in the XVII century] // Samara Journal of Science. 2020. Vol. 9. Iss. 3. P. 199–203. (In Russ.). DOI: 10.17816/snv202093204
2. Lavrovskii V. M., Barg M. A. Angliiskaia burzhuaznaia revoliutsiia: nekotorye problemy angliiskoi burzhuaznoi revoliutsii 40-kh godov XVII veka. [English bourgeois revolution of the XVII century: some problems of the English bourgeois revolution of the 40s of the XVII century] Moscow: Sotsekgiz, 1958. 366 p. (In Russ.).
3. Mak-Nil Uil’iam. V pogone za moshch’iu. Tekhnologiia, vooruzhennaia sila i obshchestvo v XI–XX vekakh [In pursuit of power. Technology, armed force and society in the XI–XX centuries] / per. s angl. T. Ovannisiana. Moscow: Territoria budushchego, 2008. 456 p. (In Russ.).
4. Malov V. N. Tri etapa i dva puti razvitiia frantsuzskogo absoliutizma [Three stages and two paths in the development of French absolutism] // Frantsuzskii ezhegodnik 2005: Absoliutizm vo Frantsii. K 100-letiiu B. F. Porshneva (1905–1972). Moscow: Redaktsiia URSS, 2005. P. 96–142. (In Russ.).
5. Penskoii V. V. Velikaia ognestrel’naia revoliutsiia [Great firearms revolution]. Moscow: Iauza; Eksmo, 2010. 448 p. (In Russ.).
6. Petrov M. D. Razvitie zapadnoevropeiskogo voennogo dela XVI–XVII vv. kak faktor transformatsii politicheskikh institutov rannego Novogo vremeni (na primere Anglii i Frantsii) [Development of Western European military affairs in the XVI–XVII centuries as a factor in the transformation of political institutions in the early modern era (on the example of England and France)] // CLIO-SCIENCE: Problemy istorii i mezhdistsiplinarnogo sinteza: sb. nauchnykh trudov. Vyp. XI / pod obshch. red. S. Iu. Rafaliuk. Moscow: MPGU, 2020. P. 191–199. (In Rus.)
7. Razin E. A. Istoriiia voennogo iskusstva XVI–XVII vv. [History of military art of the XVI–XVII centuries]. St. Petersburg: Poligon, 1999. 736 p. (In Russ.).
8. Tomsinov V. A. Iuridicheskie aspekty angliiskoi revoliutsii 1640–1660 godov: period konstitutsionnoi bor’by: noiabr’ 1640 – avgust 1642 goda: ucheb. posobie [Legal aspects of the English Revolution of 1640–1660: period of constitutional struggle: November 1640 – August 1642]. Moscow: Zertsalo-M, 2010. 264 p. (In Russ.).
9. Butler James, twelfth Earl and first Duke of Ormonde (1610–1688) // Dictionary of National Biography / Lee Sidney et al., eds. Vol. VIII. New York: MacMillan and Co, 1886. P. 52–60.
10. Downing B. M. The military revolution and political change. Origins of democracy and autocracy in early modern Europe. Princeton: Princeton University Press, 1992. 308 p.
11. Ohlmeyer Jane H. Civil war and restoration in the three Stuart kingdoms: the career of Randal MacDonnell, Marquis of Antrim. 2nd ed. Dublin: Four Courts Press, 2001. 363 p.
12. Ohlmeyer Jane. Making Ireland English: the Irish aristocracy in the seventeenth century. New Haven; London: Yale University Press, 2012. xxii, 668 p.
13. Perceval-Maxwell M. Outbreak of the Irish Rebellion of 1641. London: McGill-Queen’s Press, 1994. 408 p.
14. Stevenson David. Scottish covenanters and Irish confederates: Scottish-Irish relations in the mid-seventeenth Century. Belfast: Ulster Historical Foundation, 1981. 364 p.

УДК 94(7)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.10

Нохрин Иван Михайлович

кандидат исторических наук, доцент

Челябинский государственный университет

Челябинск, Россия

ivan-nokhrin@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-6319-3661

**ОБРАЗ США КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ
КАНАДСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
В ПЕРИОД ВОССТАНИЙ 1830-х гг.**

Аннотация. В настоящее время исследователи находят все больше примеров, не вписывающихся в модернистскую парадигму исследований национализма. Один из таких примеров — канадский национализм. Само его возникновение представляет собой вызов для ученых. Если национализм — это принцип, согласно которому политические и культурные границы должны совпадать, как утверждал Э. Геллнер, то возникает вопрос, почему канадцы считают себя отдельной нацией и не присоединились до сих пор к американской нации или, если подходить с точки зрения исторической перспективы, почему они отделились от британцев, ведь их культурные отличия и от тех, и от других минимальны даже сегодня, не говоря о более ранних исторических периодах. В попытке найти иной, более плодотворный подход к изучению канадского национализма данная статья выстроена на ставшем уже классическим постулате Ф. Барта о конструирующей функции границ в формировании национальной идентичности. С такой исследовательской перспективы национализм — это исторически уникальный результат рефлексии о Другом, или, выражаясь словами Ж. Лакана, конституирующем Другом. Таким образом, целью данной статьи является изучение роли США как значимого Другого в истории канадского национализма. В частности, в ней доказывается, что именно вовлечение американских граждан в события канадских восстаний 1830-х гг., или, как их еще иногда называют, революций, предопределило неудачный исход этих событий по причине возникшего конфликта между зарождавшимся канадским национализмом и образом Другого, символически увязанным с американским вмешательством.

Ключевые слова: история Канады, национализм, канадский национализм, история национализма, национальная идентичность, национальное самосознание.

UDC 94(7)

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.10

Nokhrin Ivan M.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Chelyabinsk State University
Chelyabinsk, Russia
ivan-nokhrin@yandex.ru; ORCID 0000-0001-6319-3661

**THE IMAGE OF THE USA AS A FACTOR
IN THE DEVELOPMENT OF CANADIAN NATIONALISM
DURING THE UPRISINGS OF THE 1830s.**

Abstract. Researchers discover more and more cases that do not fit into the modernist paradigm of the nationalism studies. One is Canadian nationalism. It very occurrence presents a challenge to the paradigm of nationalism studies. If nationalism is the principle that demands political and cultural boundaries to coincide, as Gellner argued, it is not clear why Canadians consider themselves a nation and have not yet turned into Americans, or at least, why they do not continue to consider themselves British, since their cultural differences from both those are minimal even today, not to mention the XXth or the XIXth century. In search of a different approach to the study of Canadian nationalism, this paper based on Barth's classic postulate about the constitutive function of borders in the formation of national identity. From such a research perspective, nationalism is considered as a historically unique result of reflection on the "other" or, in the words of J. Lacan, the "constitutive other". Therefore, the purpose of this article is to explore the role of the United States as a "significant other" in the history of Canadian nationalism. In particular, I'm going to show that it was the involvement of American citizens in the events of the Canadian uprisings of the 1830s. or, as they are sometimes called, revolutions, that predetermined the unfortunate outcome of these events precisely because of the conflict that arose between the emerging Canadian nationalism and the image of the "other", symbolically linked to American intervention.

Keywords: history of Canada, nationalism, Canadian nationalism, history of nationalism, national identity, national identity.

Введение. К концу XX в. учеными был сформулирован ряд близких по сути концепций, которые широко используются для изучения феномена национализма по сей день. К таковым относятся теории Э. Геллнера, М. Хроха, Э. Хобсбаума, Б. Андерсона и другие, подходящие под общее определение, выражаясь словами известного британского исследователя Э. Смита, модернистского подхода¹. Его отличительной особенностью является понимание национализма как продукта модернизации, в том числе возникновения и развития капитализма, современного государства, бюрократии, образовательной системы, идеологии и СМИ, империализма, колониализма

¹ Цит. по: *Hutchinson J.* Introduction: Round table symposium on Anthony D. Smith // *Nations and Nationalism.* 2018. Vol. 24. №. 2. P. 281–285.

и, в конце концов, глобализации. Иными словами, все эти исследователи доказывали, что национализм порождается современной экономикой подобно тому, как это произошло со многими другими социально-политическими институтами².

Однако при всех достоинствах модернистского подхода, к коим следует отнести, прежде всего, скрупулезное изучение механизмов распространения национальной идентичности и специфики ее взаимосвязи с другими общественно-политическими феноменами современности, этот подход с самого начала обладал серьезным недостатком. Уделив огромное внимание закономерностям развития национализма, исследователи так и не смогли сформулировать универсальной теоретической схемы: каким образом и почему он возникает, как на него влияют исторические условия и, соответственно, в результате чего он приобретает те или иные формы. Каждый из перечисленных выше исследователей дает свой ответ на этот вопрос. При этом ни один из них не подходит для объяснения всего исторического многообразия национализма, замыкаясь на том или ином регионе или хронологическом периоде. Кроме того, до сих пор ученые мало продвинулись в попытках объяснить такое многообразие форм национализма в современном мире, многие из которых также не вписываются в предложенные универсальные схемы.

Отвечая на этот вызов, некоторые, как, например, Э. Геллнер, попросту назвали перечисленные выше вопросы несущественными для общей теории национализма. В качестве главной задачи Геллнер постулировал объяснение общих закономерностей, а не конкретной исторической специфики. Он был убежден, что смысловое наполнение понятия национализма может быть любым, а потому не имеет принципиального значения³. Другие исследователи искали ответы в артефактах донациональной культуры, которые, как полагал уже упомянутый Э. Смит, неизбежно заимствуются для создания национальной идентичности⁴. Однако и в этом случае оставался нерешенным вопрос, каким образом происходит отбор символов, которые заимствуются из всего культурного многообразия прошлых эпох для создания современных наций. В то же время исследователи продолжают находить все больше примеров, не вписывающихся в модернистские типологии и исторические схемы даже при всех сделанных поправках и оговорках⁵.

Один из таких примеров — канадский национализм. Само его возникновение крайне трудно понять с точки зрения модернистской парадигмы. Ведь если

² Цит. по: *Kerr W.* The descent of nations: social evolutionary theory, modernism and ethno-symbolism // *Nations and Nationalism*. 2019. Vol. 25. № 1. P. 104–123.

³ *Gellner E.* Do nations have navels? // *Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 366–370.

⁴ *Smith A.* Opening statement Nations and their pasts // *Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 361.

⁵ *Bodet M., Félix M.* Interpreting national trajectories with Gellner, Anderson and Smith: the case of Quebec // *Revista D'estudis Autònoms i Federals*. 2019. № 29. P. 17–50; *Filić G. P.* Critique of instrumentalist and primordialist theories // *Političke Perspektive*. 2022. Vol. 11. № 2. P. 93–117.

национализм — это принцип, согласно которому политические и культурные границы должны совпадать, как утверждал Э. Геллнер, то неясно, почему канадцы считают себя отдельной нацией и не вошли до сих пор в сообщество американцев или, по крайней мере, почему не продолжают считать себя британцами, ведь их культурные отличия и от тех, и от других минимальны даже сегодня, не говоря о более ранних исторических периодах.

В поисках иного подхода к изучению канадского национализма данная статья строится на ставшем уже классическим постулате Ф. Барта о конструирующей функции границ в формировании национальной идентичности⁶. С такой исследовательской перспективы национализм — это исторически уникальный результат рефлексии о Другом или, выражаясь словами Ж. Лакана, о конституирующем Другом. Более того, в качестве стержня каждой конкретной национальной идеологии неизбежно должно выработаться представление о наличии у нации фундаментальных отличий от того значимого Другого, который находится по другую сторону от установленных границ. Другими словами, формирование национализма — это исторический процесс конструирования образа не только своей, но и иных наций.

Конструирование национальной идентичности через напряженную рефлексию о Другом, как утверждает известный американский ученый Л. Гринфельд, неразрывно связывает эти две идеологемы отношениями конкуренции и соперничества⁷. Однако зачастую оказывается, что обосновать свое превосходство над Другим в существующих смысловых категориях не так-то просто в силу сходства образа жизни, идей, ценностей и приоритетов, как это можно видеть на примере Канады, США и Великобритании. Тем не менее даже в таком случае само существование конкурента может повлиять на историческую траекторию развития социума, заставляя политиков и интеллектуалов искать все новые и новые способы противопоставления себя тому самому Другому⁸. В результате это может повлиять на динамику даже крупных исторических событий и процессов.

Таким образом, целью данной статьи является изучение роли США как значимого Другого в истории канадского национализма. В частности, в ней доказывается, что именно вовлечение американских граждан в события канадских восстаний 1830-х гг., или, как их еще иногда называют, революций, предопределило их неудачный исход как раз по причине возникшего конфликта между зарождавшимся канадским национализмом и образом Другого, символически увязанным с американским вмешательством. Выбор хронологического отрезка обуславливается тем, что именно в это время развитие канадского национализма достигло своего пика, после чего последовал длительный упадок.

⁶ *Barth F.* Introduction // *Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural difference* / ed. by F. Barth. Oslo, 1969. P. 15–16.

⁷ *Greenfeld L.* The world nationalism made // *American Affairs*. 2018. Vol. 2. № 4. P. 145–159.

⁸ *Greenfeld L.* Introduction // *Research handbook on nationalism* / ed. by L. Greenfeld and Z. Wu. Northampton, MA, 2020. P. 5–6.

Обращаясь к историографии, необходимо начать с противоречия, наметившегося в современной исследовательской литературе, посвященной канадскому национализму. Значительная часть современных историков заявляют о наличии у канадских националистов той эпохи, или, как те сами себя называли, патриотов, симпатий к американскому историческому пути развития и конституционной модели, а также готовности принять ее за образец как минимум с конца 1820-х гг. Однако удивительно, что исследователи, которые настаивают на наличии у патриотов давней и последовательной приверженности американскому республиканизму, строят свою аргументацию на материалах 1837 г. и даже более поздних⁹. Хотя кажется довольно очевидным, что факт наличия подобных идей в 1837 г. не может служить доказательством их существования несколькими годами ранее.

Объяснение этой историографической тенденции можно найти в стремлении современных канадских историков считать восстания 1837–1838 гг. в Канаде частью так называемой атлантической революции — движения за демократизацию политической системы, гражданские права и свободы и социальное равенство, в которое включаются также американская Война за независимость, Великая французская революция, борьба за независимость в колониях испанской Америки и многие другие подобные события, в том числе российское движение декабристов¹⁰. Говоря об этом, канадские исследователи не сомневаются, что их соотечественники были приверженцами самых актуальных и прогрессивных идей той эпохи, причем в их наиболее передовой, радикальной и успешной, т. е. американской, форме. Именно поэтому они убеждены в их длительном вызревании и существовании в Канаде. Однако в таком случае возникает вопрос: если эти идеи вызревали так долго и были столь влиятельны, то почему же революция 1837–1838 гг. в Канаде закончилась полным провалом именно по причине отсутствия массовой поддержки революционеров.

Для достижения поставленной цели в качестве источников были использованы публикации в прессе, памфлеты и речи, в которых националисты объясняли собственную логику и мотивацию, в том числе такие периодические издания, как «Виндикэйтор» (*Vindicator*), «Либерал» (*Le Libéral*), «Минёрв» (*La Minerve*), «Эстафет» (*L'Estafette*), «Канадъен» (*Le Canadien*), «Монреаль гэзетт» (*Montreal Gazette*), «Маккензи гэзэт» (*Mackenzie's Gazette*).

⁹ *Ducharme M.* Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques, 1776–1838. Montréal, 2010. P. 117–162; *Jones B. T.* Republicanism and responsible government: the shaping of democracy in Australia and Canada. Montreal, 2014. P. 39–76; *Mauduit J.* American republicanism at a crossroads: Canadian “twin stars”, annexation, and continental order (1837–42) // *Early American Studies: An Interdisciplinary Journal*. 2020. Vol. 18. № 3. P. 365–397.

¹⁰ *Greer A.* 1837–38: Rebellion Reconsidered // *The Canadian Historical Review*. 1995. Vol. 76. № 1. P. 1–18; *Bonthius A.* The Patriot War of 1837–1838: locofocoism with a gun? // *Labour / Le Travail*. 2003. Vol. 52. P. 9–43; *Mauduit J.* La guerre d'indépendance des Canadas: démocratie, républicanismes et libéralismes en Amérique du Nord, Montréal, 2022.

Кроме того, были использованы документы и материалы патриотов, опубликованные в качестве приложения к книге «Восстание 1837 г. в Верхней Канаде»¹¹.

Ход и результаты исследования. Середина 1830-х гг. известна в истории Канады как время острого социально-политического кризиса, возможно, наиболее глубокого за всю ее историю¹². На одном из июньских митингов 1837 г. в местечке Сен-Лоран в провинции Нижняя Канада известный канадский политик, спикер колониальной ассамблеи и лидер Партии патриотов Л.-Ж. Папино задал собравшимся вопрос: будет ли благом для Канады оставаться британской колонией или лучше стать одним из штатов США? И тут же сам дал ответ. Союз с Британией унижителен, продолжал он, а объединение с США — это «равенство и братство, а также самые свободные институты в мире»¹³. Папино не мог не понимать, что за эти слова противники могут обвинить его в измене британской короне и будут в значительной степени правы. Но его это, похоже, совсем не волновало.

Не только Папино, но и многие другие лидеры канадских патриотов выступали в поддержку присоединения Канады к США. Депутат ассамблеи провинции Нижняя Канада А. Н. Морин открыто заявлял на страницах «Либерала», что будет лучше, если Канада станет частью США¹⁴. Его соратник Э. Б. О'Каллахан, которого часто называли правой рукой и заместителем Л.-Ж. Папино издал в Монреале Декларацию независимости США 1776 г. и подготовил для газеты «Виндикэйтор» серию статей о текущей повестке дня в соседней стране. Как утверждает его биограф Дж. Верни, эти публикации должны были сформировать у читателей впечатление, будто присоединение Канады к США необходимо и достижимо¹⁵. Друг О'Каллахана, журналист и публицист Т. С. Браун пошел дальше и написал серию писем в «Нью Йорк Дейли Экспресс» (*New York Daily Express*), в которых убеждал американскую публику в желании канадцев присоединиться к ним, поскольку «они американцы». Эти канадцы, продолжал Браун, «во многом завидуют институтам ваших конфедеративных штатов и теперь хотят, чтобы эта провинция была включена в их число»¹⁶.

В течение лета 1837 г. по Нижней Канаде прокатилась волна организованных патриотами митингов. Их сторонники обычно сообщали о 2–3 тыс. собравшихся в каждом графстве. Перепроверить эти данные не представляется возможным, поскольку других отчетов о мероприятиях не сохранилось. Однако общее

¹¹ *The rebellion of 1837 in Upper Canada: a collection of documents* / ed. by C. Read, R. J. Stagg. Montreal, 1985.

¹² Причины и ранние этапы развития этого кризиса представляют собой особый и весьма обширный дискуссионный вопрос, на который в историографии до сих пор не существует однозначного ответа, поэтому он сознательно вынесен за рамки данной работы.

¹³ *Vindicator*. 1837. 13 June.

¹⁴ *Le Libéral*. 1837. 5 August.

¹⁵ *Verney J. O'Callaghan: the making and unmaking of a rebel*. Ottawa, 1994. P. 120.

¹⁶ *New York Daily Express*. 1837. 2 May; *Vindicator*. 1837. 2 June; *La Minerve*. 1837. 9 June.

число проведенных встреч, судя по публикациям «Виндикэйтора», насчитывало несколько десятков. В документах, которые принимались на митингах патриотов, американцев теперь часто называли братьям»¹⁷. Примечательно, что после одобрения петиции и резолюции по итогам этих митингов отправлялись не в Лондон, как это практиковалось раньше, а в Вашингтон, на адрес Конгресса США с просьбами установить справедливость и законность в Канаде¹⁸.

Разговоры о союзе с США стали настолько частыми, что противники начали называть патриотов американской партией (*Parti américain*)¹⁹. Вообще же активность противоположного лагеря — радикальных британских националистов или конституционалистов, как их называют в канадской историографии, коих отличал ярко выраженный лоялизм, британский шовинизм и нетерпимость по отношению к франкоканадцам, — заметно выросла на фоне обсуждения вопроса об аннексии²⁰. Они полагали, что за риторикой патриотов стоит старая ненависть французов к британцам, желание захватить колонию под свой полный контроль и истребить в ней все британское, для чего они и агитируют в пользу присоединения Канады к США. Сторонников Папино конституционалисты называли предателями и «кликой франкоканадских мятежников». Они даже приступили к созданию волонтерских боевых отрядов, так называемых британских стрелковых корпусов. Участвовавшие в них лоялисты писали в газетах, что в сложившейся ситуации только оружие может гарантировать им дарованные британской конституцией права и свободы²¹.

Ответом патриотов стало создание их собственных боевых организаций. В августе 1837 г. А. Уиме, Л.-Ж. Папино, Э. Б. О'Каллахан, Т. С. Браун провели в Монреале первую встречу общества под названием «Сыны свободы», целью которого провозглашалось чтение газет, обсуждение новостей и военные тренировки²². Название со всей очевидностью отсылало к эпохе Американской революции, равно как и намекало на характер деятельности. Как и их оппоненты, «Сыны свободы» считали, что оружие необходимо им для защиты собственных прав и называли себя народным ополчением (*militia*).

В Верхней Канаде ситуация развивалась идентичным образом. Противники колониальных и имперских властей там именовали себя реформаторами и практически полностью разделяли взгляды патриотов из соседней колонии. В июле 1836 г. их признанный лидер У. Л. Маккензи начал издание газеты с символическим названием «Конституция». Его публикации становились

¹⁷ *Vindicator*. 1837. 6 June.

¹⁸ *Le Libéral*. 1837. 22 July; *Le Libéral*. 1837. 29 July; *Le Libéral*. 1837. 29 August.

¹⁹ *Le Canadien*. 1837. 19 June; *Le Canadien*. 1837. 2 October.

²⁰ *Senior E. K. Redcoats and Patriots: the rebellions in Lower Canada, 1837–38*. Stittsville; Ottawa, 1985. P. 12.

²¹ *Montreal Gazette*. 1836. 16 January; *Niagara Reporter*. 1837. 14 September; *Heaman E. A. Rights talk and the liberal order framework // Liberalism and hegemony: debating the Canadian Liberal Revolution / ed. by J.-F. Constant, M. Ducharme*. Toronto, 2009. P. 147–175.

²² *Senior E. K. Op. cit.* P. 17.

все более смелыми в постоянной критике уже не только колониальных, но и имперских властей. Наконец, в октябре 1837 г. Маккензи заявил: «Если эта провинция и Нижняя Канада станут штатами великого Союза по соседству, ценность всякой собственности вырастет в цене, население начнет удваиваться каждые несколько лет, наша торговля всегда будет в хорошем состоянии, наши предприятия значительно расширятся, ресурсы провинции станут востребованы и будут приносить пользу, мелкая партийная грызня исчезнет в великом океане республиканизма»²³. Его соратник Дональд Маклеод заявлял, что канадцы «изголодались по свободе и жаждут свободы. Они хотят быть участниками свободных институтов США»²⁴. Таким образом, идея аннексии торжествовала и в Верхней Канаде.

Однако не все в Верхней Канаде были готовы с этим согласиться. В то же самое время при активной поддержке губернатора Ф. Хэда в провинции росло число лож Оранжевого ордена и их членов, известных своим агрессивным лоялизмом и верностью британскому национализму. Одна из принадлежавших им газет с говорящим названием «Патриот» писала о чувствах «непомерного отвращения и ярости», которые вызывала «дерзость тех, кто осмелился вторгнуться в пределы нашего королевства, чтобы проповедовать мятеж против нашей милостивой Королевы и славной Конституции»²⁵. Как сообщает канадский историк У. Кэрол, к осени 1837 г. оранжисты и их сторонники сделали практически невозможными мирные политические собрания реформаторов. Провокаторы заявлялись к ним на встречи и устраивали драки, избивали тех, кого удавалось застать врасплох на улице или дома, крушили помещения, где проходили мероприятия. И все это при полном попустительстве властей, которые не пытались сохранить хотя бы видимость законности²⁶. Уже в сентябре 1837 г. массовые драки стали обычным делом в Торонто и его окрестностях. Сообщая об одной из них, газета «Патриот» писала о четырех сотнях оранжистов и их сторонников, разогнавших митинг в городке Лондон²⁷. В конце концов и сами реформаторы стали создавать отряды самообороны и вооружаться, поначалу лишь камнями и палками, но затем некоторые стали приносить на митинги пистолеты и ружья.

Растущее размежевание, радикализация патриотов и реформаторов, с одной стороны, и британских конституционалистов и оранжистов — с другой, приводило ко все более ожесточенным столкновениям. Наиболее крупное из них состоялось в Нижней Канаде 6 ноября 1837 г. В этот день около 350 «сынов свободы» собрались во дворе таверны, принадлежавшей одному из их числа. Узнав об этом митинге, на место начали стягиваться вооруженные конституционалисты,

²³ Jones B. T. Op. cit. P. 62.

²⁴ McLeod D. A Brief Review of the Settlement of Upper Canada by the U. E. loyalists and Scotch highlanders, in 1783. Cleveland, 1841. P. 6.

²⁵ Carol W. Popular politics and political culture in Upper Canada, 1800–1850. Montreal, 2000. P. 187.

²⁶ Ibid. P. 186–187.

²⁷ Ibid. P. 186.

уверенные, что их противники в тот самый момент «выступают там с речами, и ликуют, и обсуждают измену меж собой за закрытыми дверями»²⁸. Они выкрикивали оскорбления и бросали камни через забор, но в этот раз переоценили свои силы. Их было всего несколько десятков в тот момент, когда патриоты распахнули ворота и напали на окруживших таверну неприятелей. Патриотов воодушевило их численное превосходство и быстрое отступление противников, а потому они принялись громить дома тех, кого считали своими врагами. Однако конституционалисты быстро оправались от внезапного удара, собрали силы со всего Монреаля и перешли в контратаку. Как сообщали очевидцы, «сыны свободы», коих на улицах в самый напряженный момент насчитывалось порядка 500 человек, оказались в меньшинстве и были вынуждены отступить в пригороды²⁹.

Скрывшись в сельской местности, «сыны свободы» начали собираться в отряды. По оценкам современных историков, им удалось вооружить порядка 3,5 тыс. человек. Однако ополченцы были рассредоточены по обширной территории трех графств — Сен-Шарль, Ришельё и Сен-Эташ — и ни в одном месте численность их отрядов не превышала 600–800 чел. Им не хватало оружия, снаряжения и более всего боевого опыта³⁰. Но, кроме того, и это следует особо подчеркнуть, события, которые вошли в историю под названием восстание 1837 года, начинались как стихийная массовая драка в Монреале, причем не первая в своем роде, хотя и довольно многочисленная. Как убеждены многие современные историки, и нет причин с ними не соглашаться, лидеры патриотов не собирались устраивать мятеж и не были готовы к такому повороту событий не только организационно, но, прежде всего, морально³¹. Они строили баррикады в деревнях и на дорогах и организовывали патрули в надежде избежать массовых арестов и защититься от насилия со стороны лоялистов, но не собирались вести наступательных действий или тем более захватывать Монреаль, как, например, предполагал губернатор Дж. Колборн. А он тем временем собрал войска со всех британских колоний в Северной Америке и вознамерился арестовать патриотов под предлогом подавления беспорядков. В нескольких скоротечных сражениях отряды патриотов были разбиты, многие из них вынуждены были бежать в США, спасаясь от преследования властей.

Когда известия о боях в Нижней Канаде появились в Торонто, они застигли реформаторов врасплох. Биограф У. Л. Маккензи и его внук Ч. Линдси, а также знаменитый исследователь XIX в. Ч. Дент утверждали, ссылаясь на воспоминания участников событий, что вопрос о вооруженном неповиновении властям впервые стал подниматься на собраниях не раньше октября 1837 г.,

²⁸ *Senior E. K.* Op. cit. P. 59.

²⁹ *Ibid.* P. 60.

³⁰ *Greenwood F. M., Wright B.* Rebellion, invasion, and the crisis of the colonial state in the Canadas, 1837–9 // *Rebellion and invasion in the Canadas, 1837–1839* / ed. by F. M. Greenwood, B. Wright. Toronto, 2002. P. 14. (Canadian State Trials. Vol. II).

³¹ *Greer A.* The patriots and the people: the rebellion of 1837 in rural Lower Canada. Toronto; Buffalo; London, 1993. P. 305; *Jones B. T.* Op. cit. P. 65–66.

причем в умоглядной, чисто гипотетической форме. Об организации восстания пока даже не шло и речи³². Губернатор Верхней Канады Ф. Хэд также не ожидал каких-либо неприятностей в своей провинции, а потому отправил подконтрольные ему войска в Нижнюю Канаду на помощь Дж. Колборну.

Возможно, именно отсутствие солдат на улицах Торонто вкупе с тревожными новостями, поступавшими из соседней провинции, подтолкнули реформаторов к спонтанному выступлению. Все началось с публикации 15 ноября 1837 г. в газете У. Л. Маккензи «Конституция» проекта конституции. Текст начинался словами «Мы, народ штата Верхняя Канада...», отсылая читателя к аналогичному документу соседних США³³. И параллели были явно неслучайны. Предлагавшийся проект со всей очевидностью готовил колонию к переходу под власть Вашингтона. И дело было не только во вступительной фразе и термине «штат» (state), который многократно употреблялся по отношению к Верхней Канаде. Вся структура органов власти, их полномочия, принципы комплектования посредством всеобщего избирательного права и даже система сдержек и противовесов, хотя и не очень подробно проработанная, повторяли конституцию США. Особо оговаривался запрет на любые «наследственные выплаты, привилегии или почести», делавший невозможным компромиссы с британской монархической конституцией³⁴.

Освещая дальнейшие события, большинство канадских историков подчеркивают вопиющую неподготовленность и даже некоторую наивность восставших. Во-первых, их сборы происходили настолько открыто и шумно, что власти узнали о планах захватить Торонто за несколько дней до того, как выступление, собственно, началось³⁵. Во-вторых, уже будучи на марше, восставшие начали волноваться из-за нехватки вооружения: лишь две сотни из них имели при себе ружья. Еще порядка восьмисот шли буквально с пустыми руками. Хотя, согласно замыслу Маккензи, в арсенале Торонто имелось достаточное количество оружия и провизии, столицу колонии еще только предстояло захватить. Однако восставшие побоялись входить в город небооруженными и несколько дней в нерешительности простояли в предместьях³⁶.

Поскольку регулярные войска и почти вся артиллерия находились в соседней провинции, губернатор Ф. Хэд и его приближенные могли надеяться лишь на ополчение из лояльных колонистов и боевые отряды оранжистов. Им потребовалось время, чтобы собрать и организовать в отряды жителей Торонто и округи. К счастью для них, бездействие восставших предоставило

³² *Lindsey Ch.* The life and times of William Lyon Mackenzie. Vol. 2. Toronto, 1862. P. 52; *Dent Ch.* The story of the Upper Canadian rebellion. Vol. 1. Toronto, 1885. P. 378.

³³ *W. L. Mackenzie's constitution // The Rebellion of 1837 in Upper Canada: a collection of documents / ed. by C. Read, R. J. Stagg.* Montreal, 1985. P. 96.

³⁴ *Ibid.* P. 283.

³⁵ *Kilbourn W.* The firebrand: William Lyon Mackenzie and the rebellion in Upper Canada. Toronto, 2008. P. 201–202.

³⁶ *Sewell J.* Mackenzie: a political biography of William Lyon Mackenzie. Toronto, 2002. P. 157.

такую возможность. Собравшись с силами, власти перешли в контрнаступление. Около таверны Монтгомери лоялисты численностью чуть более тысячи человек столкнулись со сторонниками Маккензи, коих к тому времени насчитывалось лишь порядка четырех сотен, из них только половина были вооружены³⁷. После непродолжительной перестрелки восставшие бежали без официально зафиксированных потерь. И поскольку в Канаде у них не оставалось каких-либо благоприятных перспектив, многие из них решили перебраться в США.

Жители прилежавших к Канаде штатов США не смогли остаться безучастными к делу патриотов и реформаторов. Призывая к освобождению колонии от «британской тирании», Маккензи говорил на родном и понятном для них языке Американской революции XVIII в. И это, не считая давних планов по завоеванию и присоединению к США северной части континента, бытовавших в Массачусетсе, Нью-Йорке и других северо-восточных штатах³⁸. Американцы с энтузиазмом приступили к созданию секретного общества «Братство охотников», или так называемых охотничьих лож, организованных по образу «сынов свободы» и других подобных популярных в то время в США сообществ и братств³⁹. Общий замысел заключался в том, чтобы создать сплоченную революционную организацию, добыть оружие, распространить пропагандистские материалы, завербовать многочисленных сторонников в Канаде, иными словами, тщательно подготовить новое восстание⁴⁰.

Идея казалась весьма многообещающей. Сочувствовавшие канадским патриотам американские граждане делали щедрые пожертвования, единомышленники по обе стороны границы быстро привлекали новых членов. Современники поражались стремительному росту численности «охотничьих лож». «Я сомневаюсь, что есть хотя бы один город, поселок или порт в районе Великих озер, в котором не было бы этих обществ. Некоторые из них, а может быть, и все, активно собирают оружие, деньги и амуницию», — докладывал в деловой переписке У. Макуортер, офицер таможенной службы из пограничного городка Освего, штат Нью-Йорк, министру финансов Л. П. Вудбери и добавлял, что, по его оценкам, численность обществ достигает сорока тысяч человек или даже больше⁴¹. О сорока тысячах участников писал в Лондон британский посол в Вашингтоне Г. С. Фокс, с тревогой отмечая, что их численность растет не по дням, а по часам, а отделения разбросаны от Мэна и Вермонта до Мичигана, Огайо и, возможно, даже Кентукки. Еще один британский офицер утверждал, что существует армия из двадцати пяти тысяч человек, готовых в любой момент перейти границу⁴². В Канаде «Братство охотников»

³⁷ *Dent Ch.* Op. cit. Vol. 2. Toronto, 1885. P. 124.

³⁸ *Bonthius A.* Op. cit. P. 13–14.

³⁹ *Modern J. L.* Secularism in antebellum America. Chicago; London, 2011. P. 53.

⁴⁰ *Lindsey Ch.* Op. cit. P. 192–193.

⁴¹ *Kinchen O. A.* The rise and fall of the Patriot Hunters: liberation of Canadian provinces from British thralldom. New York, 1956. P. 37.

⁴² *Ibid.* P. 41.

насчитывало порядка 5–7 тыс. членов, если верить более поздним свидетельствам их участников, и имело отделения по всей Верхней и Нижней Канаде⁴³.

Однако все эти цифры сами по себе мало что говорят о степени влияния секретного общества среди канадцев. На протяжении 1838 г. «братья-охотники» предприняли несколько попыток вторгнуться в британские колонии с территории США, но каждый раз их встречали и заставляли отступить превосходящие силы ополченцев-конституционалистов. В феврале 1838 г. порядка 400 человек под командованием реформатора из Верхней Канады Д. Маклеода высадились на острове Файтинг неподалеку от Детройта, но вскоре были атакованы и разбиты канадскими волонтерами. В марте история повторилась на острове Пили, на озере Эри. В мае несколько сотен патриотов пробрались на британскую территорию и сожгли пароход «Роберт Пиль». Однако очень быстро им пришлось вернуться в США под угрозой превосходящих британских сил. Вторжения продолжались все лето и осень 1838 г. и, наконец, в ноябре и декабре произошли две решающие битвы. В первой из них четыре сотни «охотников» под командованием американца Н. Фон Шульца попытались захватить городок Прескотт рядом с Кингстоном на северном берегу реки Св. Лаврентия, но были разбиты в так называемом сражении у ветряной мельницы. Месяц спустя около полутысячи патриотов вторглись в графство Лондон, намереваясь захватить одноименный город, но отступили обратно на территорию США, столкнувшись с канадскими ополченцами около городка Виндзор⁴⁴. На этом боевые действия на англо-американской границе закончились.

В истории этих многочисленных, но при этом безрезультатных походов и сражений, весьма подробно изученных в канадской и американской историографии, привлекают внимание два обстоятельства⁴⁵. Первое — это малочисленность отрядов «охотников», особенно в сравнении с общим количеством членов «братства». Ни в одном из упомянутых выше походов не набралось больше нескольких сотен участников. Можно сказать, что масштаб их выступлений сопоставим с событиями канадских восстаний ноября – декабря 1837 г. Судя по всему, наиболее активная часть общества «охотников» состояла из беглых канадских повстанцев, к которым примкнуло небольшое число американцев. Остальные же их сторонники из числа граждан США даже если и симпатизировали делу патриотов, то были готовы вносить свою лепту только посредством пожертвований, участия в митингах, распространения газет, листовок и брошюр. Вооруженный поход в Канаду явно не входил в их планы. Очевидно, и многие американцы говорили об этом прямо, канадцы воспринимались ими в качестве

⁴³ Clark S. D. *Movements of political protest in Canada, 1640–1840*. Toronto, 1959. P. 316.

⁴⁴ Graves D. E. *Guns across the river: the battle of the windmill, 1838*. Prescott, 2001. P. 61–125.

⁴⁵ *Revolutions across borders: Jacksonian America and the Canadian rebellion* / ed. by M. Dagenais and J. Mauduit. Montreal, 2019; Dagenais M. '[T]hose who had money were opposed to us, and those who were our friends were not the money class': Philadelphia and the 1837–1838 Canadian rebellions // *American Review of Canadian Studies*. 2017. Vol. 47. № 1. P. 1–18; Mauduit J. *La guerre d'indépendance des Canadas...*

близкой, но при этом отдельной, вполне самостоятельной нацией, которая должна сама решать свою судьбу⁴⁶.

Другая интересная особенность вооруженных экспедиций «братства охотников» заключалась в явном отсутствии встречной инициативы со стороны канадских колонистов. Каждое из вторжений с февраля по декабрь 1838 г. — а таких было не менее десятка — проходило по одной и той же схеме: группа легковооруженных «охотников» из нескольких сотен человек переходила границу, уничтожала собственность, считавшуюся ими британской, пытались взять под контроль ближайшие поселения и затем двигались дальше, вглубь канадской территории, пока не наткнулись на высланный им навстречу отряд ополченцев и/или британских солдат. А те, в свою очередь, обладая преимуществом в численности и оружии, легко обращали «охотников» в бегство, заставляя вернуться на территорию США.

Этот сценарий повторялся из раза в раз при явном безразличии со стороны местного населения. Даже британские офицеры, в том числе полковник Ч. Грей, удивлялись тишине и спокойствию, царившим в Сен-Шарле, Монреале и других районах Канады, где еще недавно прошли массовые протесты и беспорядки⁴⁷. Поддержка даже части из тех колонистов, кто раньше симпатизировал патриотам, могла серьезно изменить расклад сил во время любого из вторжений «охотников» и повлиять на общий исход развернутой ими деятельности. Но этого не произошло, несмотря на то что лидеры патриотов старались наращивать интенсивность агитации.

Хотя с конца 1837 г. все революционные канадские издания были закрыты или уничтожены, включая «Минёрв», «Виндикейтор», «Конституцию» и «Либерал», их издатели, редакторы и авторы перебрались в соседние американские штаты и возобновили деятельность, практически ежедневно отправляя через границу свежие выпуски газет и памфлетов. Порядка двадцати новых изданий, посвященных канадской проблематике и занимавшихся преимущественно агитацией в поддержку «патриотов» и канадской революции возникло в течение декабря 1837 г. и в 1838 г. в северо-восточных штатах США. Среди них «Бюджет» (Budget), «Мёркьюри» (Mercury) и «Спирит оф '76» (Spirit of '76), выходившие ежедневно, а также франкоязычные «Эстафэтт» (Estafette) и «Патриот Канадъен» (Patriote Canadien). Кажется парадоксальным, но с каждым новым поражением патриоты не отчаивались, а даже увеличивали публикационную активность.

В этих источниках привлекают внимание как минимум три тенденции. Во-первых, буквально с первых же дней пребывания в соседней республике канадские журналисты и публицисты начали активно включаться в специфически американские общественно-политические дискуссии и даже партийную борьбу. Например, на первой полосе январских выпусков «Кэнейдиэн» 1838 г. крупными буквами с гордостью сообщалось, что у газеты «редактор —

⁴⁶ Kinchen O. A. Op. cit. P. 18.

⁴⁷ Crisis in the Canadas 1838–1839: the Grey journals and letters. Macmillan, 1965. P. 147.

из беженцев, издатель — демократ, печатает — виг, а читает ее весь мир»⁴⁸. Маккензи открыто симпатизировал демократам и время от времени публиковал статьи в их поддержку, критикуя, словно давний демократ, американские монополии, крупные банки и призывая к имущественному равенству и поддержке бедных слоев населения⁴⁹. Ч. Данкомб и некоторые другие беженцы из Канады также с восхищением отзывались о проводившихся тогда в США экспериментах в духе утопического социализма⁵⁰. При этом вопросы из повестки дня Соединенных Штатов обсуждались на страницах тех же самых изданий, которые предназначались для агитации канадцев.

Можно предположить, что все эти сюжеты из общественно-политической жизни соседней страны не только мало интересовали канадцев, но даже создавали у них определенное чувство непонимания и отчуждения от внезапно американизировавшихся публицистов и издателей. Тем более что успехи США в развитии всеобщего равноправия и демократизации, о которых часто говорилось в революционной прессе, обычно преподносились как положительный пример для «несвободной» Канады. И это могло задевать достоинство тех канадцев, кто привык считать себя частью наиболее прогрессивной и свободной британской нации. Так, например, канадские конституционалисты писали в ответных публикациях о рабстве, ирландских погромах, притеснениях коренного населения, беззаконии, пиратстве и мародерстве на окраинах США, подчеркивая тем самым, что американцы не имеют никакого морального права учить их демократии и равенству⁵¹.

Вторая тенденция заключалась в стремительном росте числа американских граждан, которые вовлекались в деятельность «патриотов». Почти в каждой газете, агитировавшей за свержение британской власти в Канаде, издателем, редактором или владельцем числился гражданин США, не говоря уже о множестве американских журналистов, комментаторов и корреспондентов⁵². Да и в «охотничьих ложах» подавляющее большинство членов тоже были американцами. Наконец, многие из тех, кто бежал с территории Канады, подавали заявление на получение американского гражданства и постепенно натурализовывались⁵³. Как результат, канадское революционное движение выглядело все менее канадским в самом прямом смысле этого слова.

И, наконец, еще одна тенденция, связанная с предыдущей, заключалась в принесении американцами в движение патриотов их специфической национальной

⁴⁸ The Canadian. 1838. 1 January.

⁴⁹ Mackenzie's Gazette. 1838. 18 August.

⁵⁰ Schrauwers A. Tilting at windmills: the utopian socialist roots of the Patriot War, 1838–1839 // Labour / Le Travail. 2017. Vol. 79. P. 53–80.

⁵¹ Patriot. 1838. 8 June; Bald Eagle. 1838. 28 December.

⁵² Gates L. F. After the rebellion: the later years of William Lyon Mackenzie. Toronto, 1996. P. 56–58.

⁵³ Read C. Edward Alexander Theller the 'Supreme Vagabond': 'honest, courageous, and true'? // Ontario History. 1992. № 84. P. 4.

символики, которая была без преувеличения оскорбительна для канадцев. Речь идет об агрессивном республиканизме. Он часто выражался в насмешках над британской монархией и конкретно королевой Викторией из-за ее возраста и особенно женского пола⁵⁴. В публикациях патриотов ее характеризовали как некомпетентную, бездарную, глупую, мелочную, склочную, привлекая все негативные стереотипы о женщинах, расхожие в ту эпоху⁵⁵. Соответственно, канадские и британские власти то и дело назывались «бабским правительством»⁵⁶. Это оскорбление всячески обыгрывалось, чтобы подчеркнуть абсурдность и неестественность ситуации, когда мужчины подчиняются женщине. «Сэр Джон Колборн окружен кучей старух, и вместе с ними он сидит в юбках и панталонах», — издевалась над канадским губернатором одна из газет⁵⁷. «Джон Булл прогнулся под бабским башмаком», — провозглашалось в последней строке расхожего сатирического стихотворения о Великобритании, перепечатанного У. Л. Маккензи в его газете⁵⁸. Очевидно, что насмешки подобного рода никак не могли повысить популярность патриотов среди канадцев, ведь они тоже, получалось, были под башмаком «бабского правительства».

Заключение. Таким образом, обращение к символической, связанной с США, стало одной из причин неудач канадских националистов в ходе политического кризиса 1830-х гг. Прежде всего, выдвинутая ими идея присоединения Канады к США способствовала мобилизации их противников, которые развернули не менее активную деятельность и начали прибегать к насильственным методам борьбы. Дальнейшее вовлечение союзников из США также не помогло канадским националистам, поскольку сделало ситуацию еще более противоречивой. Американцев привлекала риторика, цели и идеалы канадских патриотов, чрезвычайно созвучные символической и смыслу американского национализма. Возможность принять участие в освобождении континента и завершить, наконец, этот исторический процесс казалась им чрезвычайно достойным делом и потому вызывала большой энтузиазм. Однако для тех канадцев, кто остался к северу от границы, участие американцев в «деле патриотов» дискредитировало его. Процесс становления канадского национализма, в том числе и оформление идеи суверенной канадской нации в соответствии с самой сутью понятия национального суверенитета, должен был продвигаться самими канадцами

⁵⁴ Greer A. La république des homes, les Patriotes de 1837 face aux femmes // Revue d'histoire de l'Amérique française. 1991. Vol. 44. №. 4. P. 507–528; Randall M. Les femmes dans l'espace rebelle: Histoire et fiction autour des rébellions de 1837 et 1838. Montreal, 2013. P. 76.

⁵⁵ Morgan C. 'When bad men conspire, good men must unite!': gender and political discourses in Upper Canada, 1820s – 1830s // Gendered pasts: historical essays in femininity and masculinity in Canada / ed. by K. McPherson, C. Morgan, N. M. Forestell. Toronto, 1999. P. 26.

⁵⁶ Canadian Patriot. 1838. 2 February.

⁵⁷ Patriot's Friend. 1839. 12 January.

⁵⁸ Mackenzie's Gazette. 1839. 8 June.

без посторонней помощи, иначе создаваемая нация не была в полном смысле их нацией. Привнесение специфических американских символов в политическую борьбу патриотов и реформаторов лишило их даже той поддержки, которая имелаась до восстаний 1837–1838 гг. и способствовало укреплению позиции их противников.

Литература / References

1. Barth F. Introduction // *Ethnic groups and boundaries: the social organization of cultural difference* / edited by F. Barth. Oslo: Universitetsforlaget AS, 1969. 153 p.
2. Bodet M., Félix M. Interpreting National Trajectories with Gellner, Anderson and Smith: The Case of Quebec // *Revista D'estudis Autònoms i Federals*. 2019. № 29. P. 17–50.
3. Bonthius A. The Patriot War of 1837–1838: locofocoism with a gun? // *Labour / Le Travail*. 2003. № 52. P. 9–43.
4. Carol W. Popular politics and political culture in Upper Canada, 1800–1850. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2000. 320 p.
5. Clark S. D. Movements of political protest in Canada, 1640–1840. Toronto: University of Toronto Press, 1959. 518 p.
6. Dagenais M. '[T]hose who had money were opposed to us, and those who were our friends were not the money class': Philadelphia and the 1837–1838 Canadian rebellions // *American Review of Canadian Studies*. 2017. Vol. 47. № 1. P. 1–18. DOI: 10.1080/02722011.2017.1301969
7. Ducharme M. Le concept de liberté au Canada à l'époque des Révolutions atlantiques, 1776–1838. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2010. 350 p.
8. Filić G. P. Critique of instrumentalist and primordialist theories // *Političke Perspektive*. 2022. Vol. 11. № 2. P. 93–117. DOI: 10.20901/pp. 11.2.04
9. Gates L. F. After the rebellion: the later years of William Lyon Mackenzie. Toronto: Dundurn Press, 1996. 413 p.
10. Gellner E. Do nations have navels? // *Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 366–370.
11. Graves D. E. Guns across the river: the battle of the windmill, 1838. Prescott: Friends of Windmill Point, 2001. 263 p.
12. Greenfeld L. In defense of sociological mentalism: a reply to my critics // *European Journal of Cultural and Political Sociology*. 2015. № 2 (1). P. 62–73. DOI: 10.1080/23254823.2015.1094960
13. Greenfeld L. Introduction // *Research handbook on nationalism* / ed. by L. Greenfeld and Z. Wu. Northampton, MA: Edward Elgar Publishing Ltd., 2020. P. 1–19.
14. Greenfeld L. The world nationalism made // *American Affairs*. 2018. Vol. 2. № 4. P. 145–159.
15. Greenwood F. M., Wright B. Introduction: rebellion, invasion, and the crisis of the colonial state in the Canadas, 1837–9 // *Rebellion and invasion in the Canadas, 1837–1839* / ed. by F. M. Greenwood, B. Wright. Toronto: University of Toronto Press, 2002. P. 3–36. (Canadian State Trials. Vol. II).
16. Greer A. 1837–38: Rebellion reconsidered // *The Canadian Historical Review*. 1995. Vol. 76. № 1. P. 1–18.
17. Greer A. La république des homes, les Patriotes de 1837 face aux femmes // *Revue d'histoire de l'Amérique française*. 1991. Vol. 44. № 4. P. 507–528.

18. Greer A. The patriots and the people: the rebellion of 1837 in rural Lower Canada. Toronto, Buffalo; London: University of Toronto Press, 1993. 385 p.
19. Heaman E.A. Rights talk and the liberal order framework // *Liberalism and hegemony: debating the Canadian Liberal Revolution* / ed. by J.-F. Constant, M. Ducharme. Toronto: University of Toronto Press, 2009. P. 147–175.
20. Hutchinson J. Introduction: Round Table Symposium on Anthony D. Smith // *Nations and Nationalism*. 2018. Vol. 24. № 2. P. 281–285. DOI: 10.1111/nana.12408
21. Jones B. T. Republicanism and responsible government: the shaping of democracy in Australia and Canada. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2014. 312 p.
22. Kerr W. The descent of nations: social evolutionary theory, modernism and ethno-symbolism // *Nations and Nationalism*. 2019. Vol. 25. № 1. P. 104–123. DOI: 10.1111/nana.12426
23. Kilbourn W. The firebrand: William Lyon Mackenzie and the rebellion in Upper Canada. Toronto: Dundurn, 2008. 288 p.
24. Kinchen O. A. The rise and fall of the Patriot Hunters: liberation of Canadian provinces from British thralldom. New York: Literary Licensing, LLC, 1956. 154 p.
25. Mauduit J. American republicanism at a crossroads: Canadian “twin stars”, annexation, and continental order (1837–42) // *Early American Studies: An Interdisciplinary Journal*. 2020. Vol. 18. № 3. P. 365–397. DOI: 10.1353/eam.2020.0010
26. Mauduit J. La Guerre d'indépendance des Canadas: Démocratie, républicanismes et libéralismes en Amérique du Nord. Montréal: McGill-Queen's University Press, 2022. 356 p.
27. Modern J. L. Secularism in antebellum America. Chicago; London: The University of Chicago Press, 2011. 352 p.
28. Morgan C. ‘When bad men conspire, good men must unite!’: gender and political discourses in Upper Canada, 1820s – 1830s // *Gendered pasts: historical essays in femininity and masculinity in Canada* / ed. by K. McPherson, C. Morgan, N. M. Forestell. Toronto: University of Toronto Press, 1999. P. 12–28.
29. Randall M. Les femmes dans l'espace rebelle: Histoire et fiction autour des rébellions de 1837 et 1838. Montreal: NOTA BENE, 2013. 435 p.
30. Read C. Edward Alexander Theller the ‘Supreme Vagabond’: ‘honest, courageous, and true?’ // *Ontario History*. 1992. № 84. P. 9–43.
31. *Revolutions across borders: Jacksonian America and the Canadian rebellion* / ed. by M. Dagenais and J. Mauduit. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2019. 320 p.
32. Schrauwers A. Tilting at windmills: the utopian socialist roots of the Patriot War, 1838–1839 // *Labour / Le Travail*. 2017. Vol. 79. P. 53–80. DOI: 10.1353/llt.2017.0002
33. Senior E. K. Redcoats and Patriots: the rebellions in Lower Canada, 1837–38. Stittsville; Ottawa: Canada's Wings Inc., 1985. 218 p.
34. Sewell J. Mackenzie: a political biography of William Lyon Mackenzie. Toronto: J. Lorimer & Co., 2002. 249 p.
35. Smith A. Opening statement Nations and their pasts // *Nations and Nationalism*. 2008. № 2 (3). P. 358–365. DOI:10.1111/j.1469-8219.1996.tb00002.x
36. *The rebellion of 1837 in Upper Canada: a collection of documents* / ed. by C. Read, R. J. Stagg. Montreal: McGill-Queen's University Press, 1985. 471 p.
37. Verney J. O'Callaghan: the making and unmaking of a rebel. Ottawa, Carleton University Press, 1994. 350 p.

УДК 94(510).08

DOI: 10.25688/20-76-9105.2023.50.2.11

Рябов Александр Вячеславович

кандидат культурологии, доцент

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России

им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева

Санкт-Петербург, Россия

ryboff@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1767-1479

Огарков Александр Николаевич

кандидат философских наук, доцент

Санкт-Петербургская государственная художественно-

промышленная академия им. А. Л. Штигица

Санкт-Петербург, Россия

suer53@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2047-4620

ПРИЧИНЫ БОКСЕРСКОГО ВОССТАНИЯ: ПО ВОСПОМИНАНИЯМ УЧАСТНИКА ОСАДЫ ПЕКИНА В. В. КОРСАКОВА

Аннотация. в статье анализируется точка зрения В. В. Корсакова на причины Боксерского восстания в Китае. Врач русской дипломатической миссии в столице империи Цин — очевидец битвы за Пекин 1900 г. — опубликовал свои воспоминания о событиях в 1901 г. в Санкт-Петербурге. Эти мемуары стали основным источником работы. Авторы раскрывают взгляд Корсакова на явления, которые привели к Восстанию ихэтуаней, выявляют особенности их представления в анализируемой книге, также показывают, насколько подобная точка зрения на Восстание боксеров была актуальна для своего времени. Исследование проводилось в русле характерной для современной науки тенденции обращения к оставленному современниками, очевидцами Восстания боксеров наследию, эпистолярному и мемуарному, и к составленным ими документам. Актуальность статьи также обусловлена недостаточной изученностью личных воспоминаний врача дипломатической миссии.

Корсаков считал европейскую цивилизацию основной виновницей Восстания ихэтуаней. Он также освещает особенности восприятия жизни и отношение к сакральному аспекту бытия в Китае, чтобы показать, что подданный империи Цин — обычный человек. Корсаков показывает, что этот факт не был учтен европейцами. Исследование выявило, что в мемуарах отсутствует составленный через призму европейского понимания жизни идеализированный образ китайского государства, его подданных, что книга была актуальна для своего времени благодаря своему образовательному потенциалу и в связи с тем, что представленная точка зрения на причины Боксерского восстания устраивала власть.

Ключевые слова: Восстание боксеров, ихэтуани, мемуары Корсакова, Китай, империя Цин, начало XX в., европейская цивилизация.

UDC 94(510).08

DOI: 10.25688/20-76—9105.2023.50.2.11

Ryabov Aleksandr V.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor
Saint-Petersburg State Fire Service University of EMERCOM of Russia
Saint-Petersburg, Russia
ryboff@yandex.ru; ORCID: 0000-0003-1767-1479

Ogarkov Aleksandr N.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A. L. Stieglitz
Saint-Petersburg, Russia
suer53@inbox.ru; ORCID: 0000-0002-2047-4620

THE CAUSES OF THE BOXER REBELLION: AS RECALLED BY V. V. KORSAKOV, A PARTICIPANT IN THE BEIJING SIEGE

Abstract. The article focuses on V. V. Korsakov's point of view on the causes of the Boxer Rebellion. The doctor of the Russian diplomatic mission in the capital of the Qing Empire, eyewitness of the battle for Peking in 1900, published his personal memoirs of the events in 1901 in Saint-Petersburg. These memoirs are the main source of the work. The authors reveal Korsakov's view on the phenomena that led to the Yihetuan Uprising, the peculiarities of its presentation in the analyzed book, and also show how such a view of the Boxer Rebellion was relevant for its time. The study was conducted in line with the tendency, characteristic of modern scholarship, to refer to the epistolary and memoirs heritage left by the contemporaries, eyewitnesses of the Boxer Rebellion, as well as to the documents compiled by them. The relevance of the article is also due to the insufficient study of the personal memoirs of the diplomatic mission doctor.

Korsakov considered European civilization to be the main culprit behind the Yihetuan Uprising. The author has developed his point of view on historical material, following the principle of historicism. He also highlights the peculiarities of the perception of life and attitudes towards the sacral aspect of being in China, to show that the subject of the Qing empire is an ordinary person. Korsakov shows: this fact was not taken into account by Europeans. The study reveals that the memoirs lack an idealized image of the Chinese state and its subjects compiled through the prism of the European understanding of life, that the book was relevant for its time due to its educational potential and due to the fact that the viewpoint presented on the causes of the Boxer Rebellion suited the authorities.

Keywords: Boxer Rebellion, Yihetuan, Korsakov's memoirs, China, Qing Empire, early 20th century, European civilization.

Введение. В 1901 г. в Санкт-Петербурге в типографии А. С. Суворина были изданы мемуары В. В. Корсакова — врача русской дипломатической миссии в столице Цинской империи — «Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине». Согласно титулу книги они охватывают период с мая по октябрь 1900 г. Уникальность

источника заключается в том, что автор во время осады выполнял не только свои непосредственные должностные обязанности как врач, но и был включен в более широкое поле деятельности. В частности, он упоминает, как в ожидании нападения ихэтуаней участвовал, с целью рассеять тревожное настроение общества, в обходе улиц вокруг посольства вместе с бароном Ф. В. Раденом, начальником десанта моряков, и Н. В. Колесовым, занимавшим впоследствии должность генерального консула¹. До битвы за Пекин Корсаков пять лет проработал врачом дипломатической миссии² и ему удалось достаточно подробно ознакомиться с особенностями быта и мировоззрения китайцев.

Все это повлияло на тематический охват произведения: автор мемуаров достаточно подробно освещает осаду Пекина, ожидание нападения боксеров на китайскую столицу, также раскрывает ретроспективно историю взаимодействия Запада с Китаем и отвечает на вопрос о причинах Боксерского восстания, рассмотрение которого является целью настоящей статьи.

Источник анализируется в статье Т. В. Петуховой: исследователь рассматривает взгляд автора мемуаров на ситуацию в столице Цинской империи накануне его осады ихэтуанями и подчеркивает: «...воспоминания В. В. Корсакова позволили развернуть перед читателями эмоционально окрашенную картину реальных событий, наполнить ее деталями, которые скрыты сухими историческими фактами»³. Произведение врача дипломатической миссии упоминается в статье Л. В. Кураса, Л. В. Кальминой⁴. Исследователи делают вывод о пристальном внимании к текущим или недавним событиям в источниках личного происхождения рубежа XIX–XX вв. по сравнению с историографией XVII–XIX вв. и объясняют это тем, что мемуаристика к концу XIX в. «приобретает форму и статус исторического свидетельства»⁵.

Н. М. Калужная упоминает воспоминания Корсакова среди работ буржуазных авторов, которые откликнулись на события 1898–1901 гг. в Китае, подчеркивая, что главным образом в сочинениях мемуарного характера затрагивались два вопроса: «...осада повстанцами иностранных посольств, а также католического храма в Пекине, и интервенция держав»⁶. Советский историк пишет: «Лишь очень немногие авторы пытались как-то оправдать антииностранный взрыв в Китае. Это были люди, имевшие очень отдаленное отношение к истории, они долго прожили в Китае и сами наблюдали за деятельностью иностранцев. Особенно ценной

¹ Корсаков В. В. Пекинские события. Личные воспоминания участника об осаде в Пекине. СПб., 1901. XVI, 394 с. С. 185–186 (2-я pag.).

² Там же. С. 104 (2-я pag.).

³ Петухова Т. В. В. В. Корсаков о ситуации в Пекине накануне его осады ихэтуанями // *News of Science and Education*. 2018. Т. 1. № 2. С. 026.

⁴ Курас Л. В., Кальмина Л. В. Боксерское восстание в Китае в военных мемуарах, дневниках и письмах // *Известия Иркутского государственного университета. Серия История*. 2019. Т. 29. С. 100–108.

⁵ Там же. С. 105.

⁶ Калужная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901). М., 1973. С. 32.

в этом отношении является книга врача русской миссии в Пекине В. Корсакова. Он с возмущением характеризует поведение европейских представителей и относится с пониманием к борьбе китайского народа»⁷.

Цель настоящей работы обусловлена, во-первых, недостаточной изученностью воспоминаний Корсакова. Во-вторых, характерной для российской науки XXI в. тенденцией обращения к эпистолярному и мемуарному наследию современников, очевидцев восстания ихэтуаней, к их биографиям, также к составленным ими документам (приказам, отчетам)⁸.

Выбранный исследовательский ракурс позволяет не только раскрыть точку зрения В. В. Корсакова — очевидца битвы за Пекин — на явления, обусловившие восстание ихэтуаней, но и выявить особенности их представления в мемуарах, что с учетом факта публикации книги практически по горячим следам событий в серьезном издательстве, в условиях, когда в стране действовал исключительный правовой режим управления, а книжные издания проходили цензуру, поможет увидеть, насколько данная точка зрения была актуальна для своего времени. Другими словами, в работе предпринимается попытка показать, почему, по мнению Корсакова, произошло восстание боксеров и зачем это видение событий было опубликовано.

Ход и результаты исследования. В разделе «От автора» Корсаков подчеркивает, с одной стороны, неожиданность «Пекинского сиденья» (так он называет осаду столицы империи Цин в 1900 г.), с другой — его закономерность: «... оно застало всех совершенно не подготовленными и не ожидавшими, что могут разыграться с такой быстротой и такой жестокостью события среди мирного народа, доведенного до озлобления и отчаяния»⁹. Автор воспоминаний сразу обращает внимание на то, что до подобного состояния китайцев довела европейская цивилизация: она «внесла в среду языческого, но самобытно-культурного китайского народа такие лицемерие и неправду, что иного исхода, как ненависть и презрение у всех любящих свою родину, европейцы не могли ожидать. Проявление этой общенародной ненависти составляло лишь вопрос времени и обстоятельств, ей благоприятствующих»¹⁰. В основном тексте воспоминаний заявленный

⁷ Калужная Н. М. Указ. соч. С. 50.

⁸ Дубинина Н. И. Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья // Россия и АТР. 2019. № 2 (104). С. 75–89; Николаев Д. А. Восприятие образа Китая в период восстания ихэтуань в эпистолярном наследии генерала К. В. Церпицкого // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2014. № 15. С. 103–108; Перевезенцев А. Л. Герберт Гувер в Китае: впечатления очевидца и участника исторических событий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 79–85; Семенчук К. А. Репрезентация И. Я. Коростовцом поведения держав в Китае во время «боксерского кризиса» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Международной научно-практической конференции / отв. ред. А. В. Друзяка. Благовещенск, 2019. С. 163–169.

⁹ Корсаков В. В. Указ. соч. С. XIII (1-я паг.).

¹⁰ Там же. С. XIV (1-я паг.).

в разделе «От автора» тезис раскрывается подробно, причем Корсаков подчеркивает, что он неоднократно смотрел в глаза смерти, не один раз размышлял о смысле событий, которые предшествовали антиевропейскому движению в Китае, но всегда приходил к выводу о вине западной цивилизации¹¹.

Первые две главы первой части воспоминаний не имеют отношения к осаде Пекина: здесь раскрывается история взаимодействия Запада с Китаем, которая рассматривается в трех ракурсах — торговля, две опиумные войны, экономическое освоение пространства Китая европейцами. Корсаков указывает: первые контакты — торговое взаимодействие, установленное по инициативе португальцев в XVI в., — были благоприятны для обеих сторон. Количество желающих осваивать новый рынок росло, и «вместе с ними проник и тот дурной элемент, который портит везде все хорошее»¹². С увеличением количества европейцев в стране росла подозрительность местных жителей, которые «знакомились с нравами, характером и нравственностью заморских людей»¹³. Кроме недоверчивости стало проявляться враждебное отношение, вызванное строительством крепостей, усилением вооружения европейских поселений. Возникли предположения: европейцев интересует не только торговля, но и завоевание территории. Страх вызывало расширение локуса оседлости, в связи с чем до 1845 г. существовал запрет на поселение женщин. Считалось: «...европейцам как торговым людям нет необходимости на чужбине обзаводиться домашним очагом»¹⁴. В мемуарах говорится о дальновидности китайского правительства, которое относилось ко всем европейцам с одинаковым подозрением, не вмешиваясь в их столкновения, и кратко освещается борьба западных государств за рынок сбыта.

Позицию англичан в отношении Китайского государства, динамику их интересов Корсаков рассматривает достаточно подробно. Сначала делается акцент на расширении британского влияния в стране, активной деятельности торговой компании. Освещаются два посольства, Маккартни и Амхерста, которым не удалось установить дипломатические отношения с Китаем, однако торговое взаимодействие двух государств продолжалось¹⁵.

Автор мемуаров показывает, как постепенно английская сторона стала на официальном уровне демонстрировать недовольство существующим в коммерции положением вещей. Он упоминает о самовольном прибытии лорда Нейпира в Кантон в качестве инспектора торговли, которое было вызвано жалобами купцов Великобритании на произвол, стеснения; о посреднической деятельности между подданными Британии и властями Поднебесной китайских торговых старшин, во взаимодействии с которыми англичане видели отсутствие равноправия¹⁶.

¹¹ Корсаков В. В. Указ. соч. С. XIII–XIV (1-я паг.).

¹² Там же. С. 2 (2-я паг.).

¹³ Там же. С. 3 (2-я паг.).

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. С. 5–6 (2-я паг.).

¹⁶ Там же. С. 7–8 (2-я паг.).

Корсаков подчеркивает: на этом этапе британско-китайских отношений торговля опиумом, с которой Цинская империя пыталась бороться, приговаривая за контрабанду к смертной казни и заключая за употребление наркотика в тюрьму, уже получила широкое распространение, китайские власти при этом осознавали, что англичане — главные виновники распространения наркотического вещества. В воспоминаниях описываются попытка казнить приговоренного за контрабанду на территории европейской фактории и возникшие беспорядки; содействие Элиота китайским властям в борьбе с торговлей опиумом, сбор и предоставление всего запрещенного товара, его уничтожение и безрезультативность этих мер¹⁷.

С одной стороны, автор «Пекинских событий» следует в повествовании принципу историзма: говоря в самом начале о вине европейской цивилизации и, соответственно, западного человека как ее носителя, он пытается донести до читателя факты прошлого, которые способны, по его мнению, раскрыть заявленный в начале мемуаров тезис. Беспристрастность автора, на первый взгляд, сохраняется и при описании «опиумных войн», а также периода между ними. Так, он упоминает о ранней готовности китайской стороны в 1840-х гг. пойти на перемирие: пишет о губернаторе Тяньцзиня, который оказал содействие в переговорах с Пекином, убедил британцев вернуться в Кантон, пообещав «мирно разобрать все недоразумения»¹⁸, одновременно указывает, что война продолжалась из-за действий кантонского вице-короля и его сторонников при дворе императора, в результате чего был издан указ об изгнании всех мятежников англичан и назначении награды за головы Элиота и других начальников¹⁹, т. е., приводя факты, автор мемуаров не выражает поддержку какой-либо стороне конфликта.

Описывая ситуацию в Поднебесной после заключения Нанкинского договора, Корсаков обращает внимание на то, что враждебность китайского населения по отношению к европейцам только усиливалась. В Кантоне участились нападения и убийства на улицах, грабежи и поджоги факторий. Европейцы создавали отряды для самозащиты, китайцы — союзы борьбы против англичан и других европейцев, отказываясь от взаимодействия с ними и составляя партизанские отряды. На требование консулов о наказании виновных приходил один ответ, что власти бессильны против выражения народных чувств²⁰.

В мемуарах показано, как после переговоров в Тяньцзине во время Второй опиумной войны и достижения договоренностей о ратификации договора союзная эскадра ушла из Дагу²¹, однако враждебные действия по отношению

¹⁷ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 9–12 (2-я паг.)

¹⁸ Там же. С. 14 (2-я паг.).

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. С. 18–19 (2-я паг.).

²¹ У Корсакова крепость называется Таку, т. е. используется буквальное произношение китайского наименования 大沽. Название «Дагу» соответствует транскрипционной системе Палладия.

к европейцам продолжались, а почти два месяца спустя после подписания мирного соглашения в Кантоне была издана прокламация к народу, где вице-король предлагал заняться сбором средств не только для борьбы против внутренних мятежников, но и иностранцев, что еще более усилило антизападные настроения китайского населения²². Преследования европейцев прекратились после официального объявления Тяньцзинского договора, но при дворе возвысилась партия, требовавшая их изгнания из Китая. Корсаков описывает, как китайская сторона решила в одностороннем порядке отказаться от достигнутых с европейцами договоренностей и стала готовиться к обороне, пытаясь одновременно замедлить ратификацию договора; как войска империи Цин одержали первую победу над европейцами в сражении за форты Дагу, но согласились из-за дальнейших действий союзной армии на новые переговоры²³. Достаточно подробно излагается движение европейских войск к Пекину и разграбление дворца Юаньминъюань²⁴.

Однако, с другой стороны, автор мемуаров делает особые акценты, нехарактерные для исторического повествования. В частности, приводя верные факты касательно условий, при которых англичане согласились на мир в 1842 г., Корсаков так описывает события накануне согласия китайской стороны к переговорам: британские войска заняли Амой и Нанкин, что вызвало у китайского населения страх перед возможным рабством у англичан, в результате прокатилась волна убийств членов своих семей и самоубийств. Это подтолкнуло, по мнению автора воспоминаний, империю Цин к официальному диалогу с противником: «Когда обо всем происшедшем дошло до Пекина, то правительство китайское убедилось, что оно не может продолжать войну с англичанами, почему и прибыли от богдыхана в Кантон комиссары, уполномоченные вести переговоры о заключении мира»²⁵.

Корсаков неоднократно подобным образом смещает ракурс повествования: конкретные исторические события отходят на второй план, а перед читателем оказываются представители китайского народа. Так, рассказывая о взятии Кантона англо-французским отрядом во время Второй опиумной войны, когда европейцы захватили в том числе китайское казначейство, он приводит интересную деталь: «...было найдено несколько комнат, полных связками китайских медных монет. Англичане были затруднены способом переноски такого количества металла, но сопровождавшая любопытная толпа китайцев-рабочих предложила свои услуги и за малое вознаграждение охотно стала переносить китайскую казну на английские суда»²⁶. Упоминая о сдаче представителей кантонской власти англичанам, автор воспоминаний также обращает внимание на то, что «китайское население Кантона, оставшись без своих

²² Корсаков В. В. Указ. соч. С. 24–25 (2-я паг.).

²³ Там же. С. 25–28, 31–32 (2-я паг.).

²⁴ Там же. С. 33–35 (2-я паг.).

²⁵ Там же. С. 15 (2-я паг.).

²⁶ Там же. С. 22 (2-я паг.).

начальников, проявляло к европейцам самые радушные отношения, доставляя все необходимое»²⁷.

В подобной детализации отсутствует критика, оценка. Здесь не идет речь об отсутствии образования у представителей народа или понимания сложившейся в их государстве ситуации (такие вопросы в книге не поднимаются). Корсаков пытается показать современникам, что подданный империи Цин — это обычный человек, который способен испытывать жуткий страх или желание подзаработать, не дорожить своей жизнью или, напротив, заботиться о ее сохранении, проявлять радушие к европейцам, но также подняться против них. Автор мемуаров подчеркивает, что европейцы со своим стремлением освоить рынок Китая или вложиться в железнодорожное строительство как раз не учитывают этот факт. «Если бы Европа, помня себя, не забывала и китайцев, то успех был бы громадный и не один только материальный, но и духовный»²⁸, — замечает Корсаков, рассуждая о том, что все достигнутые в Китае успехи европейской цивилизации по установлению своего экономического и политического влияния в течение нескольких месяцев потерпели крушение²⁹.

Если Нанкинский договор в мемуарах образно называется первой брешью, которую сделали европейцы в вековых стенах Китая³⁰, то по поводу итогов Второй опиумной войны Корсаков высказывается подробнее и конкретнее, видя в них очередной этап уничтожения Поднебесной, который способствовал восстанию ихэтуаней: «Вековое сопротивление Китая движению в него Европы было окончательно сломлено, ворота в его стенах приоткрылись, а в 1894 году Япония настолько расшатала устои всего старого китайского строя, что двери распахнулись уже настежь для влияния всех европейских держав, создавших конечное для Китая движение боксеров, в результате которого получилось потрясение всего государственного строя, несчастье и разорение китайского народа с грозным голодом, эпидемиями и смертностью, сожжение, разорение и разграбление Пекина и императорских дворцов и разорение всего пути, по которому шли союзные войска от Тянь-Цзиня на Пекин»³¹.

В отношении экономического освоения пространства Китая европейцами, в первую очередь открытия новых сухопутных и водных путей, Корсаков замечает, что положительное значение нововведений, пусть не сразу, но признавалось китайцами. Он пишет о расчетливости, склонности к экономии населения Поднебесной, но в то же время — о стремлении к удобной и комфортной жизни. Подданный империи Цин не потратит денег впустую, но не пожалеет средств за товар, который считает полезным, даже если он создан человеком Запада. Сначала к строительству железных дорог относились настороженно;

²⁷ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 22 (2-я паг.).

²⁸ Там же. С. 39 (2-я паг.).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же. С. 16 (2-я паг.).

³¹ Там же. С. 35–36 (2-я паг.).

чиновники и представители народа выражали недовольство, полагая, что нововведение «грозило гневом и подземного дракона, чешую которого могли задеть, обеспокоив его сон при производстве земляных работ, и гневом предков, которых беспокоил бы грохот, свист и шум поездов, проходящих мимо их могил»³². Однако вскоре жители Цинской империи оценили удобство незнакомого им ранее способа передвижения: «Как только прошли первые поезда, и китайцы увидели, насколько это сообщение удобно и дешево, через три месяца был уже проложен второй путь, и число поездов было увеличено с одного до трех в день»³³. Это замечание позволило автору мемуаров показать современникам, что, во-первых, общеизвестный факт разрушения железнодорожных путей во время восстания ихэтуаней не был связан с невежеством китайцев, которые уже оценили удобство нового способа передвижения. Во-вторых, продемонстрировать вину исключительно европейцев за разрушение всего созданного им в Китае за почти полвека. Корсаков подчеркивает, что прошло достаточно времени, чтобы стороны достигли взаимного понимания и мирно существовали друг с другом, но при этом иронизирует: «В отношении успехов, достигнутых Европой для распространения своего политического влияния и могущества, для обогащения своих подданных богатствами Китая, — успех получился действительно выдающийся»³⁴.

В мемуарах прослеживается неприятие автора к англичанам. Он отмечает: богатые британские компании ведут свои дела через комиссионеров и агентов, которые чужды Китаю, не знают китайского языка или не хотят изучать его, но ведут торговые сношения через компрадоров — посредников из китайцев³⁵, и противопоставляет их купцам из других стран: «Коммерсант немец, японец, русский уже изучают китайский язык; они являются в Китай самолично и, не имея комиссионеров, вступают лично в сношения с китайскими купцами. Обладая трудолюбием, знанием и пониманием интересов торговли, но чуждые того барства и пренебрежения, с которыми жил в Китае англичанин, — немец, русский и японец гораздо скорее англичанина становятся в близкие отношения к китайцам, довольствуясь в то же время меньшими барышами и производя меньшие затраты на свое личное представительство»³⁶.

В таком неприятии англичан можно увидеть характерное для образованного человека 1900-х гг., знающего о противостоянии Российской империи и Великобритании в Большой игре, отношение к британским подданным. Однако в целом мемуары лишены ангажированности. В частности, Корсаков раскрывает одну, связанную с его личной проблемой, деталь, которая не с лучшей стороны характеризует организацию некоторых дел в России. Рассказывая о прибытии десантов, он упоминает о своих проблемах со здоровьем и желании уехать

³² Корсаков В. В. Указ. соч. С. 42–43 (2-я паг.).

³³ Там же. С. 43 (2-я паг.).

³⁴ Там же. С. 37 (2-я паг.).

³⁵ Там же. С. 46 (2-я паг.).

³⁶ Там же. С. 41 (2-я паг.).

с семьей в отпуск в Россию. Ему приходится дожидаться российских войск, чтобы убедиться, что их сопровождает врач. Корсаков пишет, что в 1898 г. 75 матросов и казаков прибыли в Пекин в сопровождении одного фельдшера, у которого имелись только лекарства первой помощи, причем это произошло во время эпидемии тифа. Он надеялся: направленный на тяжелое дело десант в 1900 г. прибудет с врачом, однако военных снова сопровождал один фельдшер, даже без санитаря³⁷.

Приступая к изложению событий 1900 г., автор мемуаров сначала достаточно подробно описывает празднование подданными империи Цин Нового года, а затем переходит к движению ихэтуаней. Через подробное изложение подготовки к празднику он раскрывает особенности восприятия жизни китайцами, их отношение к сакральному аспекту бытия. Упомянув о том, что празднование сопровождается строго исполняемыми обрядами, Корсаков описывает следующие символические действия: развешивание на воротах домов полос бумаги красного цвета с добрыми пожеланиями; возжигание курительных палочек и оформление стола с приношениями; запуск ракет и петард с целью устроить злых духов; обращение к главным божествам, домашним богам, с просьбой о благословении на год; поздравление родителей детьми и домочадцами³⁸.

Детально описывается культ предков, который «пустил самые глубокие корни в народные массы и служит основой всех религиозных верований»³⁹, значение и создание таблиц, на которых начертаны сведения об усопших. Упоминается обряд приглашения души поселиться в табличке, описываются украшавшие ее символические изображения, кто имел право сооружать этот сакральный предмет культа, что происходит, когда количество таблиц в доме становится чрезмерным, как на Новый год перед табличками ставят блюда и вино и только после этого сами приступают к праздничной трапезе⁴⁰.

В мемуарах раскрывается смысл церемонии открытия колодцев, которая совершается на второй день наступившего года и связана с взаимодействием с духами воды; традиции заботиться о скитающихся душах, никому ненужных на земле; сожжения бумаг с нарисованными передвижными и денежными средствами для обеспечения пути с неба на землю и приготовления для божеств мясных блюд⁴¹. По завершении празднования наступившего года на пятый день приходит время иных традиционных торжеств, в частности день рождения духа неба, который в воспоминаниях называется «основным праздником народного мирозерцания». В связи с этим Корсаков останавливается на раскрытии культа неба в Китае, описывает некоторые жертвенные блюда: большой рисовый торт и печенья-кольца, соединенные в цепь, пирог в форме черепахи⁴². Упоминаются

³⁷ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 104–105 (2-я pag.).

³⁸ Там же. С. 50–53 (2-я pag.).

³⁹ Там же. С. 54 (2-я pag.).

⁴⁰ Там же. С. 55–56 (2-я pag.).

⁴¹ Там же. С. 58–60 (2-я pag.).

⁴² Там же. С. 61–62 (2-я pag.).

обращения к даосам для совершения молений небу, показано, как они проходят; говорится о представлениях в честь бога неба, которые устраиваются в храмах⁴³. Уделяется внимание празднествам в честь рождения земли и описывается несколько оригинальных обрядов⁴⁴.

Подробный рассказ о праздниках начала года позволяет продемонстрировать читателю сторону бытия китайцев, неизвестную европейцам, и показать, что для подданных империи Цин — это не экзотика, которой обычно восхищаются на Западе при знакомстве с Востоком, но привычная в определенный временной промежуток жизнь, которой они дорожат, строго соблюдая свои традиции. Причем Корсаков не конструирует здесь идеализированный, составленный через призму европейского понимания жизни образ Китая и населения государства, но приводит известные ему факты, которые не просто знакомят читателя с новой информацией о Поднебесной, но и вписываются в общую повествовательную канву мемуаров.

Так, рассказывая ранее о разграблении дворца Юаньминъюань в конце Второй опиумной войны, он акцентирует внимание на приказе лорда Эльджина сжечь все имеющиеся там таблицы предков императорской династии, подчеркивая: «Более ужасного мщения и наказания для китайского народа не существует, как уничтожение таблиц предков»⁴⁵. После прочтения описания праздников начала года читателю становится понятно: разрушение таблиц предков — это, действительно, не только уничтожение культурного наследия, но и в первую очередь покушение на сакральную сторону бытия китайцев, одну из основ их повседневной жизни. Если ранее автор мемуаров показывает только на уровне деталей, что китаец — это обычный человек, то в части повествования, посвященной новогодним праздникам, эта идея раскрывается подробнее. В то же время при описании праздников неба и земли создается образ человека, гармонично существующего в мироздании; автор воспоминаний отмечает: «Небо и земля — краеугольные камни всей природы, могущества всей вселенной. На таинственном соединении неба и земли зиждется вся жизнь»⁴⁶. После подробного описания празднования Нового года подданными империи Цин Корсаков кратко освещает жизнь европейской колонии Пекина в начале 1900 г., где возродилось веселие и радушие первых лет пребывания в столице Поднебесной и ничто «не предвещало надвигающейся грозы»⁴⁷.

Четвертая глава посвящена слухам об ихэтуанях, причинам возникновения движения, его характеру, задачам и направлению. Здесь автор приводит точку зрения подданных империи Цин: «Я старался уяснить себе значение и основы начинавшегося народного движения, я расспрашивал многих китайцев, более или менее заинтересованных в этом движении, и на мои вопросы о задачах

⁴³ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 63–64 (2-я паг.).

⁴⁴ Там же. С. 65–66 (2-я паг.).

⁴⁵ Там же. С. 35 (2-я паг.).

⁴⁶ Там же. С. 65 (2-я паг.).

⁴⁷ Там же. С. 67 (2-я паг.).

и целях подготовлявшегося движения (разговор шел в апреле месяце) мне отвечали откровенно, что движение это направляется главным образом, чтобы противодействовать католической пропаганде, которая все глубже внедряется в китайский народ и вносит вражду, раздоры, несогласия в населении, подрывает самые устои народной жизни, вмешивается в политические интриги и интригами создает китайскому правительству много замешательств. <...> Что касается европейцев, то руководители движением далеко не относятся все поголовно с ненавистью ко всем европейцам; они признают, что среди иностранцев есть истинные, добрые и даже расположенные к китайцам люди, но таковых очень мало. Большинство же европейцев — люди грубые, алчные, к китайцам относятся с презрением, а с простым народом обращаются, как со своими рабами, даже часто бьют китайцев»⁴⁸.

Признавая подвижнический характер деятельности католических миссионеров в Китае, врач русской миссии в Пекине пытается разобраться в причинах ненависти к ним со стороны местного населения и показывает, что дело во владении землей и отчуждении китайца-христианина от своей страны. Представители католичества владели в Китае огромными участками, скупая их у бедняков. Склонным к принятию католичества оказывалась помощь деньгами, землей, необходимыми земледельцу предметами. Китайцы-христиане становились, по словам автора мемуаров, подданными государства, созданного католическим миссионерством в Китае, отстраняясь тем самым от своих братьев по крови⁴⁹. Эти рассуждения не только раскрывают экономическую подоплеку движения ихэтуаней, но и подтверждают взгляд Корсакова на негативную роль европейской цивилизации в создавшейся ситуации. Приводя точку зрения китайцев о причинах возникновения восстания, автор мемуаров дистанцируется от нее, показывая тем самым отличие своих взглядов по этому вопросу.

Что касается факта публикации воспоминаний Корсакова, отметим, во-первых, некоторую схожесть взглядов автора мемуаров на причины Боксерского восстания с точкой зрения князя Э. Э. Ухтомского по этому вопросу, высказанной в опубликованной в 1900 г. книге, которая была допущена к печати цензурой 9 июля 1900 г., т. е. во время Боксерского восстания⁵⁰. «Запад насильями своими разбудил желтый Восток — однозначно заявляет Ухтомский. — Мы можем сокрушаться о гибели разных миссионеров и инженеров, мы можем негодовать на то, зачем пролилась и еще прольется кровь. Но наряду с этим нельзя не сознавать и с точки зрения оскорбленной китайской массы, что такой беспримерно униженный народ, у которого в мирное время признается возможным брать порт за портом, hinterland за hinterland'ом и т. д., в конце концов должен встрепенуться и всколыхнуться всей громадой. Общего народного движения, слава Богу, пока нет; но сочувствие неисчислимого населения

⁴⁸ Корсаков В. В. Указ. соч. С. 80–81 (2-я pag.).

⁴⁹ Там же. С. 89–91 (2-я pag.).

⁵⁰ Ухтомский Э. К событиям в Китае: Об отношениях Запада и России к Востоку. СПб., 1900.

“Большому кулаку”, молчаливое до некоторой степени невмешательство в смуту (своего рода притворство ей) самого маньчжурского правительства — все ясно говорит за то, что мы — накануне больших катастроф»⁵¹.

Позиции двух авторов имеют и различия. Так, Э. Э. Ухтомский утверждает, что только Россия способна спасти Китай «как целое от распада и чужого ига»⁵²; несколько идеализируя, практически ставит знак равенства между Китаем и Японией как странами, к которым в России с детства привыкли относиться как «к чему-то тесно с нами связанному и духовно гораздо более близкому, чем надменная Западная Европа»⁵³. Подобные утверждения в мемуарах врача русской миссии отсутствуют. Однако близость точки зрения Корсакова о вине европейской цивилизации позиции Ухтомского, который входил в дирекцию Русско-китайского банка, являлся членом правления Общества КВЖД, издателем «Санкт-Петербургских ведомостей», был лицом, приближенным к императору и министру финансов С. Ю. Витте⁵⁴. В воспоминаниях Корсакова излагалась точка зрения на восстание ихэтуаней, которая в той или иной степени устраивала власть.

Во-вторых, актуальность для начала XX в. мемуаров врача русской миссии обусловлена содержащимся в книге образовательным потенциалом. Даже высокопоставленные чиновники того времени могли проявлять необъективное отношение к Востоку, который оценивался сквозь призму западного мировоззрения, и такое отношение, в частности, получило отображение «в имперской политике относительно своих территорий, населенных представителями и носителями восточных ценностей»⁵⁵. Пренебрежительное отношение к восточным народам при этом часто отсутствовало, но традиции, обычаи воспринимались ориенталистски, с осознанием цивилизационной разницы Запада и Востока, причем с признанием превосходства первого⁵⁶.

По поводу Китая в образованном обществе существовал стереотип, который пытался развенчать востоковед С. М. Георгиевский в конце XIX в. Ученый писал: «Пущенное в ход некоторыми синологами и как бы узаконенное системами некоторых философов положение, что Китай есть историческая окаменелость, распространилось постепенно по Европе, усвоилось как стереотипная уже формула людьми просвещенными»⁵⁷. Такое заявление о китайском государстве как царстве косности стало повторяться авторами книг

⁵¹ Ухтомский Э. Указ. соч. С. 72 (2-я паг.).

⁵² Там же. С. 64 (2-я паг.).

⁵³ Там же. С. 74 (2-я паг.).

⁵⁴ Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892–1906). Л., 1928. С. 108, 116–117.

⁵⁵ Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Семиреченская область глазами имперского чиновника: государственные, социальные и частные аспекты в мемуарах К. К. Палена // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 1 (37). С. 101.

⁵⁶ Там же. С. 107.

⁵⁷ Георгиевский С. Важность изучения Китая. СПб., 1890. С. 7 (2-я паг.).

по всеобщей истории и по-своему льстило самолюбию европейцев⁵⁸. Создалась парадоксальная ситуация, когда уверенность в окаменелости, застое Поднебесной стала причиной отсутствия исследований реального Китая: «...Китай изучался бы авторами так называемых всеобщих историй, если бы не стоял особняком; стоящий особняком Китай изучался бы ими, если бы его история была интересна; его история была бы интересна, если бы она представлялась историей жизни, а не застоя»⁵⁹.

Э. Э. Ухтомский осознавал, что подобная ситуация влияет не только на состояние науки, но и на взаимодействие с реальным государством — империей Цин. Признавая заслуги конкретно С. М. Георгиевского в попытках разъяснить «немногочисленной аудитории, почему России необходимо изучать Китай»⁶⁰, он писал в 1900 г., что нельзя предвидеть исхода борьбы, что «занять Пекин не значит покорить необъятный край, свергнуть или поддержать нынешнее правительство не значит подавить антиевропейскую агитацию»⁶¹. Ухтомский также рассуждал о возможном итоге, когда перед Западом будет стоять задача создать правительство для китайцев, и подчеркивал, что это невозможно: «Не из синологов же, наконец, образовать синклит таких эфемерных правителей, чтобы явилась хоть связь между пастырями и пасомыми?»⁶² Этим восклицанием выражена точка зрения Ухтомского на вопрос непонимания Китая западными официальными лицами. Далее он раскрывает ее на примере погибшего Кеттелера, обращая внимание на то, что тот открыто проповедовал в чужой стране необходимость расчленения китайского государства, причем в условиях усилившихся волнений⁶³.

Заключение. Таким образом, мемуары В. В. Корсакова отличаются реалистичным изображением китайцев, китайского быта. В повествовании отсутствуют как восхищение перед восточной экзотикой, так и идеализация западного образа жизни. Корсаков пытается показать, что Поднебесную населяют реальные люди, представляет историю жизни Китая.

По мнению В. В. Корсакова, в восстании ихэтуаней виновата европейская цивилизация, вмешательство которой в жизнь самобытного китайского народа привело к общенародной ненависти к представителям западных государств. Эта позиция, заявленная в начале мемуаров, вызывает доверие у читателя, так как автор являлся очевидцем пекинских событий 1900 г.

В повествовании Корсаков приводит факты, позволяющие раскрыть его позицию о вине европейской цивилизации. Он рассматривает историю взаимодействия западных стран с Китайским государством в торговой сфере,

⁵⁸ Георгиевский С. Указ. соч. С. 6, 8 (2-я паг.).

⁵⁹ Там же. С. 8 (2-я паг.).

⁶⁰ Ухтомский. Э. Указ. соч. С. 65 (2-я паг.).

⁶¹ Там же. С. 73 (2-я паг.).

⁶² Там же. С. 73 (2-я паг.).

⁶³ Там же. С. 74 (2-я паг.).

две опиумные войны, попытки экономического освоения Китая европейцами. Анализируя факты, автор старается сохранить беспристрастность. С другой стороны, в мемуарах исторические события неоднократно отходят на второй план, а перед читателем укрупненным планом оказываются представители китайского народа, причем без критики, оценки. Смещая подобным образом ракурс, Корсаков показывает читателю факт, не учтенный европейцами при материальном освоении пространства Китая: подданный империи Цин — обычный человек. Для раскрытия этой идеи автор мемуаров достаточно подробно освещает особенности восприятия жизни китайцами, их отношение к сакральному аспекту бытия.

Идеализированный, составленный через призму европейского понимания жизни образ Китайского государства и его подданных в мемуарах отсутствует. Хотя Корсаков выражает характерное для образованного человека 1900-х гг. неприятие к англичанам, в целом его воспоминания лишены ангажированности. В книге приводится позиция китайцев касательно причин Восстания боксеров, однако автор дистанцируется от нее.

Мемуары В. В. Корсакова были актуальны для своего времени, так как, во-первых, в повествовании была представлена точка зрения на Восстание боксеров, которая устраивала власть; во-вторых, книга отличалась образовательным потенциалом, т. е. содержала исторические сведения, иллюстрирующие вину европейской цивилизации в происходящих в Китае народных волнениях, а также реальные факты о Китайском государстве и его подданных, неизвестных европейцам. Полагаем, это обусловило публикацию воспоминаний В. В. Корсакова практически по горячим следам событий.

Литература

1. Васильев Д. В., Мазаев Н. А. Семиреченская область глазами имперского чиновника: государственные, социальные и частные аспекты в мемуарах К. К. Палена // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2021. № 1 (37). С. 100–112. DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.8
2. Дубинина Н. И. Н. И. Гродеков о военных событиях в Маньчжурии в 1900–1901 гг. и их последствиях для освоения Приамурья // Россия и АТР. 2019. № 2 (104). С. 75–89. DOI: 10.24411/1026 8804 2019 10022
3. Калужная Н. М. Восстание ихэтуаней (1898–1901): Историография. М.: Наука, 1973. 363 с.
4. Курас Л. В., Кальмина Л. В. Боксерское восстание в Китае в военных мемуарах, дневниках и письмах // Известия Иркутского государственного университета. Серия История. 2019. Т. 29. С. 100–108. DOI: 10.26516/2222-9124.2019.29.100
5. Николаев Д. А. Восприятие образа Китая в период восстания ихэтуань в эпистолярном наследии генерала К. В. Церпицкого // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. Чита: ЗабГУ, 2014. Вып. 15. С. 103–108.
6. Перевезенцев А. Л. Герберт Гувер в Китае: впечатления очевидца и участника исторических событий // Вестник Томского государственного университета. 2009. № 325. С. 79–85.

7. Петухова Т. В. В. В. Корсаков о ситуации в Пекине накануне его осады ихэтуанями // News of Science and Education. 2018. Т. 1. № 2. С. 021–026.
8. Семенчук К. А. Репрезентация И. Я. Коростовцом поведения держав в Китае во время «боксерского кризиса» // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: материалы IX Международной научно-практической конференции (Благовещенск – Хэйхэ, Тяньцзинь, Пекин, 20–28 мая 2019 г.) / отв. ред. А. В. Друзяка. Вып. 9. Ч. 2. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. С. 163–169.

References

1. Vasilyev D. V., Mazaev N. A. Semirechenskaia oblast' glazami imperskogo chinovnika: gosudarstvennye, sotsial'nye i chastnye aspekty v memuarakh K. K. Palena [Semirechenskaya Oblast through the eyes of an Imperial official: state, social and private aspects in the memoirs of K. K. Palen] // Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal. 2021. № 1 (37). P. 100–112. (In Russ.). DOI: 10.32516/2303-9922.2021.37.8
2. Dubinina N. I. N. I. Grodekov o voennykh sobytiakh v Man'chzhurii v 1900–1901 gg. i ikh posledstviakh dlia osvoeniia Priamur'ia [N. I. Grodekov on military events in Manchuria in 1900–1901 and their consequences for the development of the Priamurye] // Rossiia i ATR. 2019. № 2 (104). P. 75–89. (In Russ.). DOI: 10.24411/1026 8804 2019 10022
3. Kaliuzhnaia N. M. Vosstanie ikhetuanei (1898–1901): Istoriografiia [Yihetuan uprising (1898–1901): Historiography]. Moscow: Nauka, 1973. 363 p. (In Russ.).
4. Kuras L. V., Kalmina L. V. Bokserskoe vosstanie v Kitae v voennykh memuarakh, dnevnikakh i pis'makh [Boxer Rebellion in China in wartime memoirs, diaries and letters] // The Bulletin of Irkutsk State University. Series: History. 2019. Vol. 29. P. 100–108. (In Russ.). DOI: 10.26516/2222-9124.2019.29.100
5. Nikolaev D. A. Vospriatie obraza Kitaia v period vosstaniia ikhetuan' v epistoliar-nom nasledii generala K. V. Tserpitskogo [China's image during the period of Rebellion Ihetuan in K. V. Tserpitsky epistolary legacy] // Rossiia i Kitai: problemy strategicheskogo vzaimodeistviia: sbornik Vostochnogo tsentra. Chita: ZabGU, 2014. Vyp. 15. P. 103–108. (In Russ.).
6. Perevezentsev A. L. Gerbert Guver v Kitae: vpechatleniia ochevidtса i uchastnika istoricheskikh sobytii [Herbert Hoover in China: Impressions of an eyewitness and a participant of historical events] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2009. № 325. P. 79–85. (In Russ.).
7. Petukhova T. V. V. V. Korsakov o situatsii v Pekine nakanune ego osady ikhetuaniami [Korsakov about the situation in Beijing on the eve of its siege by Yihetuan] // News of Science and Education. 2018. Vol. 1. № 2. P. 021–026. (In Russ.).
8. Semenчук К. А. Репрезентатсия И. Я. Коростовтсом поведениа держав в Китae во время «боксерского кризиса» [Representation by I. Y. Korostovets Behavior of Power in China During “Boxing Crisis”] // Rossiia i Kitai: istoriia i perspektivy sotrudnichestva: materialy IX Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Blagoveshchensk – Kheikhe, Tian'tsin', Pekin, 20–28 maia 2019 g.) / отв. ред. А. В. Друзяка. Vyp. 9. Ch. 2. Blagoveshchensk: Blagoveshchenskii gosudarstvennyi universitet, 2019. P. 163–169. (In Russ.).

УДК 94

DOI: 10.25688/20-76—9105.2023.50.2.12

Рабуш Таисия Владимировна

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна

Санкт-Петербург, Россия

taisarabush@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8790-3402

«ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИЙ АФГАНИСТАН» Н. И. ВАВИЛОВА И ЕГО ВКЛАД В РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ АФГАНИСТИКИ

Аннотация. Советский ученый Николай Иванович Вавилов в России и за ее пределами известен как биолог, агроном, генетик, ботаник, но еще не предпринимались попытки рассмотреть его как выдающегося отечественного востоковеда-афганиста, и такую попытку решила предпринять автор настоящей статьи. Избранный для исследования вопрос представляется достаточно актуальным, поскольку научное наследие Н. И. Вавилова требует как можно более тщательного изучения и анализа; а также по той причине, что Афганистан, в сравнении с другими странами Среднего Востока, все еще остается недостаточно изученной страной, в том числе и в отношении его этнографии и культуры. Главная цель работы — выяснить степень вклада Н. И. Вавилова в отечественную афганистику и выделить основные заслуги ученого в этом направлении. Статья основана на анализе работы «Земледельческий Афганистан», на страницах которой великий советский ученый предстает в облике не только агронома и ботаника, но и востоковеда-этнографа, специалиста по Афганистану. На основе анализа вышеназванного труда автор приходит к выводу, что этнографические и культурные исследования Афганистана, выполненные Н. И. Вавиловым и его коллегами в ходе научной экспедиции в Афганистан в 1924 г., во-первых, как минимум частично не теряют своей актуальности и сейчас, сто лет спустя; и, во-вторых, позволяют утверждать, что Николай Иванович Вавилов по праву может именоваться одним из выдающихся отечественных исследователей Афганистана.

Ключевые слова: Афганистан, востоковедение, афганистика, этнография, советская наука, СССР, Николай Вавилов, афганцы.

UDC 94

DOI: 10.25688/20-76—9105.2023.50.2.12

Rabush Taisiya V.

Candidate of Historical Sciences

St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design

Saint Petersburg, Russia

taisarabush@mail.ru; ORCID: 0000-0001-8790-3402

***AGRICULTURAL AFGHANISTAN BY N. I. VAVILOV
AND HIS CONTRIBUTION TO THE DEVELOPMENT
OF RUSSIAN AFGHAN STUDIES***

Abstract. Nikolai Ivanovich Vavilov is known in Russia and abroad as a biologist, agronomist, geneticist, botanist, but no attempt has yet been made to consider him as an outstanding Afghan orientalist, and author of this article was decided to make such an attempt. The question chosen for the study seems to be quite relevant, since the scientific heritage of N. I. Vavilov requires the most careful study and analysis; and also for the reason that Afghanistan is still an insufficiently studied country, in comparison with an other countries of the East. The main goal of the work is to find out the contribution of N. I. Vavilov in Russian Afghan studies and highlight the main merits of the scientist in this direction. The article is based on the analysis of the work *Agricultural Afghanistan*, on the pages of which the great Soviet scientist appears in the guise of not only an agronomist and botanist, but also an orientalist-ethnographer, a specialist in Afghanistan. Based on the analysis of this work, the author comes to the conclusion that the ethnographic and cultural studies of Afghanistan, carried out by N. I. Vavilov and his colleagues during a scientific expedition to Afghanistan in 1924, firstly, at least partially do not lose their relevance even now, one hundred years later; and secondly, they allow us to assert that Nikolai Ivanovich Vavilov can rightfully be called one of the outstanding Russian researchers of Afghanistan.

Keywords: Afghanistan, oriental studies, Afghan studies, ethnography, Soviet science, USSR, Nikolai Vavilov, Afghans.

Введение. Вклад советского ученого Николая Ивановича Вавилова не только в отечественную, но и в мировую науку является поистине неоценимым¹. Этот без преувеличения великий человек заложил основу уникальной коллекции генетических ресурсов Всероссийского института растениеводства²; стал основателем некоторых направлений

¹ Глазко В. И. Николай Вавилов: Жизнь как служение Родине. Т. 1. М., 2017.

² Вишнякова М. А., Озерская Т. М. Экспедиции Н. И. Вавилова как источник пополнения коллекции генетических ресурсов зернобобовых ВИР // Зернобобовые и крупяные культуры. 2017. № 4 (24). С. 7–13; Дзюбенко Н. И. Вавиловская коллекция мировых генетических ресурсов культурных растений — стратегическая основа растениеводства России // Селекция, семеноводство и генетика. 2015. № 5. С. 16–21; Драгавцев В. А. Николай Иванович Вавилов — один из великих ученых земли в области генетических ресурсов растений // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. № 4. С. 82–95.

в теоретических и прикладных исследованиях биологической науки, например его можно назвать основоположником науки о фитоиммунитете³; установил центры происхождения культурных растений⁴; внес определенный вклад в развитие эволюционного учения⁵. Его роль в становлении отечественной агрономии тоже неоспорима⁶. Личность и деятельность Николая Ивановича неоднократно становилась темой отдельных исследований⁷, но в данной статье хотелось бы осветить его деятельность с несколько нетрадиционной точки зрения и проанализировать его вклад в отечественную (и не только) афганистику. Основой для проведения исследования стала фундаментальная работа Н. И. Вавилова и его коллеги Д. Д. Букинича «Земледельческий Афганистан» (1929)⁸, написанная по итогам предпринятой Николаем Ивановичем и его командой научной экспедиции в Афганистан в 1924 г. Работа «Земледельческий Афганистан» частично уже стала предметом осмысления и изучения: так, в статье В. П. Чичагова⁹ проанализировано описание рельефа Афганистана, приведенное Н. И. Вавиловым.

Прежде чем перейти к исследованию и рассмотрению заслуг Н. И. Вавилова как афганиста (в первую очередь как афганиста-этнографа), следует отметить, что экспедиционная деятельность ученого уже становилась предметом

³ Левитин М. М. Н. И. Вавилов — основоположник фитоиммунитета // Успехи современной науки. 2017. Т. 1. № 10. С. 17–23.

⁴ Авдеев В. И. Анализ учения об очагах происхождения культивируемых растений // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2017. № 3 (65). С. 213–216; Гончаров Н. П. Центры происхождения культурных растений // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 3/4. С. 561–574; Пыженков В. И. Н. И. Вавилов, его «центры происхождения культурных растений» и интродукция. СПб., 2008; Савченко И. В. Н. И. Вавилов — его роль в становлении науки о культурных растениях // Аграрная наука. 2019. № 1. С. 6–7.

⁵ Капитальчук М. В. О месте и роли закона гомологических рядов Н.И. Вавилова в эволюционном учении // Успехи современной науки. 2017. Т. 2. № 9. С. 114–120.

⁶ Баутин В. М. Научный вклад выдающегося ученого академика Н. И. Вавилова в развитие российского и мирового сельского хозяйства // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 147–160; Пономаренко В. В. Н. И. Вавилов — основоположник научного садоводства России // Плодоводство и ягодоводство России. 2012. Т. 34. № 2. С. 144–152.

⁷ Колчинский Э. И. Николай Иванович Вавилов (1887–1943) // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 3. С. 85–89; Савинова Т. А. Фонд академика Н. И. Вавилова в российском государственном архиве экономики // Историко-биологические исследования. 2016. Т. 8. № 4. С. 104–111.

⁸ В предисловии обозначен вклад каждого соавтора, а именно: «Труд составления предлагаемой читателю книги был поделен между Н. И. Вавиловым и Д. Д. Букиничем следующим образом: глава II — Почвенно-гидрологический очерк, глава VI — Техника земледелия и глава VII — Ирригация в Афганистане составлены Д. Д. Букиничем; ботаническое описание хлопчатника Афганистана сделано Г. С. Зайцевым. Все остальное составлено Н. И. Вавиловым. Общая редакция книги принадлежит Н. И. Вавилову» (Вавилов Н. И., Букинич Д. Д. Земледельческий Афганистан: (с 318 фотогр., табл. и 6 карт.). Л., 1929. С. 8).

⁹ Чичагов В. П. Рельеф Афганистана в трудах Н. И. Вавилова // Астраханский вестник экологического образования. 2019. № 1 (49). С. 40–45.

отдельных научных исследований. Так, в различных научных статьях рассмотрены экспедиция Н. И. Вавилова в Уругвай¹⁰, поездка в США и Западную Европу в 1921–1922 гг.¹¹, экспедиция на Сардинию и в Италию¹², экспедиция на Кавказ¹³. В статье Н. В. Ароновой анализируется восприятие Н. И. Вавиловым и членами его экспедиции жителей Эфиопии¹⁴, т. е., по сути, в этой работе он представлен как этнограф. Но практически невозможно увидеть упоминание Н. И. Вавилова в ряду с другими российскими и советскими афганистами. Однако его вклад в отечественную афганистику очевиден.

Ход и результаты исследования. В 1920-е гг. Афганистан уже не был terra incognita для российских (затем советских) исследователей и путешественников: страну неоднократно посещали военные экспедиции, члены и руководители которых оставили исследовательские работы, в которых рассматривается и рельеф Афганистана, и его дороги, и население, и политическое устройство, и экономические особенности страны, и т. д. «Гражданское» востоковедение тоже уделяло внимание изучению Афганистана. Классическими и до сегодняшнего дня актуальными остаются работа генерала А. Е. Снесарева «Афганистан»¹⁵ и исследования востоковеда И. М. Рейснера¹⁶, работавшего в Кабуле советским дипломатом. Тем не менее в жизни Афганистана все еще существовало много белых пятен, требующих тщательного изучения и как минимум описания, а как максимум — глубокого научного анализа. Особенную актуальность и остроту необходимость всестороннего изучения Афганистана приобретала в связи с тем, что в 1921 г. РСФСР и Афганистан установили дипломатические отношения¹⁷, причем Советская Россия стала первым государством мира, признавшим независимость Афганистана.

Едва начав знакомство с трудом «Земледельческий Афганистан», можно сразу же, в первой главе книги, увидеть профессиональное описание физико-географических условий, рельефа и климатических зон страны¹⁸. Далее Н. И. Вавилов представляет читателю картину типов землепользования

¹⁰ Сизоненко А. И. Николай Иванович Вавилов в Уругвае // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2 (14). С. 52–56.

¹¹ Авруцкая Т. Б. Поездка Н. И. Вавилова в США и Западную Европу в 1921–1922 гг. // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 540–559.

¹² Лоскутов И. Г. По следам вавиловских экспедиций. Сардиния. Италия // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 2014. Т. 175. № 1. С. 97–102.

¹³ Курносова Л. В., Авруцкая Т. Б., Дубровина Н. И. Н. И. Вавилов. Экскурсия на Кавказ // Человек. 2006. № 5. С. 127–148.

¹⁴ Аронова Н. В. Эфиопия и эфиопы в восприятии академика Н. И. Вавилова // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 76–85.

¹⁵ Снесарев А. Е. Афганистан. М., 2002. 272 с.

¹⁶ Рейснер И. М. Десять лет внешней политики Афганистана // Новый Восток. 1928. № 22. С. 67–86.

¹⁷ Советско-афганские отношения. 1919–1969 гг. Документы и материалы. М., 1971. С. 15–16.

¹⁸ Вавилов Н. И. Избранные труды: в 5 т. Т. 1. Земледельческий Афганистан. М.; Л., 1959. С. 52–71.

и ведения хозяйства в Афганистане в зависимости от конкретных климатических условий, географического ландшафта, геоморфологии района и типа почвы¹⁹. Принимая во внимание традиционалистский характер экономики современного Афганистана, возможно предположить, что это подробное экономико-физическое описание, данное Николаем Ивановичем, остается как минимум частично актуальным и в настоящее время.

Рассматривая в третьей главе этнический состав населения Афганистана и представляя краткий обзор истории страны, Н. И. Вавилов отмечает: «Ни одного археологического документа более раннего периода, предшествовавшего буддизму, до сих пор в Афганистане не найдено»²⁰ — и далее по тексту подчеркивает, что «следов интенсивной оседлой высокой культуры, равноценной или хотя бы сходной с великими цивилизациями древности, здесь не удалось найти и, как нам представляется, никогда и не удастся»²¹.

Однако в этом выводе ученый ошибся: позже, во второй половине XX в., советскими, афганскими и французскими археологами в ходе исследовательских работ в Афганистане были найдены прямые свидетельства существования на территории этой страны развитой древней цивилизации античного периода²².

Отдельно рассмотрены типы земледельческой культуры страны²³: так, в книге выделены имеющиеся на территории Афганистана кочевое хозяйство, полукочевое хозяйство и оседлое хозяйство. В рамках оседлого типа хозяйствования Н. И. Вавилов, в свою очередь, выделяет и рассматривает хозяйство узких высокогорных долин, находящихся выше 2600 м над уровнем моря²⁴; хозяйство пещерных жителей Бамианской долины²⁵; интенсивное хозяйство Гератской долины²⁶; хозяйство Кандагарского и Желалабадского оазисов²⁷; хозяйство горных долин, расположенных на высоте от 1400 до 2600 м над уровнем моря²⁸; и, наконец, зерново-богарное, хлопковое и рисовое оседлое хозяйство Северного Афганистана²⁹.

Особую ценность в «Земледельческом Афганистане» представляет описание перехода экспедиции Н. И. Вавилова – Д. Д. Букинича через Кафиристан, в настоящее время известный под названием Нуристан³⁰. Территория Нуристана не имела

¹⁹ Вавилов Н. И. Указ. соч. С. 77–91.

²⁰ Там же. С. 100.

²¹ Там же. С. 102.

²² Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаубов В. А. Археология Афганистана в дни мира и дни войны. М., 2014. С. 49–60; Сарияниди В. И. Бактрия сквозь мглу веков. М., 1984.

²³ Вавилов Н. И. Указ. соч. С. 105–118.

²⁴ Там же. С. 108–109.

²⁵ Там же. С. 109–112.

²⁶ Там же. С. 112–116.

²⁷ Там же. С. 116–117.

²⁸ Там же. С. 117.

²⁹ Там же. С. 117–118.

³⁰ Там же. С. 128–136.

государственной принадлежности до 1895 г., и только на рубеже 1895–1896 гг. она вошла в состав Афганистана, причем насильственным путем³¹. Жители этих земель, язычники по вероисповедной принадлежности, были принудительно обращены в ислам. В период пребывания экспедиции Н. И. Вавилова в Афганистане Нуристан оставался настоящим медвежьим углом даже по меркам этой страны, а из европейцев на тот период времени его посетил и сумел частично исследовать только британец Дж. Робертсон.

Исследовательская экспедиция под руководством Н. И. Вавилова совершила переход через Нуристан, не только собрав семена местных растений в ботаническую коллекцию, но также составив этнографическое описание местного населения и его занятий и, что очень существенно, уточнив географические и культурные границы Нуристана, придя к выводу о необходимости сужения географического понятия этого региона: «Географически, таким образом, территория Кафиристана уменьшается с севера на юг наполовину по сравнению с принимавшейся до сих пор и сводится, в сущности, к очень ограниченной области, проходимой караваном в продольном направлении в 4 дня от перевальной точки Паруна (4760 м) до Гуссалика, как это и сделано было нашей экспедицией... Собственно, Кафиристан сводится, таким образом, к очень ограниченному району, заключенному между основным массивом Гиндукуша с севера и южными отрогами его до параллели Гуссалика»³².

Таким образом, благодаря экспедиции Н. И. Вавилова удалось определить научно обоснованные границы Кафиристана (Нуристана), более узкие в сравнении с теми границами, которые предлагались учеными ранее.

Интерес представляет приводимый в книге краткий словарь основных относящихся к сельскому хозяйству слов и понятий в языках дари, пушту и в языке жителей Кафиристана³³, позволивший Н. И. Вавилу прийти к выводу о том, что языки пушту и дари являются лингвистически близкими (это действительно так, эти языки относятся к индоевропейской семье), а язык коренных обитателей Кафиристана имеет существенные отличия от пушту и дари, родных для большей части населения Афганистана.

В шестой главе, которую подготовил Д. Д. Букинич, тщательно анализируются и систематизируются типы ирригации и способы орошения, применяемые в Афганистане³⁴, что также, несомненно, интересно с этнографической точки зрения. Воззрения Н. И. Вавилова на способы орошения на пустынных территориях уже подвергались исследованию в некоторых научных статьях³⁵.

³¹ *Массон В. М., Ромодин В. А.* История Афганистана. Афганистан в Новое время. Т. 2. М., 1965. С. 300–304.

³² *Вавилов Н. И.* Указ. соч. С. 134.

³³ Там же. С. 137–138.

³⁴ Там же. С. 140–162.

³⁵ *Чамышев А. В.* Академик Н. И. Вавилов о роли орошения в зоне недостаточного увлажнения // Мелиорация и водное хозяйство. 2016. № 6. С. 39–41; *Чичагов В. П., Чуйков Ю. С.*

Выделены по типам ручьевое, кяризное и речное орошение; способы орошения рассмотрены также с географической точки зрения: учитывая применяемые в хозяйстве способы ирригации и орошения, Д. Д. Букинич как автор главы и Н. И. Вавилов как научный редактор выделяют Гератский оазис, бассейн реки Гильменд, бассейн мелких бессточных рек Южного Афганистана, Кабульский оазис, Джелалабадский оазис и Северный Афганистан. Отдельно рассмотрены орудия, применяемые для подготовки почвы к орошению³⁶.

В седьмой главе представлено очень ценное описание типов сельскохозяйственных орудий, применяемых в разных районах страны, и представлено их сравнение с известными Н. И. Вавилову и Д. Д. Букиничу сельскохозяйственными орудиями других народов, описаны разные способы хранения продуктов урожая и сена, способы сбора урожая, методы удобрения и ухода за растениями, а также способы переработки пищевых продуктов³⁷. Эти описания очень значимы для изучения не только экономики и земледелия страны, но и этнографии Афганистана.

Значительная часть «Земледельческого Афганистана» посвящена описанию сельскохозяйственных растений страны: от пшеницы и ржи и до винограда и лекарственных растений, причем описаны как культурные, так и дикие разновидности этих растений. Прежде чем перейти к описанию конкретных культур, Н. И. Вавилов представляет карту земледельческих районов страны³⁸ и дает характеристику локализации культурных растений с указанием высотных пределов их произрастания³⁹. Безусловно, описание и сбор семян культурных и дикорастущих растений Афганистана были основной целью экспедиции; но даже в ходе этой работы Н. И. Вавилов и его помощники по экспедиции оставляют этнографические зарисовки. Например, в книге можно ознакомиться с описанием употребления афганцами в пищу сердцевины из стеблей сахарного тростника в качестве замены сахара⁴⁰ или использования масла сурепицы в целях освещения⁴¹; узнать о лекарственном применении диких арбузов-колонцинтов⁴², об отсутствии у жителей Афганистана практики использования волокон льна для изготовления тканей⁴³, об изготовлении в Северном Афганистане муки из сухих ягод шелковицы (тутовника)⁴⁴, о выращивании подсолнечника исключительно как декоративного садового растения⁴⁵ и т. д. Приложение

Афганистан: традиционные способы ирригации и орошения // Астраханский вестник экологического образования. 2018. № 5 (47). С. 54–61.

³⁶ Вавилов Н. И. Указ. соч. С. 162–165.

³⁷ Там же. С. 171–192.

³⁸ Там же. С. 200–202.

³⁹ Там же. С. 202–212.

⁴⁰ Там же. С. 266–267.

⁴¹ Там же. С. 291.

⁴² Там же. С. 323.

⁴³ Там же. С. 297.

⁴⁴ Там же. С. 345.

⁴⁵ Там же. С. 303.

к книге «Маршруты экспедиции и главные торговые пути в Афганистане»⁴⁶ также представляет большую ценность для афганистики.

Заключение. Главный вывод «Земледельческого Афганистана» весьма значим для ботаники и агрономии: «Для ряда растений Афганистан и прилегающие к нему страны, в особенности районы северо-западной Индии, как показало исследование сортового состава культурной растительности, несомненно, представляют один из важнейших первоначальных мировых очагов формообразования. Об этом свидетельствует совершенно объективно сортовой состав культурных растений и наложение ареалов сортового разнообразия многих важнейших европейско-азиатских культур»⁴⁷.

Но кроме этого Н. И. Вавилов внес существенный вклад в изучение этнографии, культуры и даже лингвистики населения Афганистана, и сделанные им описания, наблюдения и выводы не только внесли заметный вклад в развитие отечественной афганистики 1920-х гг., но и сохраняют актуальность в настоящее время, сто лет спустя после осуществления этой научной экспедиции.

Описание типов земледелия, типизация методов и способов ирригации (в том числе и их типизация по географическому признаку), этнографическое исследование Кафиристана (Нуристана) и уточнение его культурных и географических границ — все это позволяет назвать Н. И. Вавилова не только выдающимся биологом и агрономом, талантливым генетиком, но и обозначить его имя в ряду известных отечественных востоковедов-афганистов.

Литература

1. Авдеев В. И. Анализ учения об очагах происхождения культивируемых растений // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2017. № 3 (65). С. 213–216.
2. Авруцкая Т. Б. Поездка Н. И. Вавилова в США и Западную Европу в 1921–1922 гг. // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2012. Т. 16. № 3. С. 540–559.
3. Аронова Н. В. Эфиопия и эфиопы в восприятии академика Н. И. Вавилова // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 76–85.
4. Баутин В. М. Научный вклад выдающегося ученого академика Н. И. Вавилова в развитие российского и мирового сельского хозяйства // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2018. № 1. С. 147–160. DOI: 10.26897/0021-342X-2018-1-147-160
5. Вавилов Н. И. Избранные труды: в 5 т. Т. 1. Земледельческий Афганистан / отв. ред. Л. Е. Родин. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. 415 с.
6. Вишнякова М. А., Озерская Т. М. Экспедиции Н. И. Вавилова как источник пополнения коллекции генетических ресурсов зернобобовых ВИР // Зернобобовые и крупяные культуры. 2017. № 4 (24). С. 7–13.

⁴⁶ Вавилов Н. И. Указ. соч. С. 366–390.

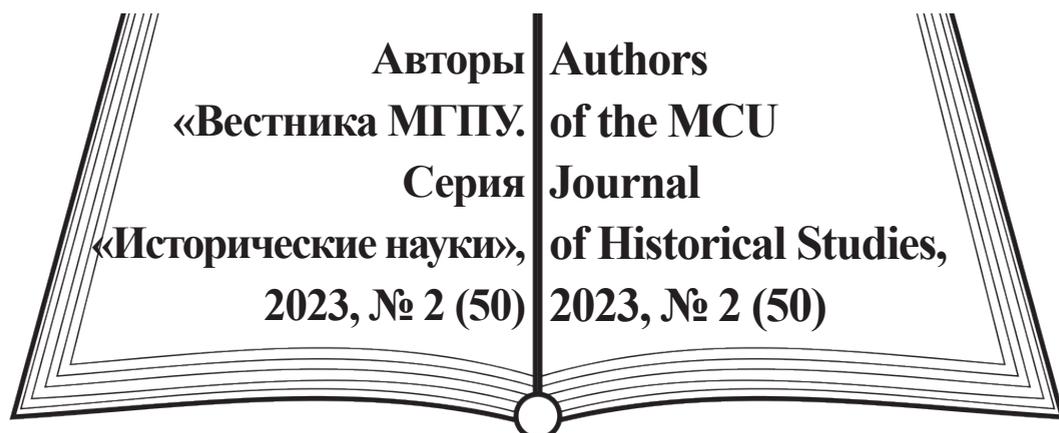
⁴⁷ Там же. С. 360.

7. Глазко В. И. Николай Вавилов: Жизнь как служение Родине: монография: в 2 т. Т. 1. М.: Курс, 2017. 656 с.
8. Гончаров Н. П. Центры происхождения культурных растений // Информационный вестник ВОГиС. 2007. Т. 11. № 3/4. С. 561–574.
9. Дзюбенко Н. И. Вавиловская коллекция мировых генетических ресурсов культурных растений — стратегическая основа растениеводства России // Селекция, семеноводство и генетика. 2015. № 5. С. 16–21.
10. Драгавцев В. А. Николай Иванович Вавилов — один из великих ученых земли в области генетических ресурсов растений // Известия Тимирязевской сельскохозяйственной академии. 2012. № 4. С. 82–95.
11. Капитальчук М. В. О месте и роли закона гомологических рядов Н. И. Вавилова в эволюционном учении // Успехи современной науки. 2017. Т. 2. № 9. С. 114–120.
12. Колчинский Э. И. Николай Иванович Вавилов (1887–1943) // Историко-биологические исследования. 2013. Т. 5. № 3. С. 85–89.
13. Кошеленко Г. А., Мунчаев Р. М., Гаибов В. А. Археология Афганистана в дни мира и дни войны. М.: Институт археологии РАН, 2014. 164 с.
14. Курносова Л. В., Авруцкая Т. Б., Дубровина Н. И. Н. И. Вавилов. Экскурсия на Кавказ // Человек. 2006. № 5. С. 127–148.
15. Левитин М. М. Н. И. Вавилов — основоположник фитоиммунитета // Успехи современной науки. 2017. Т. 1. № 10. С. 17–23.
16. Лоскутов И. Г. По следам вавиловских экспедиций. Сардиния. Италия // Труды по прикладной ботанике, генетике и селекции. 2014. Т. 175. № 1. С. 97–102.
17. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана: в 2 т. Т. 2. Афганистан в Новое время. М.: Наука, 1965. 552 с.
18. Пономаренко В. В. Н. И. Вавилов — основоположник научного садоводства России // Плодоводство и ягодоводство России. 2012. Т. 34. № 2. С. 144–152.
19. Пыженков В. И. Н. И. Вавилов, его «Центры происхождения культурных растений» и интродукция. СПб.: [Б. и.], 2008. 62 с.
20. Савинова Т. А. Фонд академика Н. И. Вавилова в Российском государственном архиве экономики // Историко-биологические исследования. 2016. Т. 8. № 4. С. 104–111. DOI: 10.24411/2076-8176-2016-11889
21. Савченко И. В. Н. И. Вавилов — его роль в становлении науки о культурных растениях // Аграрная наука. 2019. № 1. С. 6–7. DOI: 10.32634/0869-8155-2019-326-1-6-7
22. Сарияниди В. И. Бактрия сквозь мглу веков. М.: Мысль, 1984. 159 с.
23. Сизоненко А. И. Николай Иванович Вавилов в Уругвае // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2008. № 2 (14). С. 52–56.
24. Чамышев А. В. Академик Н.И. Вавилов о роли орошения в зоне недостаточного увлажнения // Мелиорация и водное хозяйство. 2016. № 6. С. 39–41.
25. Чичагов В. П. Рельеф Афганистана в трудах Н. И. Вавилова // Астраханский вестник экологического образования. 2019. № 1 (49). С. 40–45.
26. Чичагов В. П., Чуйков Ю. С. Афганистан: традиционные способы ирригации и орошения // Астраханский вестник экологического образования. 2018. № 5 (47). С. 54–61.

References

1. Avdeev V. I. Analiz ucheniia ob ochagakh proiskhozhdeniia kul'tiviruemykh rastenii [Analysis of the doctrine of the centers of the origin of cultivated plants] // *Izvestia Orenburg State Agrarian University*. 2017. № 3 (65). P. 213–216. (In Russ.).
2. Avrutskaia T. B. Poezdka N. I. Vavilova v SShA i Zapadnuuiu Evropu v 1921–1922 gg. [The trip of N.I. Vavilov in the USA and Western Europe in 1921–1922] // *Vavilov Journal of Genetics and Breeding*. 2012. Vol. 16. № 3. P. 540–559. (In Russ.).
3. Aronina N. V. Efiopiia i efiiopy v vospriiatii akademika N. I. Vavilova [Ethiopia and thioptions in the perception of academician N. I. Vavilov] // *Intelligentsia and the World*. 2015. № 4. P. 76–85. (In Russ.).
4. Bautin V. M. Nauchnyi vklad vydaishchegosia uchenogo akademika N. I. Vavilova v razvitie rossiiskogo i mirovogo sel'skogo khoziaistva [The scientific contribution of the outstanding scientist academician N. I. Vavilov in the development of Russian and world agriculture] // *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2018. № 1. P. 147–160. (In Russ.). DOI: 10.26897/0021-342X-2018-1-147-160
5. Vavilov N. I. Izbrannye trudy: v 5 t. T. 1. Zemledel'cheskii Afganistan [Selected works: in 5 vols. Vol. 1. Agricultural Afghanistan] / otv. red. L. E. Rodin. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 1959. 415 p. (In Russ.).
6. Vishniakova M. A., Ozerskaia T. M. Ekspeditsii N. I. Vavilova kak istochnik popoleniia kollektсии geneticheskikh resursov zernobobovykh VIR [Expeditions of N. I. Vavilov as a source of replenishment of the collection of genetic resources of legumes VIR] // *Legumes and Groat Crops*. 2017. № 4 (24). P. 7–13. (In Russ.).
7. Glazko V. I. Nikolai Vavilov: Zhizn' kak sluzhenie Rodine [Nikolai Vavilov: Life as service to the Motherland]: monografiia: v 2 vols. Vol. 1. Moscow: Kurs, 2017. 656 p. (In Russ.).
8. Goncharov N. P. Tsentry proiskhozhdeniia kul'turnykh rastenii [Centers of origin of cultivated plants] // *Informatsionnyi vestnik VOGiS*. 2007. Vol. 11. № 3/4. P. 561–574. (In Russ.).
9. Dziubenko N. I. Vavilovskaia kollekttsiia mirovykh geneticheskikh resursov kul'turnykh rastenii — strategicheskaiia osnova rastenievodstva Rossii [Vavilovskaya collection of world genetic resources of cultivated plants as a strategic basis for plant growing in Russia] // *Selektsiia, semenovodstvo i genetika*. 2015. № 5. P. 16–21. (In Russ.).
10. Dragavtsev V. A. Nikolai Ivanovich Vavilov — odin iz velikikh uchenykh zemli v oblasti geneticheskikh resursov rastenii [Nikolai Ivanovich Vavilov — one of the great scientists of the earth in the field of plant genetic resources] // *Izvestiya of Timiryazev Agricultural Academy*. 2012. № 4. P. 82–95. (In Russ.).
11. Kapital'chuk M. V. O meste i roli zakona gomologicheskikh riadov N. I. Vavilova v evoliutsionnom uchenii [On the place and role of the law of homological series N. I. Vavilov in evolutionary doctrine] // *Uspekhi sovremennoi nauki*. 2017. Vol. 2. № 9. P. 114–120. (In Russ.).
12. Kolchinskii E. I. Nikolai Ivanovich Vavilov (1887–1943) [Nikolai Ivanovich Vavilov (1887–1943)] // *Studies in the History of Biology (SHB)*. 2013. Vol. 5. № 3. P. 85–89. (In Russ.).
13. Koshelenko G. A., Munchaev R. M., Gaibov V. A. Arkheologiia Afganistana v dni mira i dni voyny [Archeology of Afghanistan in the days of peace and days of war]. Moscow: Institut arkheologii RAN, 2014. 164 p. (In Russ.).

14. Kurnosova L. V, Avrutskaia T. B., Dubrovina N. I. N. I. Vavilov. Ekskursiia na Kavkaz [N. I. Vavilov. Excursion to the Caucasus] // *Chelovek*. 2006. № 5. P. 127–148. (In Russ.).
15. Levitin M. M. N. I. Vavilov — osnovopolozhnik fitoimmuniteta [N. I. Vavilov — the founder of phytoimmunity] // *Uspekhi sovremennoi nauki*. 2017. Vol. 1. № 10. P. 17–23. (In Russ.).
16. Loskutov I. G. Po sledam vavilovskikh ekspeditsii. Sardinia. Italiia [In the footsteps of the Vavilov's expeditions. Sardinia. Italy] // *Proceedings on Applied Botany, Genetics and Breeding*. 2014. Vol. 175. № 1. P. 97–102. (In Russ.).
17. Masson V. M., Romodin V. A. Istoriia Afganistana: v 2 t. T. 2. Afganistan v Novoe vremia [History of Afghanistan: in 2 vols. Vol. 2. Afghanistan in modern times.]. Moscow: Nauka, 1965. 552 p. (In Russ.).
18. Ponomarenko V. V. N. I. Vavilov — osnovopolozhnik nauchnogo sadovodstva Rossii [N. I. Vavilov — the founder of scientific horticulture in Russia] // *Pomiculture and Small Fruits Culture in Russia*. 2012. Vol. 34. № 2. P. 144–152. (In Russ.).
19. Pyzhenkov V. I. N. I. Vavilov, ego «Tsentry proiskhozhdeniia kul'turnykh rastenii» i introduksiia [N. I. Vavilov, his “Centers of origin of cultivated plants” and introduction]. St. Petersburg: [B. i.], 2008. 62 p. (In Russ.).
20. Savinova T. A. Fond akademika N. I. Vavilova v Rossiiskom gosudarstvennom arkhive ekonomiki [Fund of the academician N. I. Vavilov in the Russian State Archive of Economics] // *Studies in the History of Biology (SHB)*. 2016. Vol. 8. № 4. P. 104–111. (In Russ.). DOI: 10.24411/2076-8176-2016-11889
21. Savchenko I. V. N. I. Vavilov — ego rol' v stanovlenii nauki o kul'turnykh rasteniakh [N. I. Vavilov — his role in the development of the science of cultivated plants] // *Agrarian Science*. 2019. № 1. P. 6–7. (In Russ.). DOI: 10.32634/0869-8155-2019-326-1-6-7
22. Sarianidi V. I. Baktريا skvoz' mglu vekov [Bactria through the mists of time]. Moscow: Mysl', 1984. 159 p. (In Russ.).
23. Sizonenko A. I. Nikolai Ivanovich Vavilov v Urugvae [Nikolai Ivanovich Vavilov in Uruguay] // *Science Journal of VolSU. History. Area Studies. International Relations*. 2008. № 2 (14). P. 52–56. (In Russ.).
24. Chamyshev A. V. Akademik N. I. Vavilov o roli orosheniia v zone nedostatochnogo uvlazhneniia [Academician N. I. Vavilov on the role of irrigation in the zone of insufficient moisture] // *Irrigation and Water Management*. 2016. № 6. P. 39–41. (In Russ.).
25. Chichagov V. P. Rel'ef Afganistana v trudakh N. I. Vavilova [The relief of Afghanistan in the works of N. I. Vavilov] // *Astrakhanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniia*. 2019. № 1 (49). P. 40–45. (In Russ.).
26. Chichagov V. P., Chuikov Iu. S. Afganistan: traditsionnye sposoby irrigatsii i orosheniia [Afghanistan: traditional methods of irrigation] // *Astrakhanskii vestnik ekologicheskogo obrazovaniia*. 2018. № 5 (47). P. 54–61. (In Russ.).

Андреев Игорь Львович — кандидат исторических наук, доцент, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Московского городского педагогического университета.

Andreev Igor L. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Head of the Department of Russian History, Moscow City University.

E-mail: andreev_hist@mail.ru

Гарькавый Игорь Владимирович — аспирант Московского городского педагогического университета.

Garkavy Igor V. — Postgraduate Student of Moscow City University.

E-mail: igarkav@gmail.com

Иванов Андрей Александрович — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Новейшей истории России Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Ivanov Andrey A. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Modern History of Russia, Institute of History, St. Petersburg State University.

E-mail: andrey.a.ivanov@spbu.ru

Кискидосова Татьяна Александровна — кандидат исторических наук, заведующая сектором истории Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории.

Kiskidosova Tatiana A. — Candidate of Historical Sciences, Head of the History Sector of the Khakass Research Institute of Language, Literature and History.

E-mail: tak_74@mail.ru

Ковалева Елизавета Олеговна — магистр истории, исследователь-лаборант Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Kovaleva Elizaveta O. — Master of History, Laboratory Researcher at the Institute of History of St. Petersburg State University.

E-mail: elizavetakowaliowa@yandex.ru

Мальшева Ольга Геральдовна — доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

Malysheva Olga G. — Doctor of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Russian History of the Moscow City University.

E-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru

Нохрин Иван Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры политических наук и международных отношений историко-филологического факультета Челябинского государственного университета.

Nokhrin Ivan M. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science and International Relations, Faculty of History and Philology, Chelyabinsk State University.

E-mail: ivan-nokhrin@yandex.ru

Огарков Александр Николаевич — кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры искусствovedения факультета дизайна Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица.

Ogarkov Aleksandr N. — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Art History, Faculty of Design, Saint Petersburg State Academy of Art and Design named after A. L. Stieglitz.

E-mail: suer53@inbox.ru

Петров Михаил Дмитриевич — аспирант Московского городского педагогического университета.

Petrov Mikhail D. — Postgraduate Student of Moscow City University.

E-mail: petrov1995@mail.ru

Полтавец Ирина Александровна — аспирант Московского городского педагогического университета.

Poltavets Irina A. — Postgraduate Student of Moscow City University.

E-mail: pia@duma.mos.ru

Рабуш Таисия Владимировна — кандидат исторических наук, доцент кафедры общественных наук Института экономики и социальных технологий Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна.

Rabush Taisiya V. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Department of Social Sciences, Institute of Economics and Social Technologies, St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design.

E-mail: taisarabush@mail.ru

Рябов Александр Вячеславович — кандидат культурологии, доцент, заведующий кафедрой философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы Министерства Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий имени Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева.

Ryabov Aleksandr V. — Candidate of Cultural Studies, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences, Saint-Petersburg State Fire Service University of the Ministry of the Russian Federation for Civil Defence, Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters named after the Hero of the Russian Federation, Army General E. N. Zinichev.

E-mail: ryboff@yandex.ru

Токарева Елена Анатольевна — кандидат исторических наук, профессор, заместитель директора Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета.

Tokareva Elena A. — Candidate of Historical Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Humanities of the Moscow City University.

E-mail: tokarev-elena@yandex.ru

Челнокова Алла Юрьевна — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета.

Chelnokova Alla Yu. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Russian History, Moscow City University.

E-mail: allajurevna@yandex.ru

Цельхова Елизавета Константиновна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института охоты и звероводства им. профессора Б. М. Житкова.

Tselykhova Elizaveta K. — Candidate of Philology, Senior Researcher, Professor Zhitkov Institute of Game Management and Fur Farming.

E-mail: huntingculture@yandex.ru

Черемных Олег Александрович — кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры инновационных технологий, исторического, обществоведческого и правового образования факультета истории, политологии и права Историко-филологического института Московского государственного областного университета.

Cheremnykh Oleg A. — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Innovative Technologies, Historical, Social Science and Legal Education of the Faculty of History, Political Science and Law of the Historical and Philological Institute of the Moscow Region State Pedagogical University.

E-mail: rggu-voskafedra@mail.ru

Шведова Валерия Владимировна — младший научный сотрудник, аспирант Института истории и социальных наук Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Shvedova Valeria V. — Junior Researcher, Postgraduate Student of the Institute of History and Social Sciences of Herzen State Pedagogical University of Russia.

E-mail: vvshvedova@herzen.spb.ru

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». *MCU Journal of Historical Studies* принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы на русском и английском языках по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Материалы для публикации научной статьи следует направлять по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль шрифта — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически). Не допускаются разрывы между абзацами, автоматические переносы, автоматическая нумерация списков.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Подрисовочные подписи выполняются кеглем шрифта 12; отдельно предоставляются рисунки в формате *jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Метаданные

Метаданные приводятся до основного текста статьи на русском или английском языке в зависимости от того, на каком языке написана статья, и затем повторяются на другом языке.

Данные указываются в обозначенной последовательности без разделения запятыми:

УДК (www.teacode.com/online/udc/)

Ф. И. О. (Иванов Иван Иванович / Ivanov Ivan I.)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается *название статьи* (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют *аннотация* (200–250 слов) и *ключевые слова* (7–10 слов). В аннотации указываются актуальность и цель исследования, а также его основные результаты. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи, включать основные категории и понятия, отражающие ее содержание.

Ниже ключевых слов могут быть размещены благодарности, посвящения и сведения о финансировании исследований (при наличии).

Разделы научной статьи

Введение: постановка проблемы; научная новизна и актуальность исследования; историография вопроса; источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования: должны соответствовать целям и задачам исследования, результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение: содержит выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Ссылки на источники

Используемые в статье источники и литература должны быть отражены в подстрочных ссылках (сносках), при оформлении которых следует руководствоваться ГОСТ Р 7.0.100–2018 «Библиографическая запись. Библиографическое описание: Общие требования и правила составления».

Подстрочные ссылки (сноски) на используемые в статье материалы автоматические, нумерация сквозная, кегль шрифта — 10; интервал — 1.

Литература и References

Ниже текста статьи должны располагаться разделы «Литература» и References, содержащие библиографические описания использованных научных работ (монографий, диссертаций, авторефератов и статей). В эти разделы **не включаются** источники, энциклопедии, справочники, электронные ресурсы, художественные произведения и т. п.

В разделе «Литература» приводятся названия работ на языке оригинала (русском, английском и т. п.), которые располагаются по алфавиту. Библиографические описания на языках с разной графикой оформляются в следующем порядке: 1) кириллица; 2) латиница; 3) другие виды графики, транслитерация (в русской транскрипции).

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние пять лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

В разделе References работы, написанные на русском или других языках, использующих кириллицу, приводятся в транслитерации (сайт для автоматической транслитерации: WWW.TRANSLIT.RU. Режим транслитерации — LC / Library of Congress). Их названия дублируются переводом на английский язык, заключенным в квадратные скобки. В конце библиографического описания для изданий на кириллице в скобках указывается язык оригинала: (In Russ.), (In Bulg.), (In Ukr.).

Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, они приводятся в разделе References (например, MCU Journal of Historical Studies).

Литература, написанная на английском или других языках, использующих латиницу, приводится на языке оригинала. Порядок размещения работ в разделе References повторяет порядок в разделе «Литература».

Несоответствие разделов «Литература» и References предъявляемым требованиям (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal
Вестник МГПУ.
Серия «Исторические науки».

MCU Journal
of Historical Studies

2023, № 2 (50)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омелянчук*

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 2.

Телефон: 8-499-181-50-36.

https://www.mgpu.ru/centers/izdat_centre/

Подписано в печать: 28.07.2023 г.

Формат: 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага: офсетная.

Объем: 12 печ. л. Тираж: 1000 экз.